

И. Ф. Грек

Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX вв.)

I. F. Grek.

Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 — early 1800).

This paper is the first publication of some archival materials. The author reveals peculiar features of development of anthroponymy among Transdanubian settlers who established in Moldavian Principality and then in Bugeac in 1770 — early 19th century. He also studies premises for their transformation under the influence of religious factor and conditions of the Ottoman domination, followed by emigration and a long life in a foreign environment. Identity of anthroponyms among the Bulgarians and Gagauzes of Bessarabia does not allow distinguishing them by number of population. Although both linguistic communities were masked under the same name of Bulgarians, this term is not used as an ethnic name, but rather functions as a politonym or toponym. It emerged in 12th — 14th cc. in the Second Bulgarian Kingdom, and it was preserved by the bilingual population of the Bulgarian lands during the Ottoman rule. The Turkish-speaking population on the Balkans was not absorbed by the Ottoman Turks owing to their Orthodox faith. In Bugeac, concentration of Turkish-speaking colonists in some localities conditioned the genesis of Gagauz community in Bessarabia.

I. F. Grek.

Antroponimia “imigranților de la Dunăre” (ultima treime a sec. XVIII — începutul sec. XIX).

Pe baza materialelor de arhivă introduse pentru prima dată în circulație științifică, se descoperă specificul formării antroponimiei imigranților de la Dunăre care s-au stabilit pe teritoriul principatului Moldovei și apoi în Bugeac în ultima treime a sec. XVIII — începutul sec. XIX. De asemenea, sunt cercetate premisele transformării acestora sub influența unor factori religioase, condițiilor de dominația otomană-musulmană în regiunea Balcanilor, apoi sub influența emigrării spre nordul Dunării și trăirii îndelungată într-un mediu de limba străină moldovenească. Identitatea antroponimelor la bulgari și găgăuzi din Basarabia nu permite să determine în mod separat componența cantitativă a acestora. Deși ambele comunități lingvistice se ascundeau sub aceeași autodenumire „bulgari”, dar acest termen nu este un etnonim, ci îndeplinește funcția de politonim sau toponim. Acesta a apărut încă în sec. XII—XIV, în cel de-al doilea Regat bulgar, fiind păstrat de populația bilingvă a teritoriilor bulgare timp de cinci secole de dominație otomană. În Balcani, populația vorbitoare de limba turcică nu a fost absorbită de către turci otomani din cauza credinței lor ortodoxe. Însă, în condițiile Bugeacului, concentrația coloniștilor, vorbitori de limba turcică, în unele localități a determinat formarea comunității găgăuze în Basarabia.

И. Ф. Грек.

Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII — начало XIX вв.).

В работе на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрываются особенности формирования антропонимии задунайских переселенцев на территории Молдавского княжества, а затем Буджака в последней трети XVIII — начале XIX веков. Исследуются также предпосылки их трансформации под воздействием религиозного фактора, условий османского господства, а затем эмиграции и длительного проживания в иноязычной среде. Идентичность антропонимов у бессарабских болгар и гагаузов не позволяет определить их численный состав по отдельности. Хотя обе языковые общины скрывались под одним и тем же самоназванием болгары, но этот термин выступает не как этноним, а выполняет функции политонима либо топонима. Он возник еще в XII—XIV вв. во Втором Болгарском царстве, и его сохранило двуязычное население болгарских земель в период османского владычества. На Балканах тюркоязычное население не было поглощено турками-османами благодаря своей православной вере. В условиях же Буджака концентрация тюркоязычных колонистов в определенных населенных пунктах обусловила процесс формирования гагаузской общности в Бессарабии.

Keywords: Bulgarians, Gagauzes, anthroponymy, ethnic history, Dobrogea, Moldova, Bugeac.

Cuvinte cheie: bulgari, găgăuzi, antroponimie, istoria etnică, Dobrogea, Moldova, Bugeac.

Ключевые слова: болгары, гагаузы, антропонимия, этническая история, Добруджа, Молдова, Буджак.

Введение

В работе речь пойдет не обо всех переселенцах из-за Дуная конца XVIII — начала XIX века, а лишь о тех из них, кто поселился на землях молдавского помещика Иона Бальша и затем бежал на казенные земли «собственно так называемой Бессарабии» — в Буджак.

Буджак входил в состав Османской империи частично с 1484 г., а полностью — с 1539 г. В 1812 г. Порты уступила его России по условиям Бухарестского мирного договора. Тогда же, согласно этому договору, к России отошла и часть территории Молдавского княжества — его Пруто-Днестровское междуречье, южная часть которого граничила с Буджаком.

Степная часть Буджака после отселения оттуда ногайских татар в 1807 г. была практически незаселенной, и с 1812 г. Петербург распоряжался ею как «казенной землей», то есть, принадлежащей самому государству. Царские власти также объединили Буджак с присоединенным к России в том же году Пруто-Днестровским междуречьем Молдавского княжества и дали этой территории название Бессарабская область.

Почему выходцы из-за Дуная в массовом порядке не поселялись в Буджаке до 1806 года и даже до «прокламации» М.И. Кутузова в апреле 1811 г.? Если говорить о периоде до 1806 г., то степной Буджак был занят ногайскими татарами. В документе, относящемся к январю 1761 г., опубликованном Д.И. Хайдарлы, в котором описывается пребывание эдисанских буджакских орд в Буджаке, говорится: «...Вышеописанныя ж татарския орды и во время миру у турков с Россиею... всегда пребывала в своих деревенских селениях. А их деревни населены были одними татарами, а не другим каким народом. Ис которых некоторые зажиточные жители пленных у себя имели из других народов, то есть калмыков, арапов, грузинцев и черкесов» (Хайдарлы 2008: 490). Ногайским татарам самим не хватало буджакского пространства, и они фактически владели и частью территории Молдавского княжества, так называемой «двухчасовой зоной» Пруто-Днестровского междуречья. Она находилась Северо-Западнее Буджака и отделялась от него «границей Халил-паши», установленной в 1729—1739 гг. Сама эта «двухчасовая зона» состояла из двух частей: северная часть «простиралась от границы Бендерской райи до местечка Леова, а южная — от Верхнего Траянова вала до западного берега р. Ялпуг в ее нижнем течении (район Мусаит)» (Хайдарлы 2007: 482—483).

Выходцы из-за Дуная, если и появлялись тогда в Буджаке, то только с разрешения ногайцев. К тому же, они бежали с балканских земель Порты не для того, чтобы селиться на буджакские земли Порты — и там и здесь православное население относилось к категории «неверных» и считалось «раей», «урум милети», «гяурами».

Во время первой в XIX в. русско-турецкой войны задунайские эмигранты могли поселяться в Буджак только после ухода оттуда ногайских татар, то есть после 1807—1808 гг. По подсчетам И.И. Мещерюка в Бессарабии до 1809 г. числилось до 4 тыс. болгар и гагаузов, а к 1812 г. их количество «возросло до 25 тысяч человек» (Мещерюк 1957: 13). Но массового заселения буджакских земель до 26 апреля 1811 г., на наш взгляд, все же не последовало, поскольку шла война, и балканскому крестьянину не было ясно, чем она закончится. Из 20316 семейств, покинувших болгарские земли в 1806—1811 гг., в Бессарабию переселились только 2524 семейства (Грек, Червенков 1993: 14).

Массовый характер переселению именно в Буджак придала только указанная «прокламация» главнокомандующего Молдавской армией. Выходцам из-за Дуная стало ясно, что Буджак останется в пределах Российской империи, а кроме этого, М.И. Кутузов обещал им льготы и социально-правовое устройство на правах Донского казачьего войска. Именно это обстоятельство придало переселению в Буджак из-за Дуная, а затем и из Дунайских княжеств массовый характер, подвинуло их на борьбу за свое устройство здесь на условиях, обещанных им Кутузовым.

Прокламация главнокомандующего Молдавской армией послужила основанием для самовольного переселения на казенные земли Буджака также и тех выходцев из-за Дуная, которые ранее поселились на владельческих землях, расположенных до 1812 г. на территории Молдавского княжества либо захваченных молдавскими помещиками в Буджаке до его вхождения в состав России (подробнее см.: Мещерюк 1957; Крыжановская, Руссев 1957; 1961: 27—37; Грек 1976: 46—54). И именно в связи с устройством выходцев из-за Дуная в Южной Бессарабии на условиях Кутузова после 1812 г. возникла потребность дифференцировать их по времени переселения из-за Дуная. Тех переселенцев, которые поселились до 1806 г. как собственно в Буджаке, так и на помещичьих землях в приграничной зоне Буджака, но на территории Молдавского княжества, стали именовать «старые пересе-

ленцы». Тех же, кто поселялся здесь в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., отнесли в категорию «новые переселенцы». Такое деление было связано с тем, что для «новых переселенцев» и «старых переселенцев» царские власти устанавливали разный временной режим льгот от платежа податей. Мы используем это деление на «старых» и «новых» переселенцев при анализе двух именных списков задунайских переселенцев с целью установления времени их переселения из-за Дуная, определения болгарских территории, откуда произошло выселение болгар и гагаузов, а также выявления общего и особенного в специфике антропонимии «старых переселенцев» и «новых переселенцев».

Существует значительная литература о переселении выходцев из-за Дуная в Бессарабию в целом (см.: Грек 2003: 32—78). Вместе с тем, в ней слабо отражены переселения из-за Дуная последней трети XVIII века. Больше повезло переселенцам из болгарских земель в период русско-турецкой кампании 1806—1812 гг. (Мещерюк 1950: 73—87; 1953: 65—97). Отдельные сюжеты этой эмиграции из-за Дуная отражены в работах В.Д. Конобеева, С. Дойнова. Особенно полно она отражена в сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского», составленном К.П. Крыжановской и Е.М. Руссевым.

Как видно, в историографии слабо изучены аспекты, раскрывающие историческую судьбу переселенцев XVIII века. Не иссле-

дованными остаются такие сюжеты, как время и география их эмиграции из болгарских земель, время и география их поселения в Дунайских княжествах, откуда многие из них затем переселились в Буджак. Особую научную значимость и общественную актуальность приобрела в последнее время проблема этнодемографического состава переселенцев, относящихся к последней трети XVIII — первой четверти XIX вв., что связано с попытками ряда современных исследователей определять этнический состав выходцев из земель Северо-восточной Болгарии без привлечения всего массива источников из архивохранилищ России, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии (Каранастас-Радова 2001).

В данной работе на основе новых архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, предпринята попытка посредством анализа антропонимов выходцев из-за Дуная показать всю сложность этнодемографических процессов, происходивших в истории Болгарии. А без их учета невозможен объективный ответ на вопрос об этническом составе переселенцев последней трети XVIII — начала XIX вв. При этом учитываем тот факт, что эмиграция населения с болгарских земель осуществлялась тогда в условиях незавершенности процесса формирования болгарской нации, происходивший в не благоприятствовавший ему период пятивекового османо-мусульманского господства в Болгарии.

Глава 1. Антропонимия «старых переселенцев»

Краткая история появления определений «старые переселенцы» и «новые переселенцы» такова. После русско-турецкой войны 1806—1812 гг. царское правительство должно было решить вопрос об устройстве выходцев из-за Дуная, эмигрировавших из Болгарии именно в ходе этой военной кампании. Решение проблемы затянулось на несколько лет. Переселенцы временно устраивались кто как может. Часть из них поселилась на помещичьих землях, попав в феодальную зависимость от местных землевладельцев. Задунайские выходцы 1806—1812 гг. требовали устроить их на правах Донского казачьего войска, которые были обещаны им главнокомандующим Молдавской армией М.И. Кутузовым. В 1814—1818 гг. они развернули ожесточенную борьбу за право сохранить за собой статус свободных крестьян. Она выражалась, главным образом, в массовом самовольном переходе задунайских пере-

селенцев с помещичьих имений на казенные земли Буджака.

В этой борьбе самое активное участие приняли и те выходцы из-за Дуная, которые переселились в Пруто-Днестровское междуречье задолго до русско-турецкой войны 1806—1812 годов. Она отражена в указанном выше сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского», монографии И.И. Мещерюка, в ряде научных статей Е.М. Руссева и К.П. Крыжановской, Н.И. Казакова, И.Ф. Грека и др. (Грек 2003). В результате этого массового движения подавляющее большинство выходцев из-за Дуная поселились в Буджаке.

В ходе самого противостояния между властями и помещиками, с одной стороны, и переселенцами, с другой, выяснилось, что часть выходцев из-за Дуная давно поселилась на помещичьих землях, они не относились к эми-

грации 1806—1812 годов. На них не распространялись льготы и правовое устройство в Бессарабии на условиях М.И. Кутузова, включенные в его прокламации от 26 апреля 1811 г. Правительство было поставлено перед дилеммой: вернуть помещикам их крестьян, либо разместить их всех на казенных землях Буджака. Исходя из своих стратегических интересов на Балканах, Петербург пошел на второй вариант, но разделил всех переселенцев на две категории. Те, кто переселился в Пруто-Днестровское междуречье до 1806 г., были отнесены в категорию «старые переселенцы» и им полагалась 3-летняя льгота от податей и повинностей. Те же, кто переселился в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., были отнесены властями к «новым переселенцам», и они получили 10-летние льготы.

Бессарабские помещики, и особенно Янко (Ион, Иван) Бальша, хотя и согласились с решением правительства, но их имения остались без рабочей силы. Они понесли серьезные убытки. С этим примирились все, за исключением Бальша. Два прошения камергера Иона Бальша в Бессарабское областное правление поступили в декабре 1831 г. К рассмотрению его ходатайства были подключены новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и высшие инстанции Санкт-Петербурга. Царское правительство было вынуждено заняться этим делом. Оно организовало проверку тех данных о бежавших из его имений выходцев из-за Дуная, которые представил И. Бальша. К выявлению истины были привлечены чиновники судебных инстанций Бессарабии. Проверка продолжалась более семи лет. В 1839 г. результаты проверки были оформлены в пяти списках глав семей, бежавших из имений помещика Бальша. Приведем их полное название:

1) «Именной список старожилым болгарам, перешедшим из имений помещика Ивана Бальша, в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 10 июня 1839 г. на 51 листе (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 771—822);

2) «Именной список поселянам молдованам, разшедшимся из имений помещика Бальша в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 2 мая 1839 г. на 93 листах. Включает 839 глав семей и бур-

лаков, то есть одиноких (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 823—916);

3) «Именной список болгарам, вышедшим во время предпоследней с турками войны, и после прокламации князя Кутузова Смоленского, и поселившимся было в имении помещика Бальша, а потом бежавшим в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 20 июля 1839 г. на 23 листах (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 917—940);

4) «Именной список, извлеченный из собранных сведений изследованиями о тех выходцах, кои со времени перехода прежних поселян от помещика Бальша водворились впоследствии на его землях» от 25 августа 1839 г. на 6 листах. Он включает сведения о 106 семьях и бурлаках (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 941—946);

5) «Именной список поселянам, жительствовавшим на землях помещика Бальша, и переселившимся из его имений в селениях других помещиков Бессарабской области, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека» от 25 марта 1839 г. на 49 листах. Включает сведения о 330 семьях и бурлаках (НА РМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 672. Л. 947—994). Приведенная сигнатура архивного дела относится к 70-м гг. прошлого столетия, когда автор делал из него выписки.

Нас интересуют первый и третий «Именные списки» глав семей выходцев из-за Дуная, переселившихся со своими домочадцами с помещичьих земель И. Бальша на казенные земли Буджака. Оба они составлены поселянским стряпчим Аккерманского уезда по фамилии Зворский. Для краткости и чтобы не запутать читателя, ниже будем называть первый «Именным списком» Зворского, а второй — «Именным списком болгарам, новым переселенцам».

Источниковый анализ антропонимов из «Именного списка» Зворского. Это сводный документ, а его база — именные списки, составленные «разными комиссиями» на основе сбора сведений чиновниками судебных инстанций Бессарабской области и Управления задунайскими переселенцами с 1832 г. по 1839 г. По отношению к локальным спискам «Именной список» Зворского от 10 июня 1839 г. чисто внешне выглядит как вторичный документ. Но это не так, поскольку в нем обобщены самые последние и, что очень важно, проверенные и достоверные данные о тех

«старожилых болгарях», которые самовольно переселились на казенные земли Буджака из имений И. Бальша. Поэтому — это сводный первичный документ.

В «Именном списке» Зворского указаны населенные пункты, из которых выходцы из-за Дуная до 1806 г. самовольно переселились на казенные земли Буджака. Это Орак, Кугурлуй, Томай, Минжир, Малешты, Джигалбай, Пеленей Булгар, Пеленей Молдован, Гаджикиой, Гречан, Алоат, Казаяклия, Мусаит, Чадыр — всего из 13 сел, принадлежавших И. Бальшу. Часть из них в то время граничили с Буджаком и располагались северо-восточнее от него, в Припрутской зоне. Это та часть «двухчасовой зоны», юридически принадлежавшей Молдавскому княжеству, которая граничила с Буджаком.

Особую важность для нашего анализа имеет указание в «Именном списке» Зворского тех населенных пунктов Буджака, куда переселились эти «старожилые болгары», или, как принято называть их в литературе, «старые переселенцы». Приведем этот список сел, разбив его на группы, с учетом последующих административных и этнодемографических процессов, происходивших после 1819 г. на территории Буджака вообще, в колониях «задунайских переселенцев» в частности. Первая группа: Кубей, Трояны (Старые Трояны), Волканешты, Дизгинже, Томай, Баурчи, Чадыр-Лунга, Саталык-Хаджи, Гайдар, Комрат, Кириет (Кириет-Лунга), Копчак (но не Татар-Копчак, так как в списке указывается, что «эта колония уничтожена в 1828 г.» и жители Копчака переселились в колонию Комрат), Авдарма, Бешгиоз, Конгаз, Кирсово, Бешалма, Чокмайдан, Курчи, Димитровка, Казаяклия, Чешмекиой. Судя по документам этих и многих других дел, большинство самовольно переселившихся в эти населенные пункты Буджака «старых переселенцев» относили к «болгарам, говорящим на турецком языке», что соответствует современному этнониму «гагауз». Но в некоторых из них, в частности, в колониях Старые Трояны, Кубей, Курчи и других проживали также и славяно-болгары, говорившие на родном языке.

Вторая группа: Тараклия, Ташбунар, Болград, Табаки, Чийшия, Бановка, Чешма-Варуит — эти села впоследствии стали известны как населенные болгарскими, однако в них селились также и «болгары, говорящие на турецком языке», но их здесь было меньшинство. Отдельно стоит выделить колонию Каракурт — единственную с албанским населением — а также село Башкалия, большая

часть жителей которого составляли выходцы из-за Дуная, но в состав колониальных сел оно не было включено.

Третью большую группу составляют припрутские колонии «задунайских переселенцев»: Инпуцита, Колебаш, Анадолка, Фрикацей, Барта, Хаджи-Абдул, Журжулешты (Джуржулешты), Сатуново, Бульбоки. Они расположены в приграничной к Буджаку зоне территории Молдавского княжества (до 1812 г.). Эти села основаны молдаванами, в них большинство населения тогда составляли молдаване, но проживали там также и «болгары» двух языковых общин — турецкоговорящие и славяноговорящие.

Наконец, еще одну группу, составляют села и города, не вошедшие в состав поселений задунайских переселенцев: Татарбунар, Рени, Измаил.

Следует подчеркнуть, что некоторые названия колоний в «Именном списке» Зворского, где поселились «старые переселенцы», бежавшие от Бальша, относятся ко времени его составления — 30-м гг. XIX в. До 1816 г. не было упоминаний в документах о таком селении как Комрат (Булгар 2008: 6). Болград как самостоятельное поселение появляется после 1820 г., а до этого он ассоциировался с колонией Табаки. Колония Чадыр-Лунга в Указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г. называлась Лунгой. Название некоторых населенных пунктов записано в несколько непривычном для нашего слуха звучании: Адарма — Авдарма, Безгиоз — Бешгиоз, Журжулешты — Джуржулешты, Траян — Троян.

В списке указано время бегства «старых переселенцев» из помещичьих имений И. Бальша на казенные земли Буджака — 1814—1817 гг. За исключением восьми глав семей, переселившихся из с. Кугурлуй в Тараклию в 1808 г., пять глав семей, бежавших от Бальша в 1818 г., и по одной главе семьи — в 1819 и 1820 гг., поселившихся в разных колониях: Томае, Дизгинже, Авдарме и Баурчи.

В списке «старых переселенцев» включено 630 глав семей (631-й в этом списке не относится к выходцам из-за Дуная). Но на основании его данных не представляется возможным определить численность каждой семьи и общую численность всех бежавших семей, являвшихся предметом следственных «розысканий», которые должны были бы быть приведены в указанном документе. Дело в том, что в «Именном списке» Зворского одна часть глав семей указана с упоминанием жены и имен детей женского и мужского пола, а другая часть

этого списка либо вовсе не содержит таких сведений, либо они записаны в примечаниях, относящихся к месту переселения глав семей. Там указано, что у данного лица есть семья, но не приведены ни имена ее членов, ни ее численный состав. Но у нас есть возможность определить относительно достоверную их численность, если мы выведем среднюю численность одной семьи на основе полных данных у части семей и экстраполируем этот средний показатель на общую численность глав семей, включенных в списке — 630.

Из 630 глав семей против 314 указан поименный или численный состав семьи. Эти данные собраны в 30-х годах XIX в. и включают 941 человек. В среднем на одну семью приходится 3 человека. На основании этого расчета мы выводим численный состав 630 семей этого списка в 1890 человек.

В литературе о переселенцах из-за Дуная при определении их общей численности, в случае отсутствия официальных статистических данных, принято брать цифру пять в расчет средней численности одной семьи. Статистические данные о численности населения в колониях «задунайских переселенцев» первых десятилетий пребывания в колониальном статусе в целом подтверждают, что такой подход объективно отражает реальную действительность. Однако в нашем случае этот расчет — в среднем пять человек как состав одной семьи — не применим по следующим соображениям. Во-первых, в «Именном списке» Зворского включены под отдельным номером одинокие, так называемые бурлаки (вдовствующие старики или не женатые мужчины), что не может не снизить средний показатель численности одной семьи. Во-вторых, мы допускаем, что не вся семья, а часть ее бежала тогда с помещичьего имения. Наше предположение основано на том, что бегство с помещичьих земель продолжалось и после 29 декабря 1819 г. и фактически завершилось к 1827—1828 гг. Крестьянская мудрость и осторожность диктовали задунайским выходцам тактику постепенного ухода с помещичьих имений. В последующие годы могло произойти воссоединение семей и родственных кланов в пределах одного колониального села, если позволяли его земельные условия или наличие резервной земли во всем Управлении задунайскими переселенцами. Наличие бурлаков в «Именном списке» Зворского, между прочим, может иметь объяснение также этим обстоятельством. Таким образом, на одного-двух-трех, бежавших из имения И. Бальша, приходится два-три остающихся в нем — это утверждение также основано на документах, имеющихся в нашем распоряжении.

И. И. Мещерюк считает, что «в 1818 г. у помещиков оставалось 13% общего состава переселенцев» (Мещерюк 1957: 101).

В связи с определением численности «старых переселенцев», которые бежали от И. Бальша, возникает вопрос: какова вообще была их общая численность в Буджаке, а также в приграничном к нему регионе Молдавского княжества к началу русско-турецкой войны 1806—1812 гг.?

А. Скальковский утверждает, что «значительное переселение болгар и вообще задунайских славян в Бессарабию» началось с 1769 г. и продолжалось по 1791 г. По его «достоверным сведениям», тогда «перешло их до 2000 о.п. душ, которые и поселились в крепостях: Измаиле, Килии, Бендерах и Аккермане (где оставались некоторое время русские гарнизоны), в городах Кишиневе и Рении, на землях молдавских бояр и, наконец, вместе с ногайцами, в кишлах и усадьбах татарских в Буджаке, или собственно Бессарабии расположенных» (Скальковский 1848: 4). Но, отвечая на вопрос, сколько всего в 1819 г. считалось семей «старых» переселенцев из-за Дуная в Бессарабию, он приводит такие данные:

- «На казенных землях (то есть в Буджаке, оставленном ногайцами) — 1196 семей;
- в городах: Измаиле — 143, Килии — 14, Рении — 5, Аккермане — 2, Бендерах — 16, Кишиневе — 507;
- на участках Икисаат и Мусаит (в Кагульском уезде) — 205;
- на землях безспорно помещикам принадлежавших (в том же уезде — 206. Итого — 2294» (Скальковский 1848: 19).

И. И. Мещерюк, анализируя «Перечневую ведомость задунайских переселенцев», представленную наместнику Бессарабской области А. Бахметьеву 16 июля 1816 г., утверждает, что из 5320 семей задунайских переселенцев только 241 семья в ней — «старожилая», в количестве 1516 человек, проживающих в Томаровском цынуте, и 288 человек — в Гречанском цынуте (Мещерюк 1957: 56—57). По нашему мнению, автор имеет в виду тех «старых переселенцев» которые уже бежали от помещиков, поселились на казенных землях Буджака и были взяты на учет.

Работа по выявлению численности и места проживания «старых переселенцев» на помещичьих землях Бессарабской области была продолжена Д. П. Ватикиоти и С. Г. Навроцким и завершена в ноябре 1816 г. Согласно их данным, «в помещичьих селах Кодрского и Гречанского цынутов оставалось 1566 переселенческих семей», что составляло около 30% от общего количества переселенцев

(Мещеряк 1957: 58). На странице 101 этой же книги автор приводит другие цифры, также относящиеся к концу 1816 г.: «на землях помещиков проживало 1865 семей или более 35% общего количества переселенцев». Но среди них были и «новые переселенцы», которые в ходе русско-турецкой войны начала XIX века также поселялись на землях бессарабских помещиков. Это не дает нам основания отнести всех поселившихся на помещичьих землях выходцев из-за Дуная к «старым переселенцам». Если же мы возьмем данные 1819 г., приводимые А. Скальковским, но без тех, что поселились в городах Бессарабии, то мы получим 1607 семей «старых переселенцев», поселившихся в степном Буджаке и в «двухчасовой зоне» на участках Икисаат, Мусаит и на помещичьих землях Кагульского уезда. Анализируемые антропонимы 630 глав семей составляют 32,9% от 1607. Это достаточно высокая репрезентативность для объективного анализа, обобщений и выводов.

Антропонимы «Именного списка» Зворского. К 1839 г., когда этот список был составлен, жители колоний «задунайских переселенцев» Бессарабии были подвергнуты двумя переписям — в 1821 и 1835 г. Перепись 1821 г. до сих пор не обнаружена в архивохранилищах, но она, безусловно, имела характер «ревизской сказки», поскольку на ее основе происходило наделение колонистов земельными участками в 60 десятин, а также определялись их подати и повинности. К сожалению, нам неизвестно, каким образом в этой переписи осуществлялись записи антропонимов глав семей, то есть, была ли эта запись имени главы семьи двучленной или трехчленной (собственное имя главы семьи, имя его отца как отчество и собственно фамилия). В «Ревизской сказке» 1835 г. глава семьи указывался тремя составными частями: своим именем, именем отца и собственной фамилией.

«Именной список» Зворского составлен, как правило, на основе имени главы семьи и имени его отца. Но встречается также много записей, состоящих только из имени главы семьи, либо его имени и профессии. В тех случаях, когда глава семьи умер до переселения его семьи с помещичьей земли Бальша, в списке под соответствующим номером записывалась «вдова» такого-то главы семьи. Указываем на эти особенности данного списка, чтобы подчеркнуть, с какими трудностями столкнется исследователь, если сделает попытку на основе такой не полной антропонимической информации определить как этническую идентичность каждой семьи «ста-

рых переселенцев», так и этнический состав всех колонистов Управления задунайскими переселенцами.

Мы себе такую задачу, объективно практически не выполнимую, не ставим, а лишь предпринимая попытку на основе антропонимов раскрыть некоторые тайны происхождения фамилий «старых переселенцев» из-за Дуная. С этой целью мы сгруппировали имена и фамилий всех глав семейств из «Именного списка» Зворского по четырем категориям: 1) болгарский антропоним обоих его частей, или указание на якобы болгарское этническое происхождение глав семей; 2) сочетание славяно-болгарского имени с присутствием второго тюрко-турецкого компонента в записи антропонима главы семьи; 3) Славяно-болгарское имя главы семьи в сочетании со второй частью антропонима, указывающего на «тюрко-гагаузскую» принадлежность его носителя; 4) имя либо фамилия главы семьи, присущие молдавской специфике написания антропонимов.

Прежде чем приступить собственно к характеристике антропонимов «Именного списка» Зворского, проанализируем сам список с точки зрения оформления записей в нем. Прежде всего, нельзя исключить, что при составлении «поселянским стряпчим» Зворским сводного списка он мог допускать ошибки в написании имен глав семейств. Необходимо также учитывать, что и тот, кто составлял так называемый первичный список, также мог написать ошибочно имя главы семейства, вторую и третью часть его фамилии в тогдашнем ее понимании. Мы же, работая не с самим архивным документом, а с его микрофильмом, также могли неправильно прочесть ту или иную запись антропонима главы семьи.

Записи сведений о главах семейств «старых переселенцев», как правило, за редким исключением, состоят из двух частей антропонима. Одна из них, первая, означает имя главы семьи, а вторая — это либо имя его отца, либо уличное прозвище главы семьи или его отца, либо содержит еще какую-то иную информацию. То есть, «Именной список» Зворского зачастую не дает имя отца главы семьи, не говоря уже о третьей части антропонима, которая, собственно, и является фамилией в бессарабском болгарском или гагаузском варианте фамилий их носителей.

В нескольких случаях в этом списке приведены сведения, относящиеся не к главе семейства, а к его жене. Таких записей едва ли наберется с десяток. В тех случаях, когда удавалось восстановить антропоним отсутствующего главы семьи на момент бегства его семьи

с помещицкой земли, мы при анализе брали в расчет сведения о нем и относили их в ту или иную группу антропонимов.

Оформление записей антропонимов глав семей «старых переселенцев» осуществлено Зворским вразнобой. Одни имена записаны им с заглавной буквы, другие — с прописной буквы. Что касается записи второй части антропонимов глав семей, то они, как правило, даны с маленькой буквы, даже если очевидно, что это имя отца главы семьи. Чтобы не переносить эти ошибки в статью, мы обе части фамилий глав семей приводим с заглавной буквы. Кроме того, все случаи сомнительной трактовки антропонимов глав семей, которые могут повлиять на отнесение их в ту или иную группу антропонимов, мы отмечали вопросительным знаком в скобках.

Антропонимы некоторых глав семей в «Именном списке» Зворского записаны в русском варианте (Николай, Константин, Петр, Павел и т.д.) и по правилам орфографии русского языка, например, с мягким знаком: Лазарь, Фильчу, Келечь, Вильчу, Ротарь. Русифицированные записи антропонимов глав семей не принимались нами во внимание при отнесении их в ту или иную группу.

Перейдем к анализу самих антропонимов «старых переселенцев» из-за Дуная, содержащихся в указанном списке Зворского, в разрезе четырех выделенных нами групп.

Имена, отчества и прозвища глав семей, которые можно отнести к болгарской антропонимии. Эта группа «старых переселенцев» оказалась наиболее многочисленной среди тех, кто бежал из помещицких имений Иона Бальша на казенные земли Буджака.

Внутри нее нет единого подхода в записях второй части антропонима глав семейств. В одном случае приводятся два имени: первое из них указывает на то, как звали главу семейства, а второе — это имя его отца: Георгий Стойчу, Петко сын Дима, Неделко сын Димо, Мито сын Панча, Антон сын Савы, Нику сын Янчу, Тони сын Костя, Тодор сын Слав, Танасий сын Никульча, Миту Драгой, Георгий сын Раду, Танасий сын Русе, Димитр сын Георгий, Панаитий Константин, Петре Марин, Янчий сын Раду, Марин сын Николча, Тодор сын Стоян, Вьюлю, Вилку брат Минчу, Коле, Никола сын Стойка, Тодор Стойка, Тодор Колешко, Михаил сын Диордия, Диордий сын Иовча, Неделко Лазарь, Диордий сын Петру, Иов сын Петру, Ени Костя, Танас Динчу, Николай Слав, Петре Нетку, Пану Наку, Константин Лазарь, Петре Нетку, Слав Минче, Петре Неделко, Михаил Желязко, Стоян Минчу, Иванчу, Димитрий сын Иванчу,

Дачу, Тодор Динчу, Тодор Янукул, Стоян сын Ганчу, Анастасий Марин, Коста Марин, Райчу, Стою Тодоров, Танасий Стоичул, Петре Даче, Никулч Стойко, Янчул Кирул, Филипп Главче, Тодор Неделка, Яни Руссе, Тодор Енак, Цветко Стоилов, Найден Стоев, Злат Василий, Миху Николаев, Андрей Гену, Филипп Станчу, Иов Константин, Диордий Занфир, Добре сын Михая, Димитрий сын Николы, Тодор Раду, Константин сын Ников, Калчо Костов, Янчо Танасов, Стою Колев, Стою Мартин, Златан сын Донча, Марин Николаев, Стоил Койчу, Иван Манев, Иов Цанку, Светко Дойнов, Филипп сын Дончу, Ангел и т.д.

Болгарский именной второй половины XVIII — первой половины XIX в. включал, считает Н. В. Кара, имена из православного календаря греческого происхождения, латинские календарные имена святых, еврейские имена, а также имена болгарского происхождения. Последние — двух видов. Имена одного «образованы как варианты иноязычных. Они получают статус самостоятельных после утраты связи с исходным именем». Второй вид — «истинно болгарские по происхождению имена», которые «связаны с дохристианскими верованиями болгар». Они представлены двумя вариантами: пожелательные имена и защитные имена (Кара 1999: 240—241). Одесская ученая В. А. Колесник также делит болгарские имена на четыре группы по происхождению: дославянские имена (фракийские и праболгарские), славянские, календарные (еврейские, греческие, латинские) и новообразования и заимствования из западноевропейских языков (Колесник 2001: 60). Для нашей статьи различия в группировке происхождений болгарских имен, примененные Н. В. Кара и В. А. Колесник, не имеют значения, поскольку в главном их подходы совпадают.

В «Именном списке» Зворского представлены все перечисленные Н. В. Кара разновидности болгарского именника:

— имена греческого происхождения: Анастасий, Андрей («мужественный»), Ангел, Марин, Петр («камень»), Тодор, Василий, Савва, Георгий («земледелец»), Иоанн, Димитрий;

— латинские: Константин, Антон;

— еврейские: Лазарь, Михаил, Иван;

— болгарские варианты иноязычных имен: Танас, Танасий, Петко, Коста, Диордий, Динчо, Янчо, Мито, Колю, Минчу. В. А. Колесник считает, что «христианские имена при заимствовании адаптировались, попадая под влияние системы народных болгарских имен», от которых образовано много производных сокращенных или уменьшительных форм».

Например, Коста, Динчо (от Константин, Костадин), Герги (от Георгий), Атанас, Танас (от Афанасий) (Колесник 2001: 63, 65);

— болгарские пожелательные имена: Радо, Драган (чтобы был дорог), Добри (чтобы был добрым), Желязко (чтобы был крепким как железо);

— защитные имена: Вылко (Вълко, сам волк, потому ему не будут вредить волки), Стоян (чтобы остался жив) — Стойко, Стою, Стоил.

Имя Неделко, как вариант Недялко, Недко, Нейко, Нено, происходит от женского имени Неделя — «воскресение». Недельо, Неделя «являются кальками греческих имен Кириаки, Кириаки» (Колесник 2001: 64). Это имя, как и Христо, также присутствует в указанном списке Зворского. Оба они «исконно болгарского происхождения», которые «связаны с христианской верой» (Кара 1999: 242).

Другие записи глав семей включают его имя и профессию, его или отца: Колю Мельнича, Енчу Кожухарь, Стоян Памуклиу («памук — хлопок»), Яни Даскал.

В эту группу антропонимов глав семей мы включили всех, у кого за именем следует указание на его этническое самоназвание «болгар» или вариативное уличное прозвище «болгар»: Никола Булгарю, Иван Былгарив, Бано Болгар, Вилчо Болгар, Янчу Болгар, Маноли Болгар, Райчу Болгарюл, Тодор Болгар, Василий Болгарю — всего 19 глав семей с таким этническим признаком их фамилии. К ним можно отнести и тех глав семей, второй компонент антропонима которого происходит от этнического «серб», поскольку, как известно, болгарам в Дунайских княжествах часто давали такое уличное прозвище: Онофрей Сырбу, Стоян Сырбу, Енакий Сырбул, Данило Сербул, Георгий Сербул, Братан Сырбул.

В «болгарскую» группу антропонимов мы включили также тех глав семей, у которых следующий за его именем второй «фамильный» компонент указывает на его уличное прозвище («прякул»): Коле Варбан, Тодор Полешко, Диордий Петлешку, Диордий Шарим, Добре Токан (Тукан), Марин Аршин, Колю Хаджиу, Яни Хаджиу, Николай Чорбаджиу.

Некоторые фамилии, которые нами включены в «болгарскую» группу антропонимов, не поддаются точному объяснению по второму компоненту фамилии главы семьи. Мы отнесли их сюда на основе первого компонента, то есть по имени, хотя и понимаем, что только этого признака недостаточно: Георгий Наш, Тодор Яицки (?), Хрисол Хороул, Тодор Щербан, Танасий Катели, Василий Тиху, Стою Папаран (?), Стоян Гадипов, Велко Бобернак,

Минчу Паскал (по мнению В.А. Колесник 2001: 78), образована «от греческого по происхождению имени Паскали, которое в переводе с греческого означает Великден — Пасха»). Несколько записей сделано только по имени главы семьи на день бегства из помещичьих имений: Вылю (от Вълю), Никола (от Нику или Коли), Дачу, Еландий, Тодоран, Драган, Ангел.

Наконец, укажем и на записи главы семьи, содержащие якобы все три компонента фамилии: Петре Даче Менею (?), Неделко паринь чика (?), Филип Белич Митан, Филипп Станчу иману (?), Губче Булгарю Тиоса.

Все вышеприведенные сведения, после которых мы поставили знак вопроса, могут означать либо искажения, допущенные в ходе составления первичных списков или обобщающего «Именного списка», либо результат неправильного его прочтения нами по причине плохого качества микрофильма, либо они нуждаются в прочтении и толковании со стороны специалиста-филолога.

Несмотря на множество оговорок, сделанных нами по антропонимии в «болгарской» группе «Именного списка» Зворского, мы, тем не менее, можем сделать следующие выводы. Среди «старых» переселенцев из-за Дуная, безусловно, были славяно-болгары, или болгары, говорящие на родном болгарском языке. Это подтверждается тремя видами записей: одним именем главы семьи, именем главы семьи в сочетании с именем его отца, а также вторым компонентом фамилии главы семьи «серб», «сербул», которым местное молдавское население издавна называло болгар. Что же касается почти 20 записей фамилий глав семей с использованием этнонима «болгар» в различных его транскрипциях, то среди них также могли быть славяно-болгары, но не только. Некоторые из них, возможно, большая часть, могли быть «болгарами, говорящими на турецком языке», соотносимые с современными гагаузами. У нас нет оснований утверждать, что носители фамилии «болгар» сами себя тогда так называли, как нет оснований отрицать, что такое уличное прозвище они получили от молдаван, в селах которых они подселились.

Утверждая, что часть носителей фамилии Болгар — это выходцы из-за Дуная, говорившие на турецком языке, обратим внимание и на другое прозвище, которое давало местное население таким задунайским переселенцам. И.В. Дрон пишет, что «в переписях населения, проводимых в 70-х гг. XVIII в. на территории феодальной Молдовы, встречаются данные о так называемых “крещеных турках” в молдавских селениях». Он приводит

целый ряд сел, в которых глава семьи был отмечен как «турк ботезат», что и означает «крещенный турок». Дрон считает, что «гагаузское православное население, известное молдаванам в XVIII в. под названием турчь ботезаць, проживало в молдавских селениях задолго до 1770 г.» (Дрон 1992: 32—33). Мы предполагаем, что употребление местным молдавским населением для переселенцев, говорящих на турецком языке, понятия турк ботезат, было неприемлемым для них. Здесь у этих переселенцев усилилось стремление дистанцироваться от этнических турок выраженное в том, что они сознательно назывались болгарами, подчеркивая в переписи самоназвания: болгар, болгарю, болгарюл. По нашему мнению, соответствовало их самоопределению как болгар еще на Балканах, чтобы их не принимали за турок из-за языка, на котором они разговаривали. Но, так или иначе, носителями фамилии Болгар были «старые переселенцы», принадлежащие к двум языковым общинам: говорящей на болгарском языке и говорящей на турецком языке. Носителями этой фамилии и теперь являются как болгары, так и гагаузы Бессарабии.

Вторую группу антропонимов, выделенную нами на основе «Именного списка» Зворского, составляют главы семей, вторая часть фамилии которых содержит указание на антропонимы тюрко-турецкого происхождения. В целом мы ее определяем как болгаро-тюрко-турецкую группу антропонимов.

Первая часть антропонима — имя главы семьи, указывает, за очень редким исключением, на использование «старыми переселенцами» при крещении детей болгарского православного церковного именованья (приводим в правописании документа): Янче, Панчо (от Пани, Степан), Добре, Тодор, Степан, Семион (Семен), Симеон, Желез, Желязко, Николай, Никула (от Нику, Колю), Никола, Параскив, Миту (Митю, Димитрий), Митич, Дима, Недуля, Коле, Танас, Танасий, Стою, Петре, Георгий, Диордий (от Ёрги/Иорги), Стан, Косту, Велю, Иордан, Иванчу, Ени, Антон, Дончу, Ангел, Илия, Генчу, Златен (Злати), Филипп, Стоян, Раду, Иордан, Мати, Ангел, Иван, Филчу, Киру, Панаит, Михал, Яни, Велю, Василий, Стоил, Дончу, Генчу, Филипп, Марин, Милку.

Сравнивая имена болгарского именованья первых двух групп глав семей «старых переселенцев», находим существенное сходство между ними. В первой, болгарской, группе мы не встретили только такие имена, как

Параскив, Илия и Иордан. Во второй группе нет болгарских имен латинского происхождения Антон, Константин. В этой группе, возможно, меньше разнообразия антропонимов болгарского происхождения, но это связано с тем, что здесь вторая его часть — тюрко-турецкая.

Анализ этой второй части антропонимов тюрко-турецкого происхождения «старых» переселенцев осуществлен на основе словарей: «Гагаузско-русско-молдавский словарь» (1973) и «Турецко-русский словарь» (1977), а также монографии И.В. Дрона и С.С. Курогло «Современная гагаузская топонимия и антропонимия» (1989). В тех случаях, когда в указанных источниках не находились ответы, использовалась информация, полученная от носителей гагаузского языка: Л.С. Чимпоеш, Е.С. Сорочан, Г.К. Кышлаалы.

В «Именном списке» Зворского по этим двум группам антропонимов очень редко встречается, чтобы первая его часть, имена глав семей, не были свойственны болгарскому именованью, в то время как вторая его часть во многих случаях имеет тюрко-турецкое происхождение. Такие фамилии, — «как правило, прозвища, турецкие по происхождению или с турецкими корнями»; «Это, как правило, турецкие по происхождению фамилии» (Колесник 2001: 70, 71):

— Терли — происходит от «потный, запотевший»;

— Дели — «буйный, бурный, безрассудный, потерявший голову», но может быть, в его основе лежит иное обозначение, а именно «язык»;

— Матис — в обоих словарях нет этого слова. Возможно, это имя — не тюрко-турецкого происхождения. Не исключено, что это искаженная запись имени Мото-Мотю-Мьтю. Оно встречается среди бессарабских болгар и может быть отнесено к именам болгарского происхождения. В переводе на русский язык — Матвей;

— Лефтер — человек, изготавливающий или продающий золотые или серебряные женские украшения определенного размера. Имя происходит от «лефт — 1) золотая или серебряная монета, из которой составляется монисто, 2) монисто из золотых и серебряных монет»;

— Лефтелий — корень тот же «лефт». Имя, возможно, указывает на место (город, село) на Балканах, в Турции, где изготавливались золотые и серебряные женские украшения (Л.С. Чимпоеш);

— Кара — черный — в качестве собственного имени главы семьи: Кара Иван, Кара Гицу, Кара Диордий.

Второй тюрко-турецкий компонент антропонимии главы семьи «старых переселенцев» во второй группе представлен очень широко в «Именном списке» Зворского. Приводим полный их список в том виде, в котором мы его первоначально составили: Буюклиу, Сары, Куру, Депажиу, Келечь, Тиоса, Курза, Кара, Копанжу, Копаджиу, Арнаут, Киоса, Гузун, Узун, Карадиордий, Кафтанжи, Бокаржий, Макаржиу, Телеш, Каргалик, Таукчиу, Топал, Копажан, Тронстарю, Тумба, Кулич, Кирма, Караяни, Бостанарь, Ермалий, Гаджиу, Кыльчик, Кованжиу, Кафеджиу, Карабаби, Дервиш, Касим, Гайдаржиу, Гандемиш, Гайтанжиу, Кунача, Дели, Абажер, Филча, Корчмарь, Колне, Курт, Карауца, Дениали, Капсамол, Чалик, Куружиу, Бачекчиу, Карабалтаг (?), Бездей, Коваржиу, Карабеле, Караданил, Кевре, Наятакчи (?), Терзи, Бербен, Калчу, Кочук/Кучук, Гарабаджи, Хозун, Мирзако, Червале, Бабаяни, Даду, Койма, Казанжиу, Каргали, Килжив, Жикжак, Женжин.

Изучая, что обозначают вышеприведенные тюрко-турецкие антропонимы, как вторая часть имени главы семьи, мы пришли к заключению о существовании многообразия форм их образования. Их можно разбить на несколько групп.

В одну из них включаем фамилии, которые распространены как среди гагаузов, так и среди болгар:

— Тиоса/Киоса (впоследствии трансформировалось в Киосе, Киссе, Тиосе, Киссеев) — безбородый;

— Топал — хромой, калека;

— Буюклиу — от «буюклы» — усатый;

— Кара — уже как фамилия — черный, смуглый, темный;

— Узун — высокий, длинный;

— Таукчиу — от «таукчу», 1) птицевод, 2) продавец птиц;

— Терзи — портной;

— Арнаут — от «arnavut — 1) албанец, 2) горький красный перец (arnavut biberi)».

В исторической литературе встречается понятие «арнаутская команда» как определение иррегулярного воинского отряда. Поэтому «арнаут» в условиях Бессарабии может означать также человека, состоявшего во время русско-турецких войн в рядах такого формирования. Любомир Милетич утверждает, что албанцами называли македонских переселенцев «от Костурско», заселившихся в с. Караарнаут еще в первые годы завоевания османами Болгарии: «...с това име доскоро в источна България са били означавани и македонските българи» (Милетич 1902: 140).

— Корчмарь, от устаревшего кръчмар, — корчмарь, трактирщик;

— Курт (в дальнейшем — Куртев, Куртогло) — волк, зверь (хищный);

— Мирзако — по мнению Л. С. Чимпеш — это 1) турецкое имя, 2) село Мурзакьой, расположенное вблизи Едирне;

— Кыльчик — «1) рыба кость, 2) ботаническое: усик, ость (у злаков)».

В другую тюрко-турецкую группу антропонимов включили фамилии глав семей с двусложной структурой, состоящие из двух частей: первая тюркская, а вторую, как правило, находим в болгарском именнике:

— Карадиордий — черный Диордий (Георгий);

— Караяни — черный Ян;

— Бабаяни — дед Яни, старик Яни;

— Караданил — черный Данил. Но встречаются также фамилии, обе составляющие которых — тюрко-турецкие:

— Карабаба — черный дед, черный старик (цыган?);

— Карабалтаг — по мнению Л. С. Чимпеш — плавни, болото;

— Карабеле — возможно от «1) штыковая лопата, 2) черный пояс»;

— Карауца — слово в словарях отсутствует, возможно, искажение молдавского обозначения повозки «каруца»;

— Кулич — происходит либо от кула — блондин, белокурый, русский; либо от кули — жеребенок.

В третью тюрко-турецкую группу фамилий мы включили тех глав семей, у которых фамилия указывает на профессию его носителя или его предков:

— Кафтанжи — от устаревшего обозначения вида одежды «кафтан» — шьющий кафтаны;

— Бостанарь — от «бостан» (баштан), бостанжи — сторож баштана;

— Бокаржий — от «бакыр» (бакър) — медное ведро; бакыржи — медник;

— Кованжиу — пчеловод, пчельник;

— Кафеджиу — любитель кофе, содержатель кофейни, торговец кофе;

— Гайдаржиу — от «гайда» — музыкант, играющий на гайде;

— Гайтанжиу — человек, изготавливающий шелковые шнуры для украшения одежды;

— Гарабаджиу — в словарях нет перевода этого слова на русский язык. По нашему мнению, эта фамилия, может быть, происходит от слова «арба», получившего в молдавском варианте уличного прозвища такую языковую форму. Арба — это специальная

повозка, предназначенная для перевозки соломы, сена, стеблей кукурузы и подсолнуха. Этот вид повозки был известен бессарабским болгарам и гагаузам под этим названием. Следовательно, Арабаджи/Арбаджи обозначает «человек, изготавливающий арбу» (Л. С. Чимпоеш);

— Казанжиу — от «казанджы» — жестящик, медник, человек, который изготавливает или продает медные ведра;

— Терзи — портной;

— Абажер — от «абаджи» — портной, шьющий из грубого домотканного сукна аба, или изготавливающий абу;

Следующую тюрко-турецкую группу второй части антропонимов глав семей из числа «старых переселенцев» мы выделили по признаку: редко или вовсе не встречающиеся среди бессарабских болгар:

— Сары — желтый;

— Касим — «1) ноябрь, 2) половина года, 3) делящий, разделяющий, 4) делитель»;

— Келеч — от «келеш» — «плешивый, лысый»;

— Кунач — от «конак» — «1) гость, 2) ночлежка, ночлежный дом, место квартирования»;

— Капсамол — от «капсамон, капсамун» — «исхудалый, тощий» (Л. С. Чимпоеш);

— Чалик — от «чалык» — «тонкий, тощий (о зерне)»;

— Куружиу — от «куру» — «худой, тощий, сухопарый, сухощавый». Среди болгар Бессарабии встречается вариант Куруч — от турецкого «куруч» — слабый человек. Распространена в селе Чумлекьой (ныне село Виноградовка Тарутинского р-на Одесской области Украины) и в дочерних от него селах на Украине и юге Молдовы;

— Калчу — отставший, оставшийся (Л. С. Чимпоеш);

— Копанжу — от «копан» — «ляжка, ножка», следовательно, Копанжу — любитель куринных ляжек. Л. С. Чимпоеш и Е. С. Сорочан считают слово «копан» — болгарского происхождения;

— Бачекчиу — возможно, от «бачак, бачакджи» — «1) нога, 2) ножка (стула)», либо от «бачакли» — «имеющий какие-либо ноги: длинноногий, долговязый»;

— Бербен — от «бербер» — парикмахер;

— Червале — возможно, искаженное молдавское «череале» — означает то же, что и кылчик;

— Койма — ставленник (Л. С. Чимпоеш);

— Даду — от «дад» — «1) дар, дарование, 2) дитя, ребенок, мальш»;

— Тумба — живот;

— Гузун — возможно, от «гюгюн» — «осенью»;

— Нани — происходит либо от «nane — мята перечная», либо от «panik — шуточный жест, которым дразнят, показывая «нос»;

— Гугун — возможно, искаженное «гу-гуш» — «голубь, голубка, голубиный».

В результате сопоставления с источниками второй части имени глав семей «старых переселенцев», включенных нами предварительно в данную тюрко-турецкую группу антропонимов, выявлено несколько фамилий, не относящихся к этой группе:

— Тилеш — от болгарского «тиле» — теленок;

— Губа — от болгарского «губя» — теряю (Е. С. Сорочан);

— Грандафир — слово болгарское или молдавское — роза;

— Гаджиу — цыганское слово (Е. С. Сорочан), у болгар «гаджи» имеет жаргонный оттенок и обозначает «молодой человек, с которым встречается девушка» (Е. С. Сорочан);

— Копаджиу — тоже цыганское слово, нами не установлено его значение;

— Лула — перевод этого слова мы не нашли в указанных словарях. Бессарабские болгары употребляют слово «лула» — курительная трубка.

— Филча — болгарское имя ласкательной формы — от Филипп.

Из «Именного списка» Зворского нам не удалось найти этимологическое объяснение происхождению второй части имени глав семей Депажиу, Курза, Аваданий, Макаджиу, Тронстарю, Ермалий, Пантажиу, Колне. Возможно, допущены ошибки при их написании. Что же касается таких фамилий, как Килжив, Жикжак, Женжин, Гужун, то, кроме ошибки в их написании, возможно, это прозвища глав семей с дефектами речи (Л. С. Чимпоеш).

В тюрко-турецкой группе антропонимов, как и в болгарской, также встречаются отдельные имена глав семей, в которых присутствуют все три части антропонима (фамилия, имя, отчество): Андрей сын Георгия Жикжака, Михалаки сын Кара Чани, Кара Никула Бабаяни, Никола Кара Танасий, Панча Панти Кара, Семион Кара Иван, Диордий Кара Дима, Георгий Попеско Караяни, Димитру Диордий Калчик, Михал Кару Мару, Златен Иванов он же Терзи, Енакий Жеко Узун, Никула Кара Чебан. Характерно, что Кара встречается в «Именном списке» Зворского в трех ипостасях: как собственное имя главы семьи (Кара Петре), как имя отца главы семьи (Семион

Кара Иван, Диордий Кара Дима) и входит как часть сложной фамилии главы семьи (Георгий Попеско Караяни). Это свидетельствует о том, что в то время, когда выходцы из-за Дуная поселились на владельческих землях в Припрутье, у них, за редким исключением, еще не было устоявшейся традиции идентифицировать себя на основе трех компонентов антропонима: имени, отчества и собственно фамилии его носителя. И это подтверждается тем, что подавляющая масса глав семей оформлена в указанном списке на основе антропонимов, состоящих из двух компонентов: имени его носителя и имени или прозвища его самого или его отца.

Указанные выше две группы антропонимов глав семей «старых переселенцев», которые выделены на основе болгарского и болгаро-тюрко-турецкого именословов, позволяют выявить специфику идентификации выходцев из-за Дуная, поселившихся в Припрутье до русско-турецкой войны 1806—1812 гг. На наш взгляд, она состоит в следующем.

1. Болгарские имена носителей глав семей в сочетании с болгарскими именами, лежащими в основе отчеств (второй компонент имени) этих глав семей могут принадлежать как собственно славяно-болгарам, так и тем переселенцам, которые называли себя болгарами, но говорили на турецком языке, то есть современным гагаузам.

2. Болгарские имена глав семей в сочетании с тюрко-турецкими компонентами их отчеств, состоящих из одной (Кара, Киоса, Узун, Топал) или двух частей (Карадиордий, Караяни, Караданил), также могут принадлежать обеим этим группам болгар, говоривших на двух разных языках.

3. Болгарские имена носителей глав семей в сочетании с тюрко-турецкими компонентами их отчеств, не встречающихся в фамилиях бессарабских болгар, в большинстве своем могут принадлежать «болгарам, говорившим на турецком языке».

4. Фамилии глав семей в указанных группах, оформленных в традициях романской антропонимии, характерной для Дунайских княжеств, свидетельствуют о том, что выходцы из-за Дуная могли проживать на территории этих княжеств достаточно долго, и это отразилось в написании их фамилий (Казанжиу, Депажиу, Копанджиу, Кападжиу, Макаджиу, Попеско, Гаджиу, Кованжиу, Куружиу, Гарабаджиу).

Третья группа антропонимов состоит собственно из фамилий глав семей, в окончании которых содержатся элементы тюрко-гагауз-

ского происхождения: Дима Тодорчолу, Ион Пателоглу, Никола Варатоглу, Илия Будоролу, Стоян Будуруюлу, Илия Дочулу, Иван Дмитриоглу, Пану Тюролу, Стефан Сароглу, Танасий Думчиолу, Стою Арнаутолу, Филип Тосиолу, Пею Трандафирову, Петре Кожева Греченолу, Танасий Камоглу, Диордий Камоглу (кукош), Димитрий Караулоглу Камоглу, Иван Занфирову, Минчу Караоглу, Неделю Патеоглу, Марин Хаджи Марин оглу, Неделчу Кюроглу, Вьлку Стояноглу. На гагаузское происхождение этих фамилий указывают окончания *-юлу*, *-улу*, *-оглу*, *-олу*, *-юлу*, *-огла*, *-огло*. Такие окончания, как *-огло*, *-оглу* могут встречаться и в фамилиях, указывающих на турецкое этническое происхождение их носителей, но среди православных «болгар, говорящих на турецком языке», которые со временем стали именовать себя гагаузами, не могло быть турок по определению. Вместе с тем, нельзя исключать турецкое влияние на формирование гагаузских антропонимов с использованием *-огло*, *-оглу*.

Эта группа из 23 фамилий — самая малочисленная среди «старых» выходцев из-за Дуная, бежавших из имений помещика Иона Бальша. Всего она составляет менее 4% от общей численности глав семей «Именного списка» Зворского.

Вначале остановимся на происхождении имен глав семей «старых переселенцев» в этой группе. Они распределяются следующим образом:

— шесть болгарских имен греческого происхождения: Тодор, Никола, Илия, Петър, Марин, Димитрий, Стефан;

— семь имен болгарского происхождения, образованные как варианты иноязычных имен: Дима, Диордий, Дочу, Минчу, Пану, Пею, Танас;

— три имени болгарского происхождения, связанные с дохристианскими верованиями болгар: Стою, Стоян, Вьлку;

— два имени исконно болгарского происхождения, связанные с христианской верой болгар: Неделю, Неделчу;

— одно имя еврейского происхождения: Иван;

— одно имя молдавского происхождения: Ион;

— одно болгарское имя греческого происхождения: Занфир (от «замфир» — «сапфир»). Таким образом, первая часть антропонимов этих глав семей соответствует болгарскому именнику, за исключением имени Ион.

Вторая часть антропонимов этой группы по своему содержанию имеет три разных принципа его формирования.

Первый принцип. Он состоит из болгарского происхождения имени отца главы семьи плюс окончание *-оглу*, *-огло* (что означает «сын») и другие их формы: Тодорчолу, Дочулу, Дмитриоглу, Тосиоглу, Мариноглу. Интересен антропоним Стояногло (имя) Вилку — фамилия (Вьлку, Вьлку — от волка), поскольку обе его части — имена болгарского происхождения.

Второй принцип — в его основу положены тюрко-гагаузские прозвища:

— Варатоглу — у бессарабских болгар «вартоглуф» означает «непоседа» — человек, не могущий долго усидеть на одном месте;

— Будоролу;

— Будуруолу;

— Тюролу;

— Сароглу — от «саароглу» — сын глухого;

— Думчиолу — сын барабанщика;

— Камоглу — возможно, желанный сын;

— Караулоглу — возможно, в значении: покрытое тайной, мраком, темная личность, темное прошлое;

— Караогла — сын черного, смуглого, грозного, страшного;

— Колтуклу — опекаемый, близкородственный;

— Кюроглу — прозвище, от «кюр» — лечение; возможно — сын знахаря;

— Арнаутолу — сын албанца, сын стражника. Следует подчеркнуть, что фамилии Варатоглу, Будоролу, Будуруолу, Тюролу, Камоглу, Караулоглу, Караогла, Кюроглу в «Словаре гагаузских фамилий и прозвищ» не зафиксированы (Дрон, Курогло 1989).

В основе третьего принципа также положены прозвища глав семей, но не тюрко-гагаузского происхождения: Патеоглу (от болгарского «пати» — гусенок, значит: сын того, кто выращивает гусей), Трандафиоглу (молдавское слово «трандафир» и болгарское «трандафел» обозначают цветок роза, следовательно: сын того, кто выращивает розу), Греченолу (возможно, антропоним происходит от микропонима — названия населенного пункта Гречень, поэтому: из Гречень). Наконец, Занфиоглу — сын Занфира (имя встречается среди болгар, гагаузов, цыган).

Такое разнообразие принципов формирования второй части антропонимов глав семей «старых переселенцев» свидетельствует о том, что второй компонент имени глав семей тюркоговорящих выходцев из-за Дуная болгаро-тюрко-гагаузской группы находился в зародышевом состоянии. Процесс его формирования запаздывал во времени в сравнении со временем возникновения антропонимов у болгаро-говорящих выходцев из-за Дуная, у которых

второй компонент имени (имя отца), как правило, уже фиксируется, хотя и в промежуточном варианте, без окончаний *-ов*, *-ев*.

Присутствие в зародыше второго компонента имени среди болгаро-тюрко-гагаузской группы «старых переселенцев» подтверждается также множеством форм его окончаний: *-огло*, *-огла*, *-оглу*, *-улу*, *-олу*, а также разнообразием источников его формирования: болгарский именованный, прозвища тюркского, болгарского, молдавского языкового происхождения. Все это может указывать на то, что, на наш взгляд, при переселении «старых переселенцев», которых мы относим к турецкоговорящим выходцам из-за Дуная, процесс формирования гагаузской идентичности находился на начальной стадии.

К этой группе, болгаро-тюрко-гагаузской, можно отнести фамилии глав семей «старых переселенцев», которые либо вообще отсутствуют, либо мало встречаются среди современных потомков славяноговорящих бессарабских болгар, но они широко распространены среди потомков бессарабских гагаузов в такой же или несколько измененной форме написания. Это Сырф, Кирма, Козмалы, Дулапчи, Четак.

В «Именном списке» Зворского, анализируемом нами здесь, нет глав семей по фамилии или по прозвищу *Гагауз*. Она встречается в единственном числе в этом же деле, но в другом «Списке» — глав семей молдавской национальности. В «Списках» выходцев из-за Дуная, составленных в 1816 и 1818 гг. при активном участии Д.П. Ватикиоти в 1816 и 1818 гг., *гагауз*, как вторая часть антропонима главы семьи, записан всего несколько раз. Ее наличие среди эмигрантов из Болгарии указывает на то, что гагауз как общее прозвище-название всех тюркоговорящих православных родилось на Балканах и оттуда привезено в Бессарабию. Но если на Балканах термин *гагауз* не выступал в качестве самоназвания этого православного населения, то единичные случаи его появления во второй части антропонима глав семей выходцев из-за Дуная в Пруто-Днестровском междуречье мы склонны отнести в категорию самоназвания, а не к их названию *гагаузами* местным населением. Здесь, в Бессарабии, понятие *гагауз* балканского происхождения проходит очищение от какого-то негативного, отрицательного смысла, который вкладывался в него теми, кто его применял по отношению к тюркоязычным жителям Болгарии православного вероисповедания. Появление в Буджаке фамилии *Гагауз*, по нашему мнению, стало той отправной точкой, с которой здесь начался процесс формирования новой этнической общности, гагаузской.

Четвертую группу антропонимов мы обозначили условно как «молдавскую». В одной из составных частей имени, отнесенных в эту группу, присутствует молдавский антропонимический признак. Это может быть имя главы семейства: Ион, Ионица, Кристя, Мане, Кирица, Михай, Костакий, Андрика, Димитру, Митакий, Михалаки, Штефан, Тодоракий. Но больше всего романские антропонимические признаки встречаются во втором компоненте имени главы семьи, которая зачастую выступает в качестве собственно фамилии, а не имени отца главы семьи: Драгуш, Гекуца, Никулица, Мошняг, Ватаман, Моралулуй, Скутельник, Ворник, Лупу, Вакарь, Ротарь, Сарануца, Харабаджиу, Лунгу, Морарь, Кожухарь, Бердеяну, Чолаку, Балаш, Шербан, Горул, Рале, Калдерарь, Мокан, Лунгу, Кроитор, Куля, Бабий, Хирарь, Чунту.

Главы семей по фамилии Мошнягу (Мошняг, Мошняга) встречаются 19 раз, и еще четыре раза в следующем варианте: Мош Кулич, Кирияк сын Моша, Мош Славопрепич, Мош Никола. Мош, Мошняга означает либо отчество, либо уличное прозвище. Второй компонент фамилии Вакарь (Вокарь) встречается шесть раз, Ворник — четыре раза, Ватаман — два раза, Чолак — четыре раза, Кожухарь (Кожуклия, Кожоклиу) — шесть раз. То есть нам встречаются некоторые элементы устоявшихся ныне фамилий в молдавском именнике. Вместе с тем, известно, что в указанном «Именном списке» Зворского нет глав семей молдавской национальности — они в другом списке, который так и называется: «Именной список поселянам молдаванам, разшедшимся из имений помещика Бальша в разные места Бессарабской области на казенные земли, извлеченный из всех присяжных розысканий, бывших разных комиссий, с показанием времени переселения каждого семейства и человека». Он составлен 2 мая 1839 г. и в нем под 839 номерами включены главы семей и бурлаки молдавской национальности. Этот «Список» требует отдельного глубокого изучения, так как и в нем могут встретиться имена и фамилии глав семейств, указывающие на их балканское происхождение. Например, в нем на листе 411 об., под № 105 указан «Панайт гагауц», который «из Градиешт перебрался в Бороган и оттуда бежал вместе с другими молдаванами». «Гагауц» — это гагауз, молдавский вариант уличного прозвища человека по имени Панайт, то есть Панайот в современном правописании болгарского имени. Второй компонент его фамилии — прозвище Гагауц.

Если в «Именном списке» Зворского, относящемся к болгарам «старым переселенцам»,

как мы считаем, нет молдаван, тогда такой вывод требует дополнительного обоснования.

Как было сказано выше, наиболее часто встречаются среди «старых переселенцев» главы семей по фамилии Мошнягу, Мошняг, Мошняга. Лингвистически она состоит из двух частей: мош и нягу. Смысловое значение имеет первая часть, мош, что в переводе на русский язык означает дед, старик, а на болгарский — дядо. Теперь вновь перечислим некоторых глав семей «старых переселенцев» с фамилией Мошнягу, Мошняг, Мошняга, но в переводе на русский язык: Руса Мошнягу — дед Руса; Иовча Мошнягу — дед Иовча; Танасий Мошняг — дед Танасий; Панчу Мошняг — дед Панчу. И далее: дед Тодор, дед Велисар, дед Волкан, дед Дончу. Если слово дед, деда представить как фамилию в русском варианте, то мы получим: Дедов Русу, Дедов Иовчу, Дедов Танасий, Дедов Панчу и т.д. Но в «Именном списке» Зворского есть записи глав семей «старых переселенцев», которые начинаются со слова «мош», затем следует собственно имя. В этом случае мош означает не имя главы семьи, а, на наш взгляд, указывает на пожилой возраст главы семьи, а не его отца: мош Никола — это дед Никола, мош Маринку — дед Маринку. О том, что это так, свидетельствует запись «Марин Мошняг, он же дядо Маринко», «Димо сын мош Никола» («Димо сын дядо Николь»). Во всех тех случаях, когда записи второго компонента фамилий в «Именном списке» Зворского указаны как Мошнягу, Мошняг, Мошняга, имена носителей глав семей — болгарские: Руси, Иов, Димо, Тодор, Велисар, Марин, Панчу и другие. Следовательно, Мошнягу, Мошняг, Мошняга в этом списке еще не выступают в качестве третьего компонента фамилии глав семей. Такие записи указывают на возраст, положение в семье глав этих семей, или являются уличным прозвищем переселенца из-за Дуная, которое дано им местным молдавским населением припрутских сел Молдавского княжества, среди которого они проживали достаточно долго, чтобы эти прозвища закрепились за их носителями.

В этом «Именном списке» Зворского указаны две главы семей с молдавской фамилией Ватаман. Относительно толкования этого слова известный исследователь средневековой истории Молдовы, этногенеза и этнической истории молдаван В. Стати пишет: «... ватаманы были старейшинами, главным образом, славянских общин в северных и северо-восточных областях Пруто-Днестровского ареала, населенных больше русинами (хотя ватаманы были и в некоторых молдавских

селах)» (см. Стати 2009: 69). Иными словами, Ватаман — это всего лишь должность человека, сельский староста. В одних имениях помещика Бальша, где, вероятно, этнических молдаван было больше, чем «старых переселенцев», этих сельских старост называли ватаманами, в других — атаманами (Франго атаманов, Янчу атаман), в третьих — просто старостами (Дончу староста из селения Мусаит). Таким образом, в указанном «Именном списке» Ватаман тоже не является фамилией, указывающей на молдавский этнический признак ее носителя.

Это же относится и к тем главам семей из «Именного списка» Зворского, вторая часть антропонима которых Ворник, что может означать «человек, стоящий во главе служителей молдавского княжеского двора». В нашем случае Ворник — не более чем уличное прозвище человека, выходца из-за Дуная, возглавляющего в доме дворянина-помещика прислугу.

Несколько раз в этом списке встречается глава семьи по фамилии Скутельник: Петку Скутельник, Иорку (возможно, Иоргу) Скутельник. На наш взгляд, это также уличное прозвище. Оно происходит от названия особого разряда крестьянского сословия скутельников, наделенного некоторыми социальными льготами. Это уличное прозвище встречается среди тех «старых переселенцев», которые бежали из помещичьего имения Чадыр в Чадыр-Лунгу и Баурчи. Еще один раз оно встречается у выходца из-за Дуная, переселившегося из помещичьего селения Томай в Буджак в колонию «задунайских переселенцев» с таким же названием. Правда, глава семьи записан как Илья Карайфре с пояснением, что «он же Скутельник».

Более скрупулезный анализ антропонимов «молдавской группы» указывает на то, что в записях глав семей этой группы сохранилось достаточно много данных, указывающих на их или их родителей балканское происхождение. Это имена: Георгий, Карази, Тодор, Петку, Стоян, Колю, Танас, Танасий, Динчу, Панчу, Иван, Димо, Желязко, Радо, Марко и другие. Второй компонент фамилий их носителей также указывает на не молдавское этническое происхождение: Монастиричу, Славопрепич, Сырф, Сырбул (то есть Серб), Дали-али, Вилку (Вылку — от болгарского слова «вълк»). Даже в тех случаях, когда, казалось бы, молдавский антропоним его носителя не должен вызывать возражение, на самом деле это не так. В «Именном списке» Зворского в некоторых случаях рядом с молдавским именем или фамилией главы семьи «старого

переселенца» приведены очень характерные части болгарских или тюркских антропонимов: Михалаки сын Кара Чани, Стоян сын Драгуша, Тодоракий сын Топала, Лупу Курт, Димитру Курт, Ион зять Кара Тодора; Михай дворник (так записано — авт.) он же Топал; Ион сын Георгия Кожуклия; Марин Мошняг, он же дядо Маринко; Вылчу зять Бабия Иона; Василий сын Ивана Гаждер, Иван Мошняга, он же Гаждер; Иван ворник, он же Танов; Стою Гужун, он же Чунту.

Не вызывает сомнения молдавское этническое происхождение только у «Янчу молдовану» (указан под № 483), бежавшего из Пеленей Молдован в Анадолку. Тем не менее, сказанное, на наш взгляд, не означает, что в этом «Именном списке» Зворского вовсе отсутствуют молдаване. В нем есть антропонимы, дающие основание говорить об уже именуемых на рубеже XVIII—XIX вв. кровнородственных связях «старых переселенцев» с местным молдавским населением в припрутской «двухчасовой зоне» Молдавского княжества (Ион зять Кара Тодора, Вылчу зять Бабия Иона), во-первых. О принятии «старыми переселенцами» при крещении своих детей молдавского православного имени (Ион сын Георгия Кожуклия), во-вторых. О переходе «старых переселенцев» на частичный или полный вариант молдавской антропонимии главы семьи (Лупу Бербюрю, Мирча Стиону, Маноли Кроитор), в-третьих. Такие процессы проходили не спонтанно и занимали по времени не один десяток лет. Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что выделенная нами молдавская группа антропонимов глав семей «старых переселенцев» представляет собой фактически болгароязычных и турецкоязычных выходцев из-за Дуная или их потомков, которые в результате длительного проживания в селах с молдавским населением заимствовали отдельные части антропонимов молдавского именного слова. Этническое же присутствие самих молдаван в «Именном списке» Зворского незначительно, и оно выражается в отдельных кровнородственных связях выходцев из-за Дуная с молдаванами, имевших место за время проживания в Молдавском княжестве.

В «Именном списке» Зворского можно встретить в одной из двух частей антропонима глав семей «старых переселенцев» такие имена или фамилии, которые не позволяют отнести их ни в одну из выделенных нами групп антропонимов. Например: Гену Гортарь, Пено Толегин, Семион Козак, Дима Бурлака, Франго Атаманов, Недуля Арнаут, Дончу Староста. А, казалось бы, такие име-

на, как Костандакий, Тодоракий, Михалаки, Митакий, Стаматий, Панаитий, Танасий, и такие фамилии, как Акороменес, Тодоракий, Греку, Мавров (от Мавриды), Ангели должны были бы свидетельствовать о присутствии среди «старых переселенцев» этнических греков. На наш взгляд, это не так, по крайней мере, по отношению к некоторым главам семей из «Именного списка» Зворского. Так, в пояснении к числящемуся под № 2 Констандакию Беженарь указывается, что «он же Узун Колев». О Тодоракии сказано, что он — «сын Топаль», о Михалаки — «сын Кара Чани». У Панаития фамилия Константин, у одного Танасия фамилия Стоичул, а у другого — Камоглу. О Митакие сказано, что он чей-то «зять или Татаров». У глав семей по фамилии Греку имена приведены по греческому имени (Тодор, Христофор), но они известны также по болгарскому и русскому именникам. У нас есть все основания причислить этих глав семей в одну из двух языковых общин выходцев из-за Дуная, болгароязычную или турецкоязычную.

Антропонимия глав семей «старых переселенцев», включенных в «Именной список» Зворского, свидетельствует о том, что все они в совокупности представляли эмигрантов из болгарских земель двух языковых общин: «болгар, говорящих на славянском языке» и «болгар, говорящих на турецком языке». Этот же анализ показывает, что до переселения в Буджак они жили совместно, то есть в каждом молдавском селении, где они проживали, были выходцы из-за Дуная двух указанных языковых общин. Для нас теперь важно установить, сохранился ли этот принцип совместного проживания после бегства с помещичьих земель И. Бальша и поселения в Буджаке. Конечно, такой анализ лучше делать на базе двух «Списков» задунайских переселенцев 1816 и 1818 гг., поскольку в них включены выходцы из-за Дуная, бежавшие с владельческих земель, принадлежавших и другим молдавским помещикам, а не только И. Бальшу. Хотя в тех «Списках» есть и главы семей из числа «новых переселенцев», и это надо учитывать.

Нас в данном случае интересует положение дел в селах, в которых проживали турецкоговорящие «старые переселенцы». С этой целью мы выбрали антропонимические сведения о главах семей, первоначально поселившихся, или указавших в качестве таковых известные ныне гагаузские села. Статистические данные глав семей в разрезе каждого села выделены в следующих графах (см. таблицу 1).

Общая картина статистики весьма красноречива, и она свидетельствует о том, что при уходе с помещичьих земель И. Бальша

и устройстве в Буджаке не было размежевания между двумя языковыми общинами «задунайских переселенцев». Точно такую же картину мы наблюдаем и в тех колониях, которые впоследствии стали известны как болгарские по составу населения в них (Болград, Чийшия, Ташбунар, Чешма Варуит, Бановка, Карагач).

Географические регионы выселения «старых переселенцев» из-за Дуная и места их первоначального поселения в Дунайских княжествах до русско-турецкой войны 1806—1812 гг. — это один из самых неизученных вопросов в истории бессарабских болгар и гагаузов. «Именной список» Зворского не преследовал цель выяснить, из каких мест из-за Дуная эти выходцы переселялись. Он решал иную задачу: выявить всех тех из них, кто самовольно переселился из имений И. Бальша на казенные земли Буджака, и в каком году это было. Тем не менее, как в «Именном списке» Зворского, так и в других документах архивных дел, которые также имеют своей целью рассмотреть жалобу И. Бальша, содержатся отдельные сведения, которые указывают на то, откуда эти переселенцы прибыли до 1806 г. в пограничную с Буджаком «двухчасовую зону» Молдавского княжества.

В «Именном списке» Зворского под №№ 1, 2 и 4 указаны главы семей Панку Дели, Констандакий Беженарь (он же Узун Колев), Георгий Дерили (сын Марко Сырбул), которые бежали из селения Орак помещика И. Бальша и поселились первые двое в Кубей, а последний — в Трояны. Здесь приведена информация о том, что все они переселились в имение Бальша в 1807 г. из задунайского селения Суючук (ныне село Българево — авт.), что вблизи Каварны. Все три семьи действительно появились в Орак и Трояны в том году, но мы сомневаемся в том, что именно в этом году они покинули Суючук. Наши аргументы следующие. Если бы эти семьи эмигрировали из Суючука в 1807 г., то они должны были бы проходить по «Именному списку» болгарам, вышедшим во время предпоследней (1806—1812 гг. — И. Г.) с турками войны, и после прокламации князя Кутузова Смоленского (26 апреля 1811 г. — И. Г.). Следовательно, все они по тогдашним понятиям первой половины XIX — бессарабские «болгары, говорящие на турецком языке», а по нынешним — бессарабские гагаузы. Но к записи главы семьи Георгия Дерили добавлено «сын Марко Сырбул». В Суючуке в 1807 г. не могло быть «сырбулов», то есть сербов. Такие фамилии-этнонимы были в Молдавском княжестве, и под ними подразумевались славяно-болгары. Отсюда, по нашему мнению, следует,

Таблица 1.

Статистические данные о главах семей в гагаузских селах

Название села	главы семей с болгарской антропонимией	главы семей с болгаро-турецкой антропонимией	главы семей с молдо-болгаро-турецкой антропонимией	главы семей с болгаро-турецко-гагаузской антропонимией	главы семей с иной и неопределенной из-за сложности идентификации антропонимией	Всего
Авдарма	3	20	3	10	4	40
Бешалма	—	—	—	2	1	3
Бешгиоз	—	2	—	—	—	2
Баурчи	5	2	9	6	2	24
Вулканешты	9	3	6	2	—	20
Гайдары	2	8	2	—	1	13
Дезгинже	7	15	9	2	7	40
Кириет-Лунга	2	7	5	1	1	16
Комрат	3	6	3	1	4	17
Конгаз	1	—	1	1	2	5
Кубей	1	1	—	1	—	3
Казаяклия	1	1	—	—	—	2
Саталык-Хаджи	—	1	1	2	—	4
Томай	4	6	5	2	17	34
Чадыр-Лунга	26	23	27	14	9	99
Чишмикиой	—	—	1	—	—	1
Итого	64	94	71	42	31	302

что Марко Сырбул появился рядом с Георгием Дерили не в Суючуке и не в Ораке, а где-то в другом населенном пункте Молдавского княжества, которое было его местом проживания после эмиграции из Суючука и до появления в 1807 г. в Ораке.

И еще один аргумент. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. русская армия не заходила так глубоко на территорию Болгарии. Это тем более верно для военной кампании на начальном ее этапе, в 1807 г. В условиях, когда в Северо-Восточной Болгарии находилась многотысячная турецкая армия, трудно представить себе, как могли тогда эти трое с семьями переправиться на другой берег Дуная. Все эти доводы дают нам основание предположить, что Панку Дели, Констандакий Беженарь и Георгий Дерили переселились в Орак из одного из Дунайских княжеств задолго до русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

С таким же сомнением можно отнестись ко всей информации, содержащейся в этом «Именном списке» Зворского, относительно даты переселения других выходцев из-за Дуная в имения И. Бальша во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

Что же касается местности, откуда они эмигрировали, то это заслуживает внимания. Так, в документе указывается, что из села Ромали (или Ромели), что около Филиппополя, переселились Стоян Вакарь, его сын Тодор, Слав Ротарь, Минчу Харабаджиу, его брат Вилку. Из «Бабена» (или «Бабек») переселились Колю Вицеларю, Терзи Вильчу, Коле Гугун, Варбан Коле, Никола сын Стойка, Тодор Стойка, Михаил сын Диордия. Название этого села, вероятно, дано в искаженной форме. По нашему мнению, это либо село Бабук, что в Силистринской околии, либо село Бабово из Русенской околии (Милетич 1902: 166, 177). Из Галакли (или Чалакли) эмигрировали Танасий Аваданий (?) и Апостол Лунгу. Все указанные главы семейств вместе со своими семьями бежали в Буджак из селения Кутурлуй, принадлежащего И. Бальшу. Из его же селения Томай (не путать с колонией Томай) переселились Митич Чолак (состав семьи 4 человека), Иванчу (отчество не указано, состав семьи 7 человек), Енакий Чолак (состав семьи 4 человека) и Димитрий сын Иванчу, семья которого состояла из двух человек. Очень интересна запись сделанных «розысканий» в документе относительно

но этих четырех семей: «Все сии семейства перешли в Волканешты из Бабадагской области назад тому 30 лет, в первую турецкую войну, в 1809 г. переселились в Томай, опасаясь турков, отсель по окончании кампании обратно перешли в Волканешты». Как видно, они переселились в Волканешты еще в «первую» русско-турецкую войну, то есть в 1787—1791 гг., а в 1809 г. бегут из буджакского села Вулканешты, принадлежащего Порте, на территорию «двухчасовой зоны» Молдавского княжества, в селение Томай помещика Бальша, «опасаясь турков». Это свидетельствует о том, что выходцы из-за Дуная не селились в Буджаке на постоянной основе до тех пор, пока не выяснилось, что он отойдет к России. Маршрут еще одного выходца из Бабадагской области, Ивана Дмитриоглу, также пролегал через бальшевское село Томай в Вулканешты в 1814 г.

В «Именном списке» Зворского под № 155 записан Желез Чакир. Это не кто иной, как известный родоначальник знаменитого рода священников в Бессарабии из числа «старых переселенцев» Захарий Чакир. Желез в семейной обстановке в селах бессарабских болгар и гагаузов приобретал антропонимическую форму Желю. Это имя относится к болгарским по происхождению, связанным с дохристианскими верованиями болгар. По форме оно — пожелательное, обозначающее, чтобы быть крепким, как железо. Имя Желю переводили на русский вариант двойко, как Зиновий и как Захарий. Правнук Захария Чакира, Дмитрий Георгиевич Чакир, автор книги «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» пишет: родина его прадеда «Болгария, деревня Шапла Шапланского округа (каза Шапла)» (Чакир 2005: 25). Но Д. Чакир не ограничивается указанием, откуда родом его предок, а сообщает также, что, покинув Болгарию, Желез Чакир с семьей поселился «около г. Плоешть». Там у сына Железа Чакира «Димитрия Чакира родился сын Захария» (Чакир 2005: 27). Спустя 20 лет после бегства из Болгарии «в 1790 году, по приглашению богатейшего молдавского боярина Бальша, братья Чакировы, со всеми своими семействами и имуществом, вместе с другими семействами-болгарами, пришедшими из Турции, в числе 25 семейств, перешли и поселились на земле этого боярина на особых условиях, в селении Чадыр, которое было уже заселено 20 лет тому назад более 25 семействами, тоже болгарами православного вероисповедания, известными под именем “гагаузов” (Чакир 2005: 29). Из этого сообщения Д. Чакира можно заключить, что все 25 семейств, которые из-под Плоешт пере-

селились в Чадыр, или часть их них, также являются выходцами из Шаплы (ныне Шабла). Обратим также внимание на то, что Д. Г. Чакир считает переселенцев-гагаузов из Шаплы «болгарами православного вероисповедания». Но Милетич и Мошков относят их к «греческим гагаузам», у которых были сложные отношения со славяно-болгарами на Балканах.

В «Именном списке» Зворского прежнее место жительства глав некоторых семей «старых переселенцев», поселившихся на землях помещика И. Бальша, присутствует в качестве второго компонента их фамилий. Этот географический определитель второй части антропонима этих глав семей можно свести к двум группам: одна — балканского происхождения, другая — местного, связанная либо с Буджаком, либо с припрутским регионом Молдавского княжества.

К первой относятся главы семей: Драгне Доброжан, Иван Загора, Иван Едернели и Янчу Едернелю, Янчу сын Рущу. Доброжан — это Добруджа, а Едернели, Едернелю — современный турецкий город в европейской части страны Едирне.

Сложнее идентифицировать балканскую родину Ивана Загоры. Это может быть город Стара Загора, но во времена Порты он назывался Ески Заара. Не исключено, что Загора — это, возможно, одна из административно-территориальных единиц болгарских земель Османской империи. На карте итальянца Джакомо Касталди, составленной в 1584 г., SAGORA указана восточнее другого административно-территориального района Порты, а именно SILISTRE, на севере омывается водами Дуная, разделяющими его с Бессарабией (Буджаком), на востоке граничит с Черным морем, а на юге — с административно-территориальным районом, обозначенным на этой карте как ROMANIA (Пиндикова 2006: 102—103). В сущности, это часть территорий Северной и Южной Добруджи и Восточного Причерноморья Болгарии.

Любомир Милетич определяет “загорцев” как языковую группу болгар и считает, что граница их говора проходит восточнее «Сливена и Ямбола и Къзъл-Агач. В равнината южно от Карнобадско ням загорско население». Географическое их расселение он определяет следующим образом: «Известно е, че «загорци» в южна България се казват обикновено жителите от северна България, особенно полските работници, които по жатва слезят от Балкана в тракийското поле», они пришли сюда «откъм Шуменско и Провадийско». Для нас особую ценность представляет определение Милетичем времени и мотивов переселения «загорцев» в Южную Болгарию: «Кога

са минали загорци през Балкана в източна Тракия, не може сега точно да се установи. Но тъкмо защото у самите тях традицията за дохождането им от север е вече затъмнена, забравена, трябва да заключи, че то ще да е станало доста отколе, най малко през първата половина на по-миналия век (XVIII в. — И.Г.)» (Милетич 1902: 30, 33).

Но наличие среди «старых» выходцев из-за Дуная в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья Молдавского княжества беженца Ивана Загоры свидетельствует о том, что такие же, как он, болгары-загорцы спасались от насильственного отуречивания и в другом географическом направлении — севернее Балкан и Дуная, в границах Валахии, Молдавии, Австрии и России.

Еще один глава семьи из «старых переселенцев» записан «Янчу сын Рущу». Возможно, это искаженная запись второй части антропонима. И.В. Дрон и С.С. Курогло приводят в качестве гагаузской фамилию Рушика, тогда следует читать «Янчу сын Руши», то есть Рушика. Но нельзя исключить и другое толкование: Рущу — это Руцук/Русчук, как тогда назывался современный болгарский город Русе.

Книга Л. Милетича, на которую мы выше ссылались, позволяет предположить, что вторая часть антропонимов некоторых глав семей «старых переселенцев», не перечисленных выше, также указывает на населенные пункты Северо-Восточной Болгарии, откуда произошло переселение их носителей. Перечислим их, указывая то административно-территориальное деление Болгарии, которое существовало во времена Милетича, и страницы его книги:

Каргалик — с. Гаргальк, Русенская околия (с. 154);

Кунач — с. Конак, Османпазарска и Ескиджумайска околия (с. 123);

Гарабаджи — с. Арабаджи, Кутбунарска околия (с. 166);

Кулич — с. Кула, Разградска и Кеманларска околия, или с. Кулата, Русенска околия (с. 150, 177);

Касим — с. Касымкьой, Варненска околия (с. 158);

Четак — село расположено вблизи Котела. Л. Милетич пишет, что это «северплатинско село Тича (тур. Читак). Тук началото на Голяма Камчия, която протича покрай селото, се нарича Тича, и това име е дадено и на самото село» (с. 46);

Козак — с. Казакдере, Провадийска околия. Но, возможно, этот антропоним-прозвище происходит от названия крепости Козяк. Она располагалась вблизи Варны. Болгарский

царь Иван Александр в 1369 г. подарил ее добруджанскому деспоту Добротице (Атанасов 2009: 267, 286);

Паскал — с. Паскалев, Тырновска и Паскалевска околия (с. 185);

Франго — с. Голяма Франга и Малка Франга, Варненска околия, но эти села основаны переселенцами из-под Одрина (с. 151);

Дулапчи — «с. Долапите», Русенска околия (с. 177);

Червен — с. Червен, Русенска околия (с. 178);

Монастирису — села «Горна и Долна Монастирица» (с. 181);

Пеперко — с. Пиперково, «близу до Янтра», Свиштовска и Никопольска околия (с. 186, 189).

Арнаут — по поводу этого антропонима у Милетича есть несколько указаний на его географию: «В Девня <...> е било чисто българско село <...> е имало някакви албанци (арнаути), както и в съседните села Дерекьой, Добрина и Ески Арнаутлар, но и те се преселили заедно с българите в Русия, гдето техни потомци сега има в селата Волканец и Каракурт до Болград» (с. 105), «Арнауткьой или Бейарнаут — старо албанско население, заселено тук през първите времена на турско завоевание откъде югозападна Албания, навярно от места съседни на Костурско» (с. 142), «В Бесарабия, именно в селата Вълканец и Каракурт близу до Болград, има преселени от североизточна България такива т о с к и (?), които още владеят своето албанско наречие. Преселението им станало в началото на миналия век, и навярно между тези ще да има и някогашни жители на селото Арнауткьой». Автор говорит о переселении во время русско-турецкой войны 1806—1812 г., о котором будет сказано в связи с «новыми переселенцами». Но тогда произошло массовое переселение, а, как видим, некоторая часть албанского населения переселилась раньше, и потому оказалась в «Именном списке» Зворского, то есть среда «старых» выходцев из-за Дуная.

Ко второй, бессарабской, географической группе относятся главы семей: Янчу Чимишлиу, Николай Томайлей, Илия Табаклы и Михай Буджак. Второй компонент их фамилий указывает на их уличное прозвище, которое дано им на новом месте жительства на основании прежнего места их проживания. Никола Томайлей получил это уличное прозвище в селении Орак, Янчу Чимишлиу — в селении Томай, Стан Паркаров и Аким Паркаров (видимо, искаженное от Пуркары) — в селении Гаджикиой, Илия Табаклы и Михай Буджак — в селении Пеленей Булгар. Последние двое,

как видно, до переселения в Пеленей Булгар находились, возможно, на территории села Буджак. Документы не позволяют установить, из каких мест Болгарии эти пять глав семей «старых переселенцев» эмигрировали в Буджак и на юг Пруто-Днестровского междуречья Молдавского княжества. В целом же «Именной список» Зворского содержит сведения, пусть и частичные, указывающие из каких регионов болгарских земель происходила эмиграция «старых переселенцев» на территорию, известную после 1812 г. как Южная Бессарабия. Это болгарское Причерноморие от Адрианополя до Суючука (ныне — Българево) и Южная и Северная Добруджа, а также районы Русе, Котела, Тырнова, на которые указывает Л. Милетич.

Для Восточной Болгарии, по данным словаря Ст. Ильчева, характерны такие имена, как Стани, Стою, Штеро, Панайот, Ганчо, Коста, Мавро, Дичо, Колю, Бочко, Пеню, Дони, Желязко, Желез. Эти имена присутствуют в «Именном списке» Зворского в двух языковых группах «старых переселенцев» из-за Дуная. Этот регион болгарских земель во времена господства Османской Порты был известен тем, что там проживали болгары, говорящие на разных языках — славяноболгарском, греческом, тюркском, а также турки-сельджуки. «Старые переселенцы» из «Именного списка» Зворского говорили на этих языках, по крайней мере, абсолютно точно на двух из них — славяноболгарском и «тюркче» — турецком, как тогда называли гагаузы свой язык. География эмиграции из-за Дуная указывает на то, что на север от Дуная в последней трети XVIII в. переселялись также и «греческие гагаузы», как их определяют Л. Милетич и В.А. Мошков. Может быть, по численности их переселение уступало переселению «болгарских гагаузов», но и оно было существенным.

Теперь зададим себе вопрос, можно ли на основе данной частичной географии эмиграции определить время ухода «старых переселенцев» из болгарских земель севернее Дуная?

Этот вопрос требует специального изучения, с привлечением дополнительных источников. Здесь мы можем высказать предположение. Оно основано на том, что частично известная нам по публикациям Д. Хайдарлы «Перепись» населения некоторых хотаров Припрутья первой половины 70-х гг. XVIII в. содержит антропонимические сведения, которые указывают на то, что их носители еще тогда прибыли из-за Дуная (Хайдарлы 2007: 484—494). Их переселение в Припрутье иссле-

дователи, в том числе и Д. Хайдарлы, связывают с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. Принято считать, что такая эмиграция сюда имела место и в следующую русско-турецкую кампанию 1787—1791 гг. Наша позиция заключается в следующем. Не отрицая возможность эмиграции из болгарских земель севернее Дуная во время этих двух военных кампаний, мы предполагаем, что в последней трети XVIII в. эмиграция из-за Дуная в Дунайские княжества была обусловлена, главным образом, кърджалийской смутой, охватившей именно тот регион болгарских земель, следы которого находим среди жителей припрутских имений Иона Бальша. Главный довод, что это так, состоит в том, что эти русско-турецкие войны проходили вдалеке от болгарских земель. В ходе самих этих войн турецкие войска занимали территорию, на которой проживали многоязычные жители Болгарии. Но именно потому, что там находилась турецкая армия, а русская была далеко, эмиграция населения, тем более не единичного характера, была невозможной. Другое дело кърджалийские смуты, терроризация бандами разбойников гражданского населения болгарских земель, разграбление их имущества. Кърджалийству сопутствовали явные признаки кризиса административного управления Портой Балканским полуостровом. Именно в этом хаосе население болгарских земель, охваченных кърджалийскими смутами, нуждалось в защите и искало, где можно укрыться от разбойников и в спокойной обстановке заниматься хозяйством, семьей. Его бегство было оправданным, оно не встречало препятствий со стороны деморализованной турецкой администрации. А армейские части, если и были, занимались другими делами. Путь следования беглецам на север был свободным. Дмитрий Чакир пишет: «Наконец, около 1770 г., появились “кърджалие” (все уничтожающие, т.е. предающие мечу и огню) <...> Такой же, более чем печальной, участи подвергся и дом родоначальника нашего, Янчу Чорбаджиогло: имущество его разграбили, а с него самого содрали, будучи живым, кожу, отчего в страшных мучениях он скончался. Сыновья Янчу Чорбаджиогло, Димитрий и Желез, чтобы избежать участи своего отца, принуждены были оставить свои дома, имущество, родной очаг и милую родину» (Чакир 2005: 27).

В.А. Мошков, задав себе вопрос, «почему именно переселялись в Россию более болгарские, чем греческие гагаузы», предположил, что «болгарские гагаузы, как более восточные, подвергались более частым нападениям раз-

бойничьих шаек, имевших свой главный притон в Больших Балканах» (Мошков 2005: 50).

То, что выходцы из-за Дуная селились в Пруто-Днестровском междуречье не только в период русско-турецких войн второй половины XVIII в., признает и А. Я. Коронелли в секретной записке М. И. Кутузову от 15 ноября 1811 г.: «Состоявших во время турецкого здешними крепостями владения при оных крепостях поселян христианского исповедания, находящихся ныне под зависимостью Д и в а н о в <...> причислить к переселенцам», «Ежели все болгары и сербы, поселившиеся в здешнем крае во время Позвант-Оглу, будут причислены к переселенцам». Таким образом, «старые переселенцы» появились на территории Молдавского княжества, в том числе и в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья, не только и не столько в годы русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг.

Д. Хайдарлы, анализируя перепись населения 1774 г., пишет о выходцах из-за Дуная, поселившихся в Гречанском цынуте: «...переписью было охвачено 927 глав семей; из них обозначено термином “сырбу” 66 глав семей (7,1%) или около 330 человек обоего пола». Мигрировавшие сюда выходцы из-за Дуная, в том числе и болгары, «поселялись обычно компактными группами в отдельных населенных пунктах... к таковым согласно материалам переписи 1774 г. относились села Макрий и Пелинею (Пелений) Греченского цынута; в этих двух селах они не обозначены термином “сырбу”, а выделены в особые рубрики — “сырбь, болгарь”, а также “...оамень де песте Дуэре”, то есть “люди из-за Дуная”. В селе Макрий был зарегистрирован 61 глава семьи “задунайских переселенцев” (то есть около 305 человек обоего пола), а в селе Пелиний — 25 глав семей (около 125 человек обоего пола) <...> В самом южном цынуте, Греченском, это количество составляло в целом 152 главы семей (около 760 чел.) или 16,4% из 927 глав семей, учтенных посемейной переписью 1774 г.». Автор считает, что «в основном это были мигранты из-за Дуная, переселившиеся сюда до русско-турецкой войны 1768—1774 гг.» (Хайдарлы 2007: 493—494). В другой своей работе этот же автор утверждает, что «первый этап достаточно массового вселения мигрантов из-за Дуная на юг Пруто-Днестровского междуречья приходится на 1750—1791 гг.» (Хайдарлы 2008: 339).

Такой же позиции придерживается и И. В. Дрон, другой исследователь указанной переписи населения 1774 г. Автор обратил внимание на то, что в ней одна часть выход-

цев из-за Дуная отражена под другим уличным прозвищем. Ссылаясь на этот источник, автор пишет, что в нем «встречаются данные о так называемых “крещенных турках” в молдавских селениях. К примеру, с. Баинций — 1 турк ботезат (“крещенный турок”); с. Кындешть — 1 турк ботезат; с. Бадиуций — 2 турчь ботезат; с. Мелешеуций — 1 турк ботезат; с. Пырлишений — 1 турк ботезат; с. Крэйничештий — 1 турк ботезат; с. Фынтынелеле — 1 турк ботезат» (Дрон 1992: 32). Здесь понятие *турк* местное молдавское население использовало не в качестве этнического определителя принадлежности этих выходцев из-за Дуная, — крещенных турков тогда быть не могло, — а лишь для обозначения того, на каком языке они разговаривали. Кроме того, мы исключаем, чтобы среди этих выходцев из-за Дуная кто-либо идентифицировал себя турком. Справедливо считая *турчь ботезаць* православным гагаузским населением, автор утверждает, что оно «проживало в молдавских селениях задолго до 1770 г.» (Дрон 1992: 33).

Из сказанного вытекает, что мы ставим под сомнение русско-турецкие войны 1768—1774 и 1787—1791 гг. как единственную причину переселения из-за Дуная, но не сам факт его осуществления именно в указанный период — последняя треть XVIII — начало XIX вв. Таким образом, к моменту самовольного переселения в Буджак «старые переселенцы», если не все, то большая их часть, могли находиться в молдавских селах Припрутья от 30 до 50 лет.

Анализ антропонимов «Именного списка» Зворского свидетельствует о том, что в нем «старые переселенцы» из-за Дуная, поселившиеся на помещичьих землях Иона Бальша, состояли из двух групп болгар: говорящих на родном языке и говорящих на турецком языке. Подавляющее число имен глав семей, а также их отчеств, в качестве которых выступают имена их отцов, облачены в болгарскую, тюркскую, молдавскую антропонимическую одежду, характерную для обеих указанных языковых групп «старых переселенцев». Однако выделить, кто из них на каком языке разговаривает, невозможно. Переселенцы, говорящие на турецком языке, есть среди тех глав семей, у кого антропонимы как болгарского происхождения, так и болгаро-тюрко-турецкого и болгаро-тюрко-гагаузского. Из этого следует, что на основании этих данных «старых переселенцев» из «Именного списка» Зворского нет возможности выявлять этнический состав выходцев из-за Дуная и определять численную величину каждой языковой группы.

Глава 2. Антропонимия «новых переселенцев»

Как известно, на помещичьих землях в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья селились и выходцы из-за Дуная, известные в литературе как «новые переселенцы». Те из них, которые оказались в имениях И. Бальша, включены в другой документ этого же дела, который мы предложили назвать сокращенно как «Именной список болгарам, новым переселенцам». Он также был составлен поселянским стряпчим Зворским, спустя 40 дней после завершения работы над предыдущим, 20 июля 1839 г.

Этот список состоит из 306 фамилий глав «новых переселенцев». Он в два раза меньше списка «старых переселенцев», но только по количеству глав семей. Что касается общей численности, то для его определения здесь применим расчет средней численности одной новой переселенческой семьи из показателя пять. Исходя из этого, мы определяем общую численность 306 семей в 1530 человек, что меньше всего на 500 человек общей численности «старых переселенцев», включенных в «Именной список» Зворского.

Из полного названия списка видно, что речь в нем идет о переселенцах из-за Дуная, причиной эмиграции которых была русско-турецкая война 1806—1812 гг. и ее последствия для населения болгарских земель. В названии особо выделяется факт переселения «после прокламации князя Кутузова Смоленского», то есть после 26 апреля 1811 г. Обратим внимание на еще один нюанс заглавия списка: после слова «болгарам» следует причастный оборот, начинающийся словом «вышедшим», и далее следует пояснение, когда это было. Следующий причастный оборот введен в название данного списка для того, чтобы указать, чем вызвано его составление: тем, что они поселились в имении Бальша, а потом бежали оттуда на казенные земли Буджака. Однако из названия списка неясно, когда эти выходцы из-за Дуная поселились у Бальша: сразу или спустя какое-то время? Из опубликованных документов и литературных публикаций историков известно, что выходцы из-за Дуная 1806—1812 гг. какое-то время жили в обоих княжествах, находились в зависимости от местных диванов, между переселенцами и диванами возникали довольно серьезные противоречия, требовавшие вмешательства главнокомандующего Молдавской армией (см.: Гросул, Даниленко 1962: 120—136; Крыжановская, Руссев 1957; Атанасов 1958; Дойнов 1979; Казаков 1955: 141—174; Конобеев 1958: 194—291).

Документы свидетельствуют, что основная масса выходцев из-за Дуная переселилась на территорию княжеств Валахии и Молдавии между концом ноября 1811 г. и серединой марта 1812 г. — «20000 семейств земледельцев» (Крыжановская, Руссев 1957: 37). При анализе самого списка, по возможности, определим время появления 306 семей «новых переселенцев» в имениях И. Бальша.

Включенные в «Именной список болгарам, новым переселенцам» главы семей бежали со своими семьями от Бальша на казенные земли Буджака из следующих принадлежавших ему селений: Чумай, Каждамгалия, Шамайлия, Карбаул, Тартаул, Алуат, Хаджикиой, Казаяклия, Кугурлуй и Орак. Часть названий этих сел присутствует и в «Именном списке» Зворского (Хаджикиой, Алуат, Казаяклия, Кугурлуй), а другая часть сел там отсутствует. Это можно объяснить как тем, что в молдавских селах, где жили «старые переселенцы», не было возможности принять и обеспечить землей новых выходцев из-за Дуная, так и тем, что И. Бальш стремился обеспечить рабочей силой и другие свои владения.

Для единообразия анализа антропонимов и их сравнения по двум указанным спискам «старых» и «новых» переселенцев также сгруппируем фамилии глав семей «Именного списка болгарам, новым переселенцам» по тем же четырем группам антропонимов, которые были применены при анализе антропонимов в «Именном списке» Зворского:

1) указывающие на приверженность его носителей болгарской антропонимической традиции;

2) состоящие из болгарских имен и тюрко-турецкого происхождения второй части антропонимов глав семей;

3) антропонимы глав семей, вторая часть которых указывает на их принадлежность к «болгарам, говорящим на турецком языке», то есть к использованию смешанных болгаро-тюрко-гагаузских антропонимов;

4) запись имен и фамилий в антропонимической традиции молдаван и валахов в Дунайских княжествах.

В этом списке есть антропонимы глав семей, которые не позволяют отнести их к первой или третьей группе. Например, в нем указаны 23 главы семей, второй компонент фамилий которых один и тот же — Беженарь. Однако, за исключением двух глав семей — Иона Беженаря и Михая Беженаря, у всех остальных — имена болгарского происхождения. Но поскольку известно, что такие имена

характерны для глав семей этих двух групп, то было бы ошибкой отнести всех их в одну из них. Поэтому мы исключили их из анализа, хотя все они, за очень редким исключением, относятся к двум языковым общинам «новых переселенцев» 1806—1812 гг.

Первая группа антропонимов глав семей из «Именного списка болгарам, новым переселенцам»: Велику Титор, Георгий Зурба (?) сын его Пейчин, Георгий Минчу, Добри Стоянов, Добре Кирчу, Коле Владов, Коле Бончу, Колю Митро, Коле Деку (возможно Дяку), Коле Стоянов, Мигал (Михал?) Неделко, Михалко Райче, Радо Коле, Стоян Болгар, Стою Танаси, Стою Делчо, Танас Стоян, Константин Михал, Константин Граматик, Коле Костов, Коле Кичов, Раду Манолы, Андрей Танасий, Бойку Кальчу, Велику Иван, Велику Стою, Гинчу Константин, Георгий Гинчу, Димитрий Станчо, Димо Иван, Добре Димо, Велико сын Георгий, Жеко Янакий, Злат Кирияк, Желез Стою, Димо Георгий, Илья Иванов, Иван Стоян, Иван Яни, Иван Семенов, Иван Трандафил, Курт Иванов, Неделко Чебан, Петре Иовчу, Радо Коле, Марин Велики, Кирчо Руссу, Недо Енчу, Недо Злати, Нику Ено, Николай Драгни, Ненчо Янко, Параскив Марин, Пенчо Марин, Петра Танасия сын Петко, Руссо Злато, Янчул Велико, Янку Дойку, Пейко Димо, Василий Димо, Димо Стоян, Димо Стою, Стою Иван, Никола Плачков, Курте Никола, Георгий Бостнар, Велико Димо, Койчу сын Иван, Неделко Злати, Дяду Стоян, Иван Вельчу, Петре Добре, Иван Иовче, Гани Недю, Радо Велико, Жеко Никола, Велико Иван, Радо Райчо, Трандафил Николаев, он же и Дьякоглу, Георгий Чорбажиу, Георгий Хажу, Мину сын Ангели, Семен зять Танаса, Панаит Авраам, Гену Неделко, Неделко Беженар, Георгий Димитре, Иван Руссе, Иван Танасов, Константин Корчмарь, Стоян Жеку, Калчу Тодоров.

Обращает на себе внимание тот факт, что имя отца главы семьи (вторая часть антропонима) записано зачастую в форме фамилии, с окончанием -ов, что практически не встречается в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах».

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» значительно чаще встречается антропоним Неделко — исконно болгарского происхождения, связанный с христианской верой, как имя и как отчество или фамилия главы семьи: Мигал (Михал?) Неделко, Неделко Чебан, Неделко Злати, Гену Неделко, Неделко Беженарь.

Здесь более заметно присутствуют обе части болгарского антропонима, как вариан-

ты иноязычных или связанных с дохристианскими верованиями болгар. Один из этих компонентов фамилии глав семей «новых переселенцев» присутствует почти во всех антропонимах этой группы. Но, что характерно, достаточно много случаев, когда оба они, в одном случае как имя, в другом как фамилия, являются антропонимами одного главы семьи. Дохристианские болгарские имена встречаются: Велико (чтобы быть великим) — 6 раз; Добри (чтобы быть добрым) — 2 раза; Радо — 7 раз; Стоян (чтобы остался жив) — 4 раза; Злат, Злати — 3 раза; Жеко, Желез (от Железчо — чтобы быть крепким как железо) — 3 раза; Драгни (от Драган — чтобы был дорог) — 1 раз. Дохристианские болгарские имена, если говорить о времени их использования в качестве таковых — это период до принятия в 865 г. православия болгарским царем Борисом. В дохристианский период истории Болгарии происходило становление и укрепление Первого болгарского царства, во время которого протекал процесс этногенеза болгаро-славян на основе слияния двух этносов — южных славян и болгаро-тюрков, в один — славяно-болгарский.

Еще одно отличие этой антропонимической группы «новых переселенцев» от «старых переселенцев» состоит в том, что в ней меньше встречается второй компонент антропонима главы семьи в качестве уличного прозвища, «прякула» или профессии. Таких мы насчитали всего восемь: Велику Титор (церковный староста), Константин Грамматик, Константин Корчмарь, Неделко Чебан, Георгий Бостнар, Георгий Чорбажиу, Георгий Хажу и Иван Трандафил.

Вторую группу составляют главы семей, имена и фамилии которых представляет болгаро-тюрко-турецкий симбиоз: Дмитрий Колю, он же и арманджи, Константин Футчаджиу, Иван Челенгир, Иван Карасини, Колю Мержа, Кириак сын Дели, Костя Чилингир, Лефтер Руссе, Марко Келе, Михне Терзи, Михай Абанджи, Мотре Черне, Пенчин Бас, Ризо Никола, Стою Фучжиу, Савва Пиперко, Цветко Терзи, Танас Черне, Франго Белтек, Тодор Фичжиу, Танас Терзи, Велико Абажи, Петре Карасни, Никола Терзи, Параскив Терзи, Танас Гайдаржи, Георгий Терзи, Балю Атманжи, Баю Георгий, Балы Тодор, Баю Дерде, Калчу Тодоров, Стою Дерменжи, Кальчо Байко, Марин Митак, Петр Димир, Стою Дерменжи, Яни Балю, Георгий Арнаут, Баю Стою, Димитрий Бал (Бай? Бял?), Георгий Табак, Слав Дерде, Димо Енуперко (?), Дьяку Футожечи, Велико Кара, Кара Димо, Мино Фучжиу, Русе Футчанжи,

он же и патко, Георгий Кышлалы, Илья Кара, Костанди Кара, Никола Буюкли, Никола Тулузу, Иоргин Курзму (?), Паруш Каракевца, Петре Кышлалы, Никола Карабашчи, Константин Черника, Метича (?) Гергеледжи, Танас Дели, Желез Маразли, Панко Дажоле.

В ряду фамилий такого смешанного состава встречаются такие, как Мотре Черне, Танас Черне, Константин Черника, Ион Черни. Здесь «черне» не что иное, как перевод на славянский язык, русский или болгарский, тюрко-турецкого «кара». Это не встречается в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах».

Первая часть антропонимов этой группы достаточно широко представлена именами болгарского именника. Но есть и особенности. Здесь наличествуют имена, которые отсутствуют в болгарской группе: Франго, Лефтер, Михне, Мотре, Ризо, Балю, Баю, Балы, Паруш, Метич. Из перечисленных только Франго, Лефтер и Паруш включены в «Словарь гагаузских мужских имен» (Дрон, Курогло 1989: 181—194). В целом же и в этом «Именном списке болгарам, новым переселенцам», как и списке «старых переселенцев», в первой части антропонимов глав семей очень слабо представлены имена тюрко-турецкого происхождения.

Третья группа, болгаро-тюркско-гагаузская, в «Именном списке болгарам, новым переселенцам», где антропонимы глав семей выглядят более представительно и разнообразно: Кирияк Мотоглу, Косте Каюомгло, Петре Киртоглу, Станчо Димитрогло, Никола Станчоглу, Георгий Кирчиглу, Петре Куртоглу, Желязко Тодоров, он же Табакоглу, Димо Чебаногло, Добре Еманджиоглу, Курт Кара он же и Куруадякоглу, Трандафил Николаев, он же Дьякоглу, Аристе (?) Чебаноглу, Илья Константин оглу, Стою Трандафил оглу, Метач (?) Терзиоглу, Панаит Кариоглу, Руси Аланскоглу, Балю Пенчоглу, Велико ... оглу, Мирчо Чеперкоглу, Недю Иваноглу, Панчу Паниоглу, Черне Чебаноглу, Койчу Великоглу, Кирчу Карагеоргий оглу, Георгий Мошняг он же ... оглу, Ворник Димоглу, Димо Папазоглу, Васко Андрей оглу, <...> Янчоглу, Стоян Иваноглу — всего 32 фамилии глав семей «новых переселенцев» с окончанием на огло, оглу. Если в «Именном списке» Зворского таких антропонимов было примерно 4%, то среди «новых переселенцев» их уже 11%. И еще одно отличие этого списка имен и фамилий глав семей от предыдущего. Из 32 имен глав семей с указанной фамилией — 26 присутствуют в болгарском именовании. Причем во всех трех составляющих:

болгарские имена греческого происхождения, имена болгарского происхождения, образованные как варианты иноязычных и истинно болгарские по происхождению имена, которые связаны с дохристианскими верованиями болгар. Из 32-х фамилий с гагаузскими признаками две имеют в окончании форму *-огло*, *одна*, *-иглу* и 29 — *-оглу*. Из 31 идентифицированного антропонима второго компонента — 20 также имеются в болгарском именнике.

При этом обращают на себе внимание следующие специфические записи некоторых антропонимов: «Желязко Тодоров, он же Табакоглу», «Трандафил Николаев, он же Дьякоглу», «Стою Трандафил оглу», «Илья Константин оглу», «Васко Андрей оглу», «Стоян Иваноглу». Здесь мы встречаемся с таким явлением в списке «новых переселенцев», как придание болгарским по происхождению обоим частям антропонимов гагаузское оформление на основе добавления во второй их части окончаний *-огло*, *-оглу*, зачастую написанных отдельно от них. Трудно сказать, относится ли это явление к 1811—1818 гг., когда осуществлялось явочным порядком переселение в Буджак с помещичьих имений Бальша, или это результат более позднего времени, относящийся к 30-м гг. XIX в. Не исключено, что процесс огагаузивания антропонимов болгарского происхождения имел место еще за Дунаем. Однако здесь, в Припрутской зоне Молдавского княжества и в Буджаке, он получил ускорение, особенно после 1819 г., когда завершился период территориальной концентрации турецкоговорящих выходцев из-за Дуная в Буджаке и начался этап их языковой консолидации. Это явление мы прослеживаем в демографических документах следующих десятилетий, которые известны как «Ревизские сказки» 1835, 1850, 1859 гг. И оно состояло не только из миграционной составляющей в рамках колоний «задунайских переселенцев» (процесс территориального размежевания двух языковых общин выходцев из-за Дуная), но и из взаимной языковой ассимиляции большинством меньшинства в селах со смешанным в языковом отношении населением.

Добавим к указанным выше гагаузским фамилиям и такие специфические, вторая часть антропонимов которых встречается среди современных гагаузов Молдовы и Украины. Они мало распространены либо вовсе не встречаются среди местного болгарского населения: Петре Деревентли, Франго Белтек, Баю Атманжи, Баю Дерде, Марин Митак, Стою Дерменжи, Георгий Кышлалы, Петре Кышлалы, Никола Карабашчи, Слав

Дерде, Метича Гергеледжиу — всего 11 глав семей с такими фамилиями. Итого 43 глав семей, или 14% от списочного состава «новых переселенцев» имеют антропонимы тюрко-гагаузского характера, не встречающиеся или мало встречающиеся среди бессарабских болгар. Тогда как в «Именном списке» Зворского глав семей «старых переселенцев» с тюрко-гагаузскими признаками второй части антропонима, включая и редко встречающихся среди болгар, было всего 34, или 5,4% от общего количества семей. Констатация этого явления не означает, на наш взгляд, что мы сталкиваемся с формированием специфических бессарабских гагаузских антропонимов в среде «болгар, говорящих на турецком языке» вне контекста влияния на их происхождение исторических реалий османомусульманского господства на Балканах, в том числе и в Болгарии.

Что же касается бессарабского периода истории гагаузов, то к 30-м гг. XIX в. еще не была завершена языковая концентрация турецкоговорящих выходцев из-за Дуная в тех колониях «задунайских переселенцев» в Буджаке, которые впоследствии стали известны как гагаузские села. Вместе с тем, чтобы определить вектор и специфику их развития, сравним некоторые антропонимы болгаро-тюрко-гагаузской группы «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная из «Именного списка» Зворского и «Именного списка болгарам, новым переселенцам».

В «Именном списке» Зворского:

— большее разнообразие окончаний во второй части антропонима глав семей: *-улу, -олу, -юлу, -оглу, -огла, -огло*;

— из 20 случаев, относящихся ко второй части антропонима глав семей с такими окончаниями, только в шести они связаны с именем болгарского происхождения отца и деда главы семьи.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам»:

— встречаются только три формы окончаний *-иглу, -огло* — один и два раза, и *-оглу* — 29 раз;

— в 20 случаев из 32 второй компонент имени глав семей состоит из собственно имени отца или деда болгарского происхождения плюс окончания *-иглу, -оглу, -огло*. При этом в ряде случаев в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» *-огло, -оглу* написаны отдельно от имени: Илья Константин оглу, Стою Трандафил оглу. И еще одно наблюдение. Если в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» написание фамилии с окончанием *-иглу* встречается всего один раз, и это может быть случайность или

ошибка при написании, то формы *-улу, -олу* в «Именном списке» Зворского не выглядят такой опиской или случайностью.

Сравнивая также фамилии глав семей в указанных двух «Именных списках», которые отнесены нами в эту болгаро-тюрко-гагаузскую группу на основании других антропонимических признаков ее второго компонента, мы отмечаем такую отличительную их особенность, как неповторимость второго компонента фамилий из первого списка с таковыми во втором. Указанные нами особенности имеют лингвистический характер и требуют анализа со стороны ученых-филологов. Важно выяснить, происходило ли усовершенствование специфических гагаузских антропонимов или они в молдавской среде обитания утрачивали эти признаки. Наш комментарий состоит в том, что различия в форме написания окончания второго компонента фамилий, как и частичное несовпадение фамилий в двух указанных списках «старых» и «новых» переселенцев, которые впоследствии закрепились в антропонимических традициях бессарабских гагаузов, могут быть обусловлены:

а) разными периодами переселения из-за Дуная;

б) разной географией выселения из-за Дуная;

в) разной продолжительностью времени проживания среди молдавского населения в Дунайских княжествах;

г) разной степенью консолидации по языковому признаку выходцев из-за Дуная, принадлежащих к двум языковым общинам, болгароязычной и тюркоязычной.

Все же нельзя исключить и того, что указанные особенности гагаузских фамилий глав семей среди «старых» и «новых» переселенцев могут быть следствием еще невидимых внутренних процессов развития «болгар, говорящих на турецком языке», которые либо имели место еще на Балканах, либо начали происходить еще до их концентрации на территории Буджака. Это наблюдение может быть подтверждено только на основе анализа всего демографического и антропонимического архивного материала, касающегося формирования гагаузской общности в Буджаке на протяжении XIX — первой трети XX вв. Но и этого может оказаться недостаточным. Достоверный ответ следует искать за Дунаем, в демографической истории Болгарии XV—XVIII вв.

Четвертая группа фамилий глав семей условно обозначена нами как «молдавская». Она включает существенно меньше таких антропонимов глав семей «новых переселенцев», чем в «Именном списке» Зворского: Димо Мошнягу, Коле Влашко, Кириак Стамати,

Митре Чоку, Михай Чебан, Михай Савва, Пенчо Ворник, Стати Коля, Тодор Куляна, Кристе Чолак, ... Барбул, Петре Леи, Статий Пенин, Стефан Ион, Станчу Молдаван, Иван Молдаван, Курт Мошняг, Негруш Карапатка, Димитро Чебан, Никола Ворник, Радо Мошняг, Василий Мошняга, Ризу Вакарул, Ион Черни, Михалакий Пуркарь, Митакий Мошняг, Сара Мику, Лефтер Молдаван — всего 28 антропонимов глав семей выходцев из-за Дуная 1806—1812 гг.

И здесь, при анализе происхождения этих антропонимов, мы наблюдаем ту же картину смешения имен и фамилий, характерных для именословов болгарского (Димо, Коле, Тодор, Петре, Иван, Никола, Радо), молдавского (Мошнягу, Михай, Кириак, Кристе, Молдаван, Ворник, Мику), мунтянского (Влашко), греческого (Стамати, Стати — так считает известный носитель этого антропонима Василий Стати), тюрко-турецкого (Курт, Лефтер, Карапатка) происхождений. Причем такие сочетания двух частей антропонимов — уличных прозвищ и прякулов, когда «смешнее не придумаешь»: Негруш Карапатка — образовалось от молдавского негру — черный, тюрко-турецкого кара — черный и болгарского патка — гусь, и получается буквально черный черный гусь; Курт Мошняг — волк дед, старик; Стати — мужской антропоним греческого именика, а Пенин — от болгарского женского имени Пена, которое переводится на русский язык как Пелагея, но, возможно, что от парного болгарского (иноязычного варианта) мужского ласкательного имени Пеню, Пенка (Петър — Петр) образовалось женское ласкательное имя Пена, Пенка (Петра, Параскива); Лефтер Молдаван — человек, продающий или изготавливающий золотые и серебряные женские украшения определенного размера, и он молдаван по происхождению. Последний пример носителя антропонима, как и Негруш Карапатка, свидетельствуют, что их носители утратили свои собственные имена, они были известны односельчанам по их уличным прозвищам, на основе которых они и вошли в «Именной список болгарам, новым переселенцам».

Но, как это ни парадоксально, в этом списке «новых переселенцев» больше носителей валашского и молдавского антропонимов, принадлежащих главам семей молдавской либо валашской национальности, чем в первом — «Именном списке» Зворского.

И во втором списке фамилий глав семей встречаются такие имена, как Ион, Михай, Кириян, Кристе, Михалакий, Митакий, а также такие фамилии, как Мошняг, Ворник, Чебан,

Чолак, Вокарул. Тщательный анализ некоторых из них, записанных в «Именном списке» Зворского, показал, что носители этих имен и фамилий глав семей из числа «старых переселенцев» все-таки являются выходцами из-за Дуная и принадлежат к их двум языковым общинам — болгароязычной и турецкоязычной. Это подтверждается и сопоставлением наиболее часто встречающихся в традициях молдавской антропонимии имени Ион и фамилии Мошняга в списках «старых» и «новых» переселенцев.

В «Именном списке» Зворского имя Ион встречается 18 раз и отчество Ион — два раза. Слово мощ, записанное как имя, встречается три раза, а в качестве фамилии — 24 раза.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» Ион как имя встречается три раза, как отчество — один раз, а Мошняга как имя записано один раз и как отчество — пять раз. Поскольку «новые» выходцы из-за Дуная находились на территории княжеств непродолжительное время, они не успели ни войти в родственные связи с местным населением, ни получить уличные прозвища или прякулы в молдавском варианте. Следовательно, носители этих антропонимов, или часть из них, являются выходцами с левого берега Дуная — это ареал смешанного этнического пограничья, в котором проживало и романоязычное население.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» 1806—1812 гг. встречаются имена и фамилии глав семей, с заложенной в них информацией этнического происхождения: Станчу молдаван, Иван молдаван, Лефтер молдаван, Коле влашко. В этот список включаем двух глав семей с именем или фамилией Стати, Статий: Стати Коля, Статий Пенин. Возможно, они к этому времени уже утратили греческую идентичность. Есть здесь и другие записи второй части антропонимов глав семей, состоящих из романского именослова или, по крайней мере, известные как таковые: Кириак Стамати, Митре Чоку, Коле Куку, Петре Леи, Сара Мику. Все же их незначительно, — по обеим частям антропонима менее 20 записей, — и в связи с этим возникает вопрос, каким образом они оказались в этом болгарском списке «новых переселенцев»?

Мы предполагаем, что имело место как прибытие этнических молдаван и валахов вместе с переселенцами из-за Дуная, так и присоединение к ним уже на территории Дунайских княжеств.

В первую группу можно отнести, скорее всего, тех глав семей, вторая часть антропонима которых — молдаван и влашко. Специфика этих антропонимов состоит в том, что в слу-

чае с фамилией Молдаван мы имеем выделение этнического признака его носителя, в то время как в случае с Влашко подчеркивается географический признак, откуда его носитель прибыл на болгарскую землю — Влахия, Валахия. С таким феноменом мы столкнулись при анализе «Именного списка» Зворского, но по отношению к фамилии-прозвищу Болгар, которое могло появиться только на территории княжеств, где оно обозначало как самоназвание «старых переселенцев», так и их название местным молдавским населением. В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» главы семей по фамилиям-прозвищам молдаван и влашко получили их за Дунаем от местных жителей. Подтверждение этому, по аналогии, находим в следующем. Если фамилия болгар в «Именном списке» Зворского о «старых переселенцах» встречается около 20 раз, то в списке «новых» выходцев из-за Дуная оно присутствует лишь один раз — Стоян болгар под № 53. То есть прозвище болгар не имело употребления среди задунайских переселенцев 1806—1812 гг. В этом же списке «старых переселенцев» вторая часть антропонима с этническим признаком молдаван встречается всего один раз — Янчу Молдовану (№ 483), в то время как в списке «новых переселенцев» фамилия-прозвище молдаван встречается несколько раз.

Вторая группа глав семей, имена и фамилии которых относятся к романскому именику, присоединилась к «новым переселенцам» 1806—1812 гг. уже на территории Дунайских княжеств. Но это произошло до их появления в имениях Иона Бальша — здесь они могли попасть только как выходцы из-за Дуная. А о том, что новая волна эмиграции из болгарских земель не сразу оседала в Буджаке и в «двухчасовой зоне» Молдавского княжества, свидетельствует секретная записка первого попечителя «новых переселенцев» А. Я. Коронелли М. И. Кутузову, поданная в середине ноября 1811 г. В ней Коронелли признает, что «задунайские переселенцы, не имея по сие время в отводе для их настоящего водворения свободных земель, находятся ныне в рассеянии по Валахии, Молдавии и Бессарабии» (Крыжановская, Руссев 1957: 23).

Как сказывалась продолжительность проживания «старых» и «новых» переселенцев на территории Молдавского княжества на их традиционной балканской антропонимии? Чтобы ответить на этот вопрос, сравним данные, выведенные нами из двух списков выходцев из-за Дуная, по наиболее часто упоминаемым в них именам Иван и Ион.

В «Именном списке» Зворского имя Иван как собственное имя главы семьи встречается 15 раз и как отчество — 6 раз. Здесь же имя Ион как собственное имя главы семейства встречается 18 раз, а как отчество — два раза. Из этих данных видно, что, несмотря на то, что среди «старых переселенцев» не было молдаван, имя Ион как имя главы семьи встречается чаще, чем имя Иван в этой же позиции главы семьи. Что же касается отчества Ион в этом списке, то оно встречается всего два раза. Это означает, что семейная традиция «старых переселенцев», основанная на том, что новорожденному мальчику давали имя деда, на территории Молдавского княжества разрушалась. Здесь среди переселенцев этой волны (последняя треть XVIII в.) протекал активный ассимиляционный процесс на уровне антропонимического проникновения молдавской системы имен. Однако это явление наблюдается только на уровне имен глав семей. На поколениях их отцов этот процесс практически не заметен: среди 630 глав семей, включенных в «Именной список» Зворского, отчество Ион встречается всего лишь два раза. Если мы возьмем за основу общепринятую формулу временной рамки, отделяющей поколение отцов от поколения детей в 20—25 лет, то получим, что, чтобы выходцы из-за Дуная так активно стали предпочитать молдавское Ион болгарскому Иван, им понадобилось прожить среди молдаван не менее 40—50 лет.

В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» 1806—1812 гг. имя Ион как собственное имя главы семьи встречается три раза, а как отчество — один раз. В то же время болгарское имя Иван как имя главы семьи упомянуто 12 раз, и как отчество — четыре раза. Второй показатель в данном случае не характерен, поскольку известно, что болгары и гагаузы дают родившемуся младенцу имя деда, а оно в обоих «Именных списках» отсутствует. В то же время широкое присутствие собственного имени Иван, как главы семьи «новых переселенцев», свидетельствует о том, что среди них не нарушена болгарская антропонимическая традиция.

Этот вывод подтверждается другими антропонимами из «Именного списка болгарам, новым переселенцам» (см. табл. 2).

В таблицу включены не все имена болгарской антропонимической традиции, список имен можно расширить (Янчу, Марко, Неделко, Цветко, Гинчу, Злат, Желез, Илья, Киру, Ненчо и другие). Но даже те 14 имен (некоторые даны с вариантами), приведенные здесь выше, свидетельствуют о том, что из 306 глав семей более половины были носителями наиболее рас-

пространенных болгарских имен. В первую пятерку входят имена Колю, Петър, Георгий, Стоян, Димитър, а во второй — Иван, Коста, Велику, Танас, Тодор. Встречаются среди 306 имен глав семей «новых переселенцев» также несколько имен тюрко-гагаузского происхождения: Курт — четыре раза, Бали и Баю (у Дрона и Курогло указаны в «Списке гагаузских фамилий и прозвищ», с. 119—120) — по три раза, Франго — два раза. Но они лишь усиливают задунайский характер переселения 1806—1812 гг., также состоящий из двух языковых общин болгар: говорящих на родном языке и говорящих на турецком языке.

Здесь также уместно ответить на вопрос, имело ли место при бегстве с помещичьих земель И. Бальша в Буджак выходцев из-за Дуная отпочкование одной их языковой общины, турецкоговорящей, от другой, употреблявшей болгарский язык. Сделаем такую же таблицу, которую выше составили по «Именному списку» Зворского, но теперь на основе «Именного списка болгарам, новым переселенцам», учитывая иную специфику переселения на казенные земли Буджака — непосредственно, минуя длительное проживание на территории Молдавского княжества (см. табл. 3).

При составлении таблицы 3 мы встретились с проблемой соотношения 17 глав семей, поселившихся в Тараклии, и 4 глав семей новых переселенцев, поселившихся в Чадър-Лунге, которые записаны под фамилией Беженарь. Мы не можем отнести их ни в какую другую графу, кроме как последнюю. И по колонии Каракурт мы встречаемся с тем,

что вторая часть антропонима 19 глав семей не поддается точному отнесению их в другую графу — с болгарской, турецкой, молдавской или гагаузской антропонимией: Янчу Бруку, Кирияк Камбер, Костя Сапери, Марко Перпери, Марко Пеле, Андричо Диндино, Георгий Нипан и некоторые другие. Это связано как с трудностью точного прочтения фамилии по микрофильму, так и с тем, что Каракурт известно как село с албанским населением. Поэтому не исключено, что часть фамилий албанцев Каракурта отличаются от таковых других жителей села, как албанского, так и не албанского происхождения.

Данные, приведенные в таблице, интересны прежде всего тем, что «новые переселенцы», поселяясь в Буджаке из имения И. Бальша, также не делились по группам антропонимических признаков, свойственным болгарам, гагаузам, молдаванам, грекам, другим балканским народам. В этом отношении характерны антропонимы жителей колонии Каракурт. Из 93 глав семей «новых переселенцев» 1806—1812 гг. 29 — носители болгарских антропонимов, 21 — смешанный болгаро-тюрко-турецкий вариант, 6 — болгаро-тюрко-гагаузская модель, 18 — молдо-болгаро-тюркская модель. Такой же антропонимический симбиоз мы наблюдаем среди «новых переселенцев» Кубея и Курчи (колонии со смешанным гагаузским и болгарским населением), а также Ташбунара и Чешма-Варуит, где население сейчас болгарское. Статистические данные, составленные на основе двух списков «старых» и «но-

Таблица 2.

Антропонимы из «Именного списка болгарам, новым переселенцам»

Имя	Запись в первом значении (количество упоминаний)	Запись во втором значении (количество упоминаний)
Иван	12	4
Коле, Никола	27	6
Димитър, Митю	4	2
Димо	12	4
Петър (Петре, Пенчо)	25	1
Георгий, Диордий, Иорги	18	3
Велику	9	4
Добри	4	1
Коста, Константин	10	4
Стоян	6	4
Стою	12	3
Танас	9	2
Тодор	7	2
Андричо, Андрей	3	1
Итого	158	42

вых» переселенцев, свидетельствуют о том, что в обоих из них были выходцы из-за Дуная, принадлежащие к двум языковым общинам. Но они же, эти данные, показывают, что в эти годы не происходила дифференциация между переселенцами по признаку владения языком, болгарским или турецким/тюркче. Это было связано с тем, что, на наш взгляд, часть болгар, говорящих на родном языке, как правило, владела и турецким языком, что и обеспечивало им общение с теми переселенцами, которые говорили на тюркче. Нельзя исключить, что и определенная часть выходцев из-за Дуная, говорившая на тюркче, также владела болгарским языком. Поэтому на момент их переселения в Буджак языковые предпочтения в общении не являлись для двух языковых общин переселенцев препятствием в решении ими политических, социально-экономических и общинно-бытовых вопросов обустройства в Буджаке.

Следовательно, в первой четверти XIX века, точнее, между 1806—1825/1827 гг., происходила одновременная концентрация болгар и гагаузов в Буджаке на основе миграции «старых переселенцев» с территории «двухчасовой зоны» Молдавского княжества и эмиграции «новых переселенцев» 1806—1812 гг. из-за Дуная. Иными словами, начальный пе-

риод заселения и устройства болгар и гагаузов в Буджаке (последняя треть XVIII — первая треть XIX вв.) не был ознаменован их стремлением добиться концентрации обустройства здесь двух языковых общин отдельно друг от друга. Не было колонии «задунайских переселенцев», в которой бы не было турецкоговорящих и болгароговорящих выходцев из-за Дуная. И.И. Меццерюк говорит о более 20 колониях «задунайских переселенцев» со смешанным болгаро-гагаузским населением, но он, скорее всего, имел в виду колонии с более или менее равным числом жителей в них обеих языковых общин. По нашему мнению, все колонии «задунайских переселенцев» первой четверти XIX в., включая и колонии Кагульско-Прутского округа, в которых большинство населения составляли молдаване, включали жителей, говорящих на нескольких языках: болгарском, турецком/тюркче, молдавском, возможно, греческом. А в некоторых из них еще на албанском, русском, малороссийском (украинском). Это объясняется тем, что перед всеми выходцами из-за Дуная, а также местным молдавским населением стояла, прежде всего, одна общая задача: устроиться в Буджаке, ставшим частью Российской империи в 1812 г., в качестве свободных крестьян и на особых правах, обеспечивающих им

Таблица 3.

**Статистические данные о главах семей
«Именного списка болгарам, новым переселенцам»**

Название села	главы семей с болгарской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-турецкой антропонимией	главы семей с молдо-болгаро-тюркской антропонимией	главы семей с болгаро-тюрко-гагаузской антропонимией	главы семей с иной и неопределенной из-за сложности идентификации антропонимией	Всего
Баурчи	—	—	—	—	2	2
Болград	1	—	—	—	—	1
Каракурт	29	21	18	6	19	93
Кубей	13	5	1	4	—	23
Курчи	2	12	2	2	—	18
Тараклия	6	—	1	—	17	24
Татар-Копчак	—	—	—	1	—	1
Ташбунар	3	2	2	8	—	15
Чадыр-Лунга	1	2	—	—	4	7
Чешма-Варуит	32	15	8	10	6	71
Чишмекиой	1	—	—	—	2	3
Итого	88	57	32	31	50	258

здесь автономное хозяйственное, социально-правовое и культурное развитие.

География выселения. «Именной список болгарам, новым переселенцам» также содержит некоторые отрывочные сведения, указывающие на возможные регионы болгарских земель, откуда население в массовом порядке эмигрировало в Дунайские княжества и в Буджак.

Таковыми данными мы располагаем только по 19 главам семейств, которые бежали из помещичьего имения Бальша Кугурлуй и поселились в 1814 г. в Тараклии, ставшей в 1819 г. колонией. Из них 18 глав семей записано под фамилией Беженарь, у одного, уже умершего, фамилия не указана, а запись вместо него сделана на «вдову Тодору». Фамилия Беженарь, конечно же, вымышлена. Она указывает на то, что переселенцы из-за Дуная — беженцы, отсюда Беженарь. Только в отношении одного — Влайку Беженарь, есть дополнительная информация, указывающая на то, что он был известен как Влайку Митку.

В отношении этих Беженарей в «Именном списке болгарам, новым переселенцам» указано, что они «из Рущука» и «из с. Тиоремая» (или «из с. Тиореман», нечетко записано название этого села). Все они эмигрировали «из-за Дуная в 1811 году».

В указанном списке «новых переселенцев» под № 251 записан Никола Тулузу. Вторая часть антропонима, возможно, указывает на то, что этот Никола или его предки происходили из болгарского Тузлука. Известно, что из этого региона Болгарии, а также из Герлово и восточно-балканских сел имело место массовое бегство православного населения на юг от Балкан, которое Л. Милетич объясняет проводимой Турцией политикой его отуречивания (Милетич 1902: 33). Видимо, отдельные семьи православного вероисповедания искали убежище от турецкой насильственной ассимиляции также и на севере от Балкан.

Кроме Николая Тулузу, антропонимы «новых переселенцев» могут выступать в качестве прозвищ, являющихся микропонимами Болгарии, в следующих случаях, согласно данным Л. Милетича:

Келеч/Келеш — село Келешкьой, расположено в районе Бургаса (с. 31);

Аланскоглу — село Ала Клисе, впоследствии Ботевско, «Добришка околия» (с. 19);

Буюкли — село Буюкли, расположено южнее Айтоса (с. 32);

Дели — село Дели Юсуф-коюсу, «Добришка околия» (с. 158);

Деревентли — село Дервент, «Варненска околия» (с. 151);

Франго Чепененко и Франго Белтек — имена Франго, возможно, указывают на села «Голяма Франга и Малка Франга, Варненска околия», жители которых являются потомками переселенцев из-под Одрина (с. 151). Среди «старых переселенцев» также встречается имя Франго;

Черне, Черни — село «Черна, западна Добруджа, Тулчанска и Бабадашка околия» (с. 174);

Камбер — село Камбер, «Тулчанска и Бабадашка околия»;

Карабашчи — село «Карабашлъ», расположено южнее Добрича (с. 157, 158), либо село «Коробашли, Варненска околия» (с. 152);

Кичук/Кучук/Кючук — село «Буюкли... загорско село на юг от Айтос» (с. 33);

Къшлалы — село «Паша Къшла, Тулчанска и Бабадашка околия» (с. 174);

Пиперко — село «Пиперково, Свищовска и Никополска околия» (с. 186);

Хаджи — село «Хаджи Мусса, Свищовска околия» (с. 189).

Все указанные микропонимы расположены в той части Болгарии, которая была охвачена эмиграцией населения севернее Дуная в последней трети XVIII — начале XIX вв. Поэтому, как и в случае с Едернели, Загорец, эти микропонимы также могут указывать на то, что прозвища-фамилии глав семей «новых переселенцев» — это названия населенных пунктов, откуда они переселились.

Такая практика, когда, как правило, вторая часть антропонима главы семьи указывала на его прежнее место жительства, была использована и в тех случаях, когда выходцы из-за Дуная переселялись из одного населенного пункта Молдавского княжества в другой. Так, из селения Орак в Баурчи (оба села расположены в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья) в 1814 г. переселились Петр Галацан и Николай Галацан. Сама фамилия Галацан указывает на то, что уже в Ораке они были записаны под этой фамилией, и она свидетельствует о том, что они прибыли в Орак из Галаца.

В «Именной список болгарам, новым переселенцам» записан, и вероятно, не без оснований, Михалакий пуркарь. Он проживал в селении Шаймалий, принадлежавшем И. Бальшу, и в 1812 г. вместе с Ионом Черни и Метичем (?) Гергеледжиу переселился в с. Бурлачел (Бурлачень). И Черни, и Гергеледжиу («табунщик») — выходцы из-за Дуная, оба, скорее всего, из числа «новых переселенцев», говорящих на турецком языке. А пуркарь — это известное село Пуркарь, откуда, по всей вероятности, этот Михалакий переселился

вначале в Шаймалий, а оттуда в Бурлачень — село, которое также принадлежало помещику И. Бальшу. Время переселения — 1812 г. — указывает на то, что оно не связано с бегством «новых переселенцев» из помещичьих земель Бальша на казенные земли Буджака. В принципе, нельзя исключить, что Михалакий пуркарь также является новым переселенцем 1806—1812 гг., но неизвестно, какая его настоящая фамилия и когда он поселился в селе Пуркарь.

Приведенные выше данные дают основания утверждать, что «новое» переселение из-за Дуная 1806—1812 гг. также шло из Добруджи. Но не только оттуда. Эмиграцией, как видно, был охвачен более широко, чем прежде, район Рущука, а также и болгарские земли западнее от него, частично захватывая и Северо-Западную Болгарию. Например, колония Тараклия — дата ее заселения болгарами считается 1813 г. — называлась бессарабскими болгарами и гагаузами Шоп-Тараклия. При этом вторая часть микропонима Тараклия была известна до появления здесь задунайских переселенцев, а первая его часть Шоп появилась после. Это указывает на то, что в этой колонии поселились выходцы из Северо-Западной Болгарии.

В опубликованных источниках, кроме подтверждения ареала «около Рущука», охваченного переселением, указывается также «Ловчу», то есть Ловеч и его окрестности, что также подтверждает охват эмиграцией Северо-Западной (?) части Болгарии (Крыжановская, Русев 1957: 73, 176). Ученый-демограф и этнограф П. Кеппен, как и некоторые другие, писавшие о переселенцах из-за Дуная первой половины XIX в (И. Толстой), не без основания утверждал, что среди выходцев из-за Дуная в годы русско-турецкой войны 1806—1812 гг. были и из Македонии. И это подтверждается как лингвистическими особенностями говора жителей села Паркан, так и распространенностью с тех пор среди бессарабских болгар фамилии Македонский. Таким образом, сведения о местах выселения «новых переселенцев», извлеченные из «Именного списка болгарам, новым переселенцам», не противоречат географии их эмиграции, известной по документальным и научным публикациям. На наш взгляд, более широкий, чем до 1806 г., охват эмиграцией населенных пунктов и территорий болгарских земель подтверждается и тем, что в ряде случаев антропонимы глав семей «новых переселенцев» не встречаются среди таковых у «старых переселенцев». Приведем примеры по второму компоненту фамилии «новых переселенцев», которые отсутствуют

среди глав семей из числа «старых переселенцев»: Титор, Лочо, Зурба, Арманджи, Бруку, Камбер, Чоку, Бас, Деревентли, Чепеленко (Чепененко), Белтек, Барбул, Кичов, Граматик, Семенов, Байко, Балю, Чеперкоглу, Карапатка, Бубиков, Патко, Кышлалы, Карабашчи, Доддиан, Тарамы, Маразли, Галацан, Дажоле.

Конечно же, и среди глав семей «старых переселенцев» есть фамилии, не встречающиеся среди переселенцев 1806—1812 гг. Приведем некоторые из них: Мутаф, Драгуш, Трокотарь, Варатоглу, Кулич, Сари, Китарь, Гекуца, Женжин, Атаману, Аганфирий, Жикжага, Червен, Килжив, Новичан, Акороменесе (?), Даду, Бабаяни, Койма, Гунне, Курза, Губе, Скутельник, Ротарь, Гугун, Кафтанжи, Шарим, Бокаржий, Бостанарь, Арусей, Ермалий, Калдарарь, Кованжиу, Транстарь, Яманди, Кафеджиу, Ватаман, Касим и др. Все это является следствием того, что как в период исхода «старых переселенцев», так и в годы эмиграции «новых переселенцев» (между ними разница не менее чем в 40 лет), болгарская народность находилась на начальной стадии трансформации в болгарскую нацию. Это означает, что между населением различных регионов Болгарии не установилась еще общенациональная антропонимическая традиция, особенно второй и третьей частей антропонима. Сам этот процесс находился на начальной стадии развития, поскольку он является составной частью формирующейся болгарской нации. Тем более что это происходило в условиях отсутствия национальной автокефальной церкви и высшего болгарского церковного клира. Поэтому на антропонимы задунайских переселенцев оказывали воздействие множество факторов: и многоязыкое население за Дунаем, и негативное влияние на него многовекового османского господства, и засилье греческой высшей церковной иерархии в болгарских землях.

Полувековое проживание «старых переселенцев» на территории Молдавского княжества также привело к частичной интерференции в их среде молдавской антропонимии, и не только. В работах Д. Никогло, Е. Сорочяну, Е. Квилинковой зафиксированы заимствования гагаузов из традиционной кухни молдаван, из молдавской календарной обрядности. Авторы, не располагая историческими исследованиями, рассматривают их как следствие этнического и этнографического пограничья между гагаузами и молдаванами в Бессарабии, то есть в Буджаке, после 1812 г. (Никогло 2004; Сорочяну 2006; Квилинкова 2007). На наш взгляд, эти заимствования происходили значительно раньше, до ухода «ста-

рых переселенцев» в Буджак. Они являются следствием длительного их проживания среди молдаван в Молдавском княжестве по обе стороны Прута.

Выводы. На 1816 г. в Бессарабии, по подсчетам И. И. Мещерюка, насчитывалось 5320 переселенческих семей. Из них 1865 семей он относил к «старым» выходцам из-за Дуная. По данным же А. Скальковского, в 1819 г. считалось задунайских переселенцев 6532 семей, из них «старых переселенцев» — 2294 семьи. Расхождения между данными И. Мещерюка и А. Скальковского относительно численности «старых переселенцев» объясняется тем, что молдавский историк не учел из их числа тех выходцев из-за Дуная, которые остались за пределами колониального управления. Для нас эти расхождения не имеют значения, поскольку объект исследования другой.

Объем антропонимии обоих архивных документов разный. В «Именном списке» Зворского включено от 27,5% (по сведениям А. Скальковского) до одной трети (согласно Мещерюку) имен и фамилий глав семей всех «старых переселенцев». В «Именном списке болгарам, новым переселенцам» — только около 10% эмигрантов из Болгарии 1806—1812 гг. Как видно, антропонимия каждого из этих списков обладает разной степенью репрезентативности по отношению к тем переселенцам, к которым они принадлежат. Но 936 глав семей «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная составляют от 14,3% до 17,6% от общей численности всех глав семей задунайских переселенцев в Пруто-Днестровском междуречьи, что довольно высокий показатель по уровню репрезентативности. Это означает, что выводы, к которым мы приходим в результате анализа этих списков, могут быть экстраполированы (распространены) на всех «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная, поселившихся на казенных землях Буджака в канун получения ими статуса колонистов, особого крестьянского сословия России.

Эмиграция последней трети XVIII — начала XIX вв. привела к почти полному исчезновению в Северо-Восточной Болгарии болгароязычного населения. Известный знаток демографической истории Северо-Восточной Болгарии Любомир Милетич отмечал губительные последствия турецкого господства здесь для болгарского этнического элемента: «...в североизточна България се извърших през първите векове на турското иго много важни, недотам забелязани от историята етнографични сътресения, поради които старото българско население, което турците завариха в тия области толкова се е разрешило

и отстъпило мястото си на своите завоеватели (Милетич 1902: 4). И далее: «Главното изселение на старото българско население от североизточна България е станало в по-предишните усилия и непоносими за българина времена, именно през по-миналия век та до 1812 год. Поради това ние сега напразно ще търсим в най-източните области на Северна България, а именно по Варненско, Балчишко, Добричко, Новопазарско и от част от Силистренско, да не говорим дори за Балбунарската и Аккадънларската околии, гдето българския елемент е съвсем нов, старо българско население» (Милетич 1902: 14—15). В другом месте, характеризую демографическую катастрофу для болгар в Силистринской, Кутбунарской, Аккадънларской и Туктраканской околий, Л. Милетич отчечает: «...тук животът на старото българско население е бил в минали времена несносен и речи невъзможен. Поради това, се разбира, че когато се захванало преселническо движение у българите в посока към Влашко и Русия, останките от старата българщина тъкмо в тия области, близки до Дунава, първи ще да са се възползвали да минат за Влашко. Изселвания от Силистренско и близките околии в Влашко трябва постепенно и непрекъснато да са ставали от началото на турското владичество в северна България, докато най-сетне последните масови изселвания в следствие на руско-турските войни през двата минали века не са помели и последните дири от старото население тук» (Милетич 1902: 158). Примерно такую же оценку он дает демографическому состоянию этнического болгарского населения в Разградской, Кемандларской, Поповской околий (Милетич 1902: 136).

Сказанное видным болгарским ученым об эмиграции из-за Дуная дает основание утверждать, что переселением было охвачено практически все болгароязычное население Северо-Восточной Болгарии, и оно присутствует и среди «старых переселенцев» в Бессарабии. Эти выходцы из-за Дуная, во всяком случае, большая часть из них, поселились в Буджаке не сразу. У них было вначале другое место длительного проживания в границах Молдавского княжества. Как мы считаем, само это переселение было обусловлено, главным образом, кырджалийскими смутами, религиозными и этническими преследованиями (насильственное отуречивание и исламизация православного населения Болгарии, о которой пишет Л. Милетич), а также русско-турецкими войнами последней трети XVIII в. Поэтому оно, во-первых, не могло быть одновременным актом, как

в 1806—1812 и 1828—1830 гг., во-вторых, растянулось во времени на десятилетия и поэтому не имело форму массовости по охвату населения, в-третьих, этим процессом переселения была охвачена меньшая часть болгарских земель, на которой «старые переселенцы» проживали до эмиграции.

«Новые переселенцы» — это продукт русско-турецкой войны 1806—1812 гг. У них другие причины, а также и признаки эмиграции. Ею охвачена более обширная территория болгарских земель. Исход населения был массовым по причине прямой (волонтерские отряды, Болгарское земское войско) или косвенной его вовлеченности в русско-турецкое противоборство на стороне России. Сама эмиграция проходила в более сжатое время, а период временного пребывания на территории Дунайских княжеств был укорочен самим фактом окончания военной кампании. Поэтому среди «новых переселенцев» меньше антропонимических следов, характерных для здешнего романоязычного населения, а сами эти следы, скорее всего, тянутся с болгарского берега Дуная.

Обоими этими переселениями из-за Дуная было охвачено население двух языковых общин: одна разговаривала на болгарском языке, хотя многие в ней знали и турецкий язык, другая говорила на «тюркче» — по-турецки, но в ее среде также знали болгарский язык. Иными словами, на период эмиграции и обустройства в Буджаке между этими двумя языковыми общинами не было ярко выраженного языкового пограничья. Его контуры, все еще достаточно размытые, были обозначены в Указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г., согласно которому тюркоязычные задунайские переселенцы в большинстве своем были объединены в Буджакский округ.

Но осуществленная нами дифференциация антропонимов «старых» и «новых» переселенцев по четырем группам (болгарская, болгаро-тюрко-турецкая, болгаро-тюрко-гагаузская и молдавская) и анализ фамилий глав семей внутри каждой группы свидетельствует

о том, что в каждой из них были выходцы из-за Дуная двух языковых общин: болгароязычной и турецкоязычной. Это означает невозможность определения численного состава каждой языковой общины на основании антропонимов из указанных «Именных списков».

В сборнике документов и материалов по истории Молдавии опубликованы два документа, в которых затрагивается языковой вопрос переселенцев. Один из них принадлежит А.П. Юшневскому. В его отношении к управляющему Бессарабской областью И.М. Гартингу от 1 июня 1816 г. указывается, что «турецкий язык наиболее» употребляем «при сношении с задунайскими переселенцами» (Крыжановская, Руссев 1957: 200).

Другой документ — рапорт попечителя задунайских переселенцев Д.П. Ватикиоти новому управляющему Бессарабской областью А.Н. Бахметьеву от 30 марта 1817 г. В нем говорится о задунайских переселенцах селения Баймаклии, отказавшихся якобы принести присягу российскому престолу, которые изъяснялись «на турецком диалекте, коим не все говорят» (Крыжановская, Руссев 1957: 370). Из рапорта Ватикиоти можно сделать вывод, что не все выходцы из-за Дуная владели «турецким диалектом», что означает, что среди этих баймаклийцев были выходцы из-за Дуная, принадлежащие к двум языковым группам. Юшневский говорит о турецком языке, как более распространенном среди задунайских переселенцев, поселившихся на помещичьих землях. Но в данном случае не отвергается тот факт, что часть выходцев из-за Дуная, которую мы относим к «болгароязычным», также владела турецким языком. Не случайно Юшневский пишет далее, что он отправит в помощь титулярному советнику Марченко Константина Койчо, «знающего при том русский, болгарский и молдавский языки» (Крыжановская, Руссев 1957: 200). Таким образом, на основании этих двух высказываний Юшневского и Ватикиоти также невозможно делать общий вывод о соотношении численности двух языковых общин переселенцев из-за Дуная.

Глава 3. Этнические процессы в Болгарии в XII—XVII вв. и их отражение в антропонимии бессарабских болгар и гагаузов

Проведенный анализ антропонимов «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная подводит нас к выводу о сложной их структуре. Ее, на наш взгляд, следует рассматривать как результат длительного во времени процесса проникновения турецких антропонимов в славяно-болгарскую и тюрко-христианскую

среду, а также и не менее длительного по времени процесса зарождения на Балканах этнической истории бессарабских гагаузов. Иначе как можно объяснить многократное использование болгарами, «говорящими на турецком языке», антропонимов славяно-болгарского происхождения, связанных как с дохристи-

анскими верованиями славяно-болгар (Стою, Стоян, Вълку), так и чисто болгарских христианского периода истории болгарского народа (Неделя, Христо)?

Большинство антропонимов глав семей «старых» и «новых» переселенцев имеют славянское происхождение, но встречаются также и тюркского происхождения. Что собой представляет это двоякое явление? Можно ли отнести его только к начальному этапу этногенеза славяно-болгар, имевшему место до принятия ими православия? Тогда возникает другой вопрос: каким образом славяно-болгарская антропонимия попала в огузо-кумано-печенежскую среду, на основе которой, по утверждению сторонников тюркской гипотезы происхождения гагаузов, возник новый и молодой гагаузский этнос на Балканах, если ими отрицается само участие в этом процессе тюрк-болгар и славяно-болгар? И как вообще такое — огузо-кумано-печенежское начало гагаузского этноса на Балканах — могло происходить тогда, в VIII—IX вв., если указанного триумvirата тюркских племен еще не было на полуострове? Оба «Именных списка» выходцев из-за Дуная ставят эти вопросы перед исследователями. И еще один звучит следующим образом: что лежало в основе феномена генезиса гагаузов на начальном его этапе, этнический фактор или религиозный? По нашему мнению, сомнительный фундамент доказательств, который включает множество гипотез происхождения гагаузов, состоит в том, что все, кто писал на эту тему, за исключением известного болгарского ученого Стр. Димитрова и, возможно, одесского этнографа А.В. Шабашова, брали за основу изучения проблемы этническое начало. Религиозный фактор всплывал потом. Идя по этому пути, невозможно объяснить происхождение гагаузов вообще, формирование гагаузской общности в Бессарабии, в том числе.

Стр. Димитров отвергает тезис о том, что болгаро-тюрки были полностью ассимилированы славянами уже в IX—X вв. Он доказывает на основе анонимной славяноболгарской летописи, что в XII—XIII вв. завершился процесс формирования единой, но специфической двуязычной болгарской народности. Только тогда, пишет он, у славян появилось «болгарское народностное самосознание», они начали «определять свой язык и свою книжнину как болгарские. Совершилось чудо с рождением единой болгарской народности, в которой и гунноязычные, и славяноязычные люди определяли себя как болгары». Это стало возможным благодаря тому, что «единство болгарской народности обеспечи-

валось, прежде всего, религиозной, а вслед за ней державно-политической ее общностью, и в последнюю очередь некими этническими признаками». Болгарский ученый утверждает: «Тюркоязычное болгарское население продолжало жить и развиваться как составная часть болгарской народности, хотя на его языке не создавались книги и вообще не была создана письменность» (Димитров 1995: 148—149). Для Стр. Димитрова неоспорим исторический факт, что и в XIII—XIV вв., «во Втором болгарском царстве болгарская народность была двуязычной» и «история не сохранила известия о столкновениях и противоречиях между славяноязычными и тюркоязычными болгарами» (Димитров 1995: 151).

С завоеванием Болгарии османотурками, пишет далее Стр. Димитров, там создалась совершенно иная, чем прежде, культурно-религиозная, политическая и психологическая атмосфера. Православие в этот период истории болгар становилось преградой на пути ассимиляции двуязычных болгар турками-сельджуками. Но языковая близость между тюркоязычными болгарскими и завоевателями постепенно привела к тому, что их «язык все более отождествлялся с турецким». С этой языковой близостью тюркоговорящих болгар с османотурками стало «укрепляться и представление, что только славяноболгарский язык является болгарским и что болгарин — это не только православный, но и славяноязычный человек» (Димитров 1995: 152). Для тюркоязычных болгар одним из трагических последствий многовекового османского гнета стало постепенное угасание в их памяти того факта, что этот «их язык и эта их вера были своими задолго до того, как османотурецкая нога ступила» на болгарскую землю. Но если имела место насильственная исламизация православного населения, если осуществлялась насильственная депортация, то «не трудно принять, что и “турецкий язык” был введен властями» тюркоязычным болгарам «ценой невероятного насилия» (Димитров 1995: 153). Таким образом, Стр. Димитров отвергает гипотезу о гагаузах как отуреченных славяноязычных болгар. Но у него есть весомые исторические основания считать, что болгарская народность во Втором болгарском царстве была двуязычной, славяноязычной и тюркоязычной. По Димитрову, как мы понимаем, структура болгарской народности в XIII—XIV вв. состояла из: а) славян, принявших этноним болгары и давших своему славянскому языку название болгарский язык, б) части ослабяившихся тюрк-болгар, сохранивших этноним, но перешедших на славян-

ский язык общения, который далеко не сразу стал называться болгарским языком, в) тюрко-болгар, которые сохранили и самоназвание болгары, и родной тюркский болгарский язык, г) тюркских племен узов, куманов, печенегов, которые утратили свои этнонимы и приняли общее для всех этническое имя. Но в этом случае к такой болгарской общности применим, на наш взгляд, не этноним *болгары*, а политоним *болгары*. Таковой она оставалась, благодаря православной религии, в османский период истории Болгарии. Поэтому, отмечает Стр. Димитров, нет ничего удивительного в том, что в XVIII — первой трети XIX «в переселенческих («изселническите») караванах шли вместе славяноязычные и тюркоязычные болгары без демонстрации различия между собой» (Димитров 1995: 154). А отсюда вывод автора: язык у тюркоговорящих болгар не турецкий, хотя и близкий к нему.

Свою статью Стр. Димитров написал 15 лет тому назад. Отличное знание им документов по средневековой истории Болгарии и всего того, что писалось по этногенезу гагаузов, подвигли ученого изложить свою концепцию по гагаузской проблеме. Наш анализ антропонимов выходцев из-за Дуная, «старых» и «новых» переселенцев, объективно приводит нас в русло подходов к этой проблеме Стр. Димитрова. Подойдя к проблеме гагаузов с другого исторического периода и на базе другого источникового материала, мы констатируем: подавляющее большинство антропонимов глав семей тюркоязычных выходцев из-за Дуная болгарского происхождения, и сами переселенцы считали себя болгарами до эмиграции и живя в эмиграции. Потому что, как показал Стр. Димитров, они были таковыми еще в период Второго болгарского царства, до завоевания Болгарии турками-османами. Но одновременно антропонимы болгарязычных и тюркоязычных «старых» и «новых» переселенцев убеждают, что между ними была внутренняя близость, взаимосвязь, взаимопощь. Общее самоназвание болгары, общая религия, в конце концов, общие корни и общая история в составе болгарского государства не могли не выработать у двух языковых общин болгар общие интересы в период османского господства над ними. Обе языковые общины, как на Балканах, так и в эмиграции, не были изолированы друг от друга, у них было много общего в быту, в обычаях, нравах, традициях, в целом в духовной культуре. Между ними по большому счету было только одно существенное отличие — язык общения. Но до поры до времени он не играл решающей роли в определении, кто есть кто.

Большой интерес относительно гагаузов вообще, бессарабских гагаузов в частности, представляет мнение другого болгарского историка Гаврила Занетова. Этот интерес обусловлен, прежде всего, тем, что Занетов — уроженец бессарабского гагаузского села Конгаз. В этом селе жили также и славяно-болгары, но их было меньшинство. Сам Г. Занетов принадлежал к гагаузской части Конгаза, но также считал себя болгаринном, поскольку к тому времени, когда он переселился в Болгарию, гагаузы все еще продолжали считать себя болгарями, хотя процесс осознания себя гагаузами уже шел среди бессарабских гагаузов. Поэтому его подходы к гагаузской проблеме заслуживают внимание не столько как подходы исследователя-историка, сколько, в первую очередь, как отражение в его работах исторической памяти бессарабских гагаузов.

В своей работе «Българското население в средните векове», изданной в Русе в 1902 г., Гаврил Занетов уделит большое внимание гагаузам Северо-Восточной Болгарии и Бессарабии. Анализируя известное в истории деление болгар за Дунаем на «белых болгар» и «черных болгар», Г. Занетов приходит к выводу, что «името “черни българии” поскоро трябва да се отнася към гагаузите», «името “черни българии” не е някоя нова измислица, а е старото име на българите-туранци» (Занетов 1902: 72, 73). К болгаро-туранскому населению Северо-Восточной Болгарии в средние века Г. Занетов относил болгаро-тюрков (Занетов 1902: 73). И далее следуют очень интересные рассуждения автора, основанные на исторической памяти гагаузов и его собственной, которая нашла подтверждение в полевых материалах, собранных им в Варне: «Сега в южна Бесарабия християнското население, което говори турски, се вика, че е българско — “биз ис булгар”, казват те за себе си, като при това с неприятност отбелязват, че тях ги наричат още гагаузи. Може би, това последното име не се обича от тях, защото е чуждо, а не защото се изражда народността им, както забеляза Иречек. Нещо повече: гагаузите в Бесарабия казват, че именно те са българии, а не ония българии, които говорят български и които те с известно незачитание наричат “тукани”. Следовательно, гагаузите се наричат българии не по подражание и не от желание да се приравнят към другите българии, а по други самостоятелни причини. От начало аз мислех, че “тукани” се наричали първите български преселници в Бесарабия и че от там е останало това име... По-късно, в гр. Варна разбрах, че и там гагаузите наричат българите «тукани»; значи, думата тукан има много по-старо про-

исхождение ... В дадения случай името “тукани” отличава славяно-българите от гагаузите-туранци. Ний мислим, че в думата «тукани» имама една преживелица от най-старите времена, — от тогава, когато “черните българии” в VII век са дошли на Балканския полуостров и между Дунава и Стара-Планина намерели седем славянски племена. Трябва да се мисли, че дълго време, през целите средни векове, българите са се делили на черни или пришелци и на бели или местни, които постепенно са се сливали в една славянобългарска народност и се следи напълно, с някои малки исключения» (Занетов 1902: 73—74). Подчеркнем, когда Г. Занетов говорит о слиянии белых и черных болгар в одну болгарскую народность, он не имеет в виду языковое слияние-ассимиляцию, а лишь этнографическое, этнокультурное и этнополитическое слияние двух языковых общин болгар, тюркоязычных и болгароязычных.

Здесь уместно продолжить анализ термина *тукан*. Г. Занетов предположил, что хотя гагаузы так называли болгар, и не только в бессарабской среде, а и в Болгарии, но слово это имеет старинное происхождение, и в нем изначально был заложен иной смысл, чем тот, который впоследствии оно приобрело. Вот что пишут по этому поводу И. В. Дрон и С. С. Курогло: «Словом *тукан* гагаузы называют болгар. Элемент *тукан* в гагаузском, несомненно, древний и восходит к др[евне]-тюрк[скому] *toy* (“рождаться”) <...> Образование термина-этнонима, видимо, связано с тюркско-кыпчакским миром <...> *Туган* является антропомпонимом в башкирских и казахских именах, *Тукан* известен в гагаузском и болгарском антропонимиках. *Тукан* — имя одного из легендарных предков узбекского народа. По нашему мнению, гагаузский аллоэтноним *тукан* образован так же, как тюркские этнонимы *тюрк*, *печенег*, *башкир*. Этноним *тукан* <...> мог образоваться или проникнуть в язык предков гагаузов еще до их переселения на Балканский полуостров» (Дрон, Курогло 1989: 85). Таким образом, авторы подтверждают догадку Г. Занетова. Нам, однако, представляется, что их рассуждения вокруг термина-этнонима *тукан* не доведены до логического конца.

Славяно-българское толкование термина *тукан* связано с его происхождением от слова *тук*, что в переводе на русский означает *здесь*. Следовательно, *тукан* — это *здесьний*. Если согласиться с тем, что термином *тукан* — *здесьний* гагаузы называли болгар, то выходит следующее: гагаузы при поселении в Буджак уже застали здесь болгар, и потому дали им

прозвище *тукан* — *тукашни* — *туканци*. Но это можно истолковать как указание на то, что болгары первыми поселились в Буджак, а гагаузы пришли позже. Вместе с тем, архивные документы, опубликованные источники и исследовательская литература не подтверждают такое предположение. Кроме того, носителями уличного прозвища *тукан*, ставшего впоследствии фамилией *Тукан*, были также и бессарабские гагаузы. Как историк я могу предположить, что термин *тукан* перешел в славяно-българский язык от тюрко-българ. Вполне допускаю, что и в тюрко-българском языке термин *тукан* имел то же самое значение, что и в других тюркских языках, о чем пишут И. Дрон и С. Курогло. Однако со временем, попав в другую языковую среду, слово *тукан* утратило свой первоначальный тюркский смысл *рождаться*. Есть и другое предположение. Нельзя ли тюрко-гагаузское *тукан* — *рождаться* — по отношению к болгарам истолковать как специфический синоним славяно-българскому *тукан* — *здесьний*? Ведь если гагаузы куда-то переселялись, и они знали, что это место не заселено, но потом вдруг выяснялось, что там уже живут болгары, которые для них неожиданно, из-под земли появились, то есть родились-поселились здесь раньше гагаузов, то почему нельзя предположить, что мы в этом случае встречаемся со своеобразным толкованием одного и того же термина, который в тюрко-гагаузском и славяно-българском языках по-разному интерпретируется? Как мне представляется, нет достаточных оснований придавать термину *тукан* исключительно этническую славяно-българскую окраску, исключая тем самым взаимовлияние, взаимопроникновение в языках тюркских предков гагаузов и тюрко-българ и славяно-българ. Здесь мы высказали мнение историка, у филологов, несомненно, найдутся другие профессиональные лингвистические объяснения.

Выдержки из работ болгарских историков Л. Милетича, Г. Занетова и Стр. Димитрова приведены с целью сопоставить проведенный нами анализ антропонимов глав семей «старых» и «новых» переселенцев с данными литературных источников по Северо-Восточной Болгарии. Чтобы поставить и ответить на вопрос, какова история проникновения антропонимов славяно-българского происхождения в среде тюркоязычных выходцев из-за Дуная, поселившихся в Пруто-Днестровском междуречье Молдавского княжества в последней трети XVIII — начале XIX вв.

К этим ценным мыслям и наблюдениям известных ученых автор прибег уже после

проведения анализа имен и фамилий глав семей «старых» и «новых» переселенцев. А он свидетельствует о том, что антропонимы глав семей тюркоязычных задунайских переселенцев в Бессарабии являются существенным аргументом в пользу точки зрения Милетича, Занетова и Димитрова на этнодемографические процессы в Северо-Восточной Болгарии в VII—XVIII вв. Особенно для таких их выводов, как существование общей болгарской народности, состоящей из двух языковых общин (Стр. Димитров), наблюдаемой и у выходцев из-за Дуная в Буджаке; присутствие общих этнических компонентов в происхождении славяноязычной и тюркоязычной болгарской народности (Г. Занетов), проявление общей исторической судьбы (Л. Милетич) двуязычного населения Северо-Восточной Болгарии на протяжении тысячелетия (болгарская государственность, православная вера, османское завоевание Болгарии и его влияние на жизнь порабощенных христиан на Балканах и т. д.).

Оба списка выходцев из-за Дуная с фамилиями глав семей «старых» и «новых» переселенцев, но особенно первый, дают основание утверждать, что антропоним болгар, болгарюл и другие варианты этнонима болгарин, как второй компонент фамилий глав семей, был широко использован турецкоязычными эмигрантами православной веры. Учитывая тот факт, что в некоторых молдавских селах местное население называло таких переселенцев турч ботезат, сами турецкоязычные переселенцы в подавляющем большинстве случаев идентифицировали себя этнонимом болгарин, и этим они пресекали попытки причислить их к туркам только на том основании, что говорили на турецком языке. И им это удалось: большинство молдавского населения в местах проживания на территории Молдавского княжества «старых переселенцев» идентифицировало их так, как они сами себя называли — болгарами. Поэтому, антропоним болгарин и самоназвание болгарин среди турецкоязычных переселенцев в Молдавском княжестве — это, может быть, не столько их реакция на турч ботезат, сколько историческая традиция, берущая свое начало в XIII—XIV вв. В период османского господства в болгарских землях самоназвание болгарин ими было сохранено, ведь и тогда тюркоязычному населению на Балканах нужно было отмежеваться от турок-мусульман. Им, говорившим на «тюркче», не всегда можно было сделать это, используя религиозный фактор. Исламизация православного населения на Балканах в период Османской Порты — никем не оспариваемый исторический факт, и тюркоязычные православные

люди не составляли исключение, а наоборот. Религиозное их преследование со стороны исламистской османской власти было одной из главных причин их бегства из болгарских земель.

Анализ антропонимов глав семей «старых» и «новых» переселенцев не выводит нас на фамилию-прозвище гагауз. Известно, что некоторая часть выходцев из-за Дуная относилась к грекам, и это их самоназвание документально зафиксировано. Но, по нашему мнению, это, скорее всего, не греки, а так называемые греческие гагаузы, которые на территории Болгарии называли себя греками, чтобы подчеркнуть свою приверженность ортодоксальной религии. В целом же, турецкоязычные выходцы из-за Дуная православной веры были известны в Молдавском княжестве, в том числе в молдавских поселениях Пруто-Днестровья, как болгары, греки, турч ботезат. С одними самоназваниями они прибыли в Молдавское княжество, другие их названия принадлежат местному молдавскому населению, и они появились здесь. Это говорит о том, что «болгары, говорящие на турецком языке», в конце XVIII — начале XIX вв. не имели моноэтнической окраски, не употребляли по отношению к себе единого этнонима, название разговорного языка было ими заимствовано или навязано им в балканский период их истории. Следовательно, они на Балканах и не ощущали себя гагаузской общностью.

В принципе, к такому выводу приходят многие ученые, в том числе и болгарские историки и этнографы, которые занимались изучением гагаузского феномена на территории Болгарии до ее освобождения в 1878 г. от Порты. Это относится и к В. А. Мошкову, который отмечает, что в Болгарии гагаузы делятся на две группы — болгарские гагаузы и греческие гагаузы. Он, правда, оба эти определения гагаузов привязывает к церковной борьбе в Болгарии («греко-болгарской распри»), имевшей место либо значительно раньше, при принятии православия тюркскими племенами на Балканах, либо позже, чем произошло переселение бессарабских болгар и гагаузов в Дунайские княжества и Россию, но, тем не менее, эти особенности им зафиксированы.

Однако, более важно другое, а именно: отличия существуют и среди бессарабских гагаузов, которые по диалекту языка делятся до сих пор на две группы: южную (язык сел, входящих в Вулканештский район Гагауз-Ери) и центральную (язык гагаузских сел Комратского и Чадыр-Лунгского районов

Гагауз-Ери). Но только ли языковой фактор лежит в основе различий между ними? Последние исследования гагаузских этнографов Д. Никогло, Е. Квилинковой, а также Е. Сорочяну (ее научный интерес находится на стыке двух научных дисциплин, языкознания и этнологии) дают основание говорить о более серьезных специфических отличиях между вулканештскими, чадыр-лунгскими и комратскими гагаузами, которые имеют балканское происхождение.

Указанные отличия относятся к языку и этнологии гагаузов и непосредственно выходят на проблему их этногенеза. Перед учеными стоял и стоит один очень важный вопрос: сформировалась ли гагаузская общность на территории Болгарии в османский период ее истории?

На этот вопрос отвечали по-разному. Одни утверждали «да», не имея под рукой самых важных аргументов (самоназвания гагауз, признания их со стороны соседних народов под названием гагаузов, то есть самостоятельным этносом, наличие глоттонима гагаузский язык), а без них все остальные доводы не могут восприниматься всерьез. Например, утверждение о том, что Добруджанское деспотство — первое гагаузское государство на Балканах. Другие, не рассматривая этот вопрос напрямую, приводили такие факты, которые сами по себе отвечают на него «нет». Некоторые (К. Иречек) относили этногенез всех гагаузов к одному генетическому корню, другие, и опять же реальными фактами, ставили это утверждение под сомнение.

Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Здесь в рамках темы нашей работы приведем мнение трех ученых, в научной объективности и высоком профессионализме которых никто не сомневается.

Любомир Милетич в многократно цитированной выше книге «Старото българско население в Североизточна България» пишет: «Търсейки старо “ерлийско” население, човек се натъква на тъй наречените гагаузи, които тъй също минават за стари жители на тия области. Под “гагаузи” народът разбира изобщо християни, чийто матерния език е турски. Ала по-близо запознаване с всички тия “гагаузи” излиза наяве, че у народа се различават два вида гагаузи — именно “гагаузи”, които се считат български, съчувствуват на българите, женят се за българки и изцяло в домашния си живот, в роднинските си отношения, в песните и обичаите, и същински гагаузи, които сами се наричат с това име, които винаги са странни от българите, които се държали страната на гърците па и сега не се чувствуват български;

тези са “хасъл гагаузи” или “приморски гагаузи”, както донякъде ги наричат, за да ги различат от “българските гагаузи” (Милетич 1902: 15).

В. А. Мошков почти в одно и то же время, что и Милетич, отмечал в своем отчете о поездке на Балканский полуостров в 2003 г.: «... задунайские гагаузы далеко не представляют собою сплошной однообразной массы. Кроме того, что они разнятся между собою своими наречиями в зависимости от окружающих их говоров турецкого народа, они разделились еще на две половины, резко различающиеся по отношению их к болгарам», «греческие гагаузы были вполне убеждены в своем греческом происхождении» (Мошков 2005: 46, 48).

Страшимир Димитров отмечает: двуязычная болгарская народность в условиях Османской империи являлась фактором, обуславливающим внутри нее появление этнических процессов, которые в XVIII в. охватили всю православную общность на Балканах. По отношению к гагаузам болгарский ученый пишет: «Насильственная политическая система в османском государстве подсказала способ, которым гагаузы (но и не только они) могли объяснить сами себе существующее у них вопиющее противоречие между “българската вяра” и “турския език” (Димитров 1995: 153). Это объясняется им тем, что со временем они забыли, что язык у них не турецкий, а тюркский (в то время не было разграничения между понятиями «турецкий» и «тюркский»).

Антропонимы «старых» и «новых» переселенцев в рамках четырех предложенных нами групп имен и фамилий глав семей, во-первых, не позволяют численно дифференцировать гагаузов отдельно от болгар, во-вторых, не содержат каких-либо элементов, указывающих на существование за Дунаем отдельной гагаузской общностной среды. Это подтверждает вывод Стр. Димитрова о том, что только в XVIII в., когда обозначилось переселенческое движение в болгарских землях, на Балканах проявились этнические процессы, обусловившие там национальные и политические движения против Порты. У гагаузов эти этнические процессы тогда если и имели место, то протекали медленнее, чем у других этносов из-за отсутствия в их среде просветителей, а также политической мотивации. Таким образом, самосознание болгар, говорящих на турецком языке, на момент их поселения в Пруто-Днестровском междуречье, отражало то их внутреннее состояние идентичности, которое у них было, на наш взгляд, на момент эмиграции с Балкан, не более того.

То, что в Болгарии гагаузская общность не сформировалась к моменту эмиграции в последней трети XVIII — начале XIX вв. значительной части тюркоязычного православного населения из-за Дуная, подтверждается следующим фактом. В обоих анализируемых нами списках «старых» и «новых» переселенцев отсутствует как антропоним-прозвище гагауз в качестве второго компонента фамилии главы семьи. Как оценить этот факт? Почему тюркоязычные переселенцы не называли себя гагаузами, но, не стесняясь, определяли себя болгарами, греками и использовали эти этнонимы как прозвища в качестве второй части антропонима глав семей, ставших впоследствии их фамилиями? Что скрывается за этим их «самоидентичным поведением»? Ответа на эти вопросы в этих архивных делах, как и во многих других, нам известных, нет. Как нет ответа и в научной литературе.

В интересной, но противоречивой статье известного этнолога-гагауза М.Н. Губогло «Гагаузская антропонимия как этногенетический источник», также отсутствует анализ термина-понятия гагауз.

Статья написана в самом начале его научной деятельности. В ней автор предпринял попытку выявить в гагаузских именах, фамилиях и прозвищах «прямые или косвенные аналогии с антропонимическими традициями некоторых кочевых народов средневековья», а именно с «тюркоязычными узами, печенегами и половцами (куманами)» (Губогло 1973: 84). М.Н. Губогло приводит до 40 имен и прозвищ тюркского происхождения, но из них только семь отнесены к доосманскому периоду истории Болгарии (X—XIV вв.), когда на ее территории поселились эти тюркоязычные племена. Все остальные антропонимы относятся к более позднему времени — XV—XVII вв.

На основании анализа четырех десятков тюркских антропонимов М.Н. Губогло приходит к выводу о том, что «совпадение имен и прозвищ кочевых тюрков X—XIV вв. и варненских тюркоязычных овцеводов XV—XVI вв. с именами, прозвищами и фамилиями современных гагаузов позволяет предположить наличие этногенетической преемственности» (Губогло 1973: 88). Автор здесь делает более чем осторожный вывод, он лишь предполагает этногенетическую связь указанных тюркских племен с современными гагаузами. Однако, завершая статью, он, как сторонник тюркской гипотезы происхождения гагаузов, корректирует это предположение и утверждает: «В происхождении гагаузов большую роль сыграли кочевые тюркоязычные племена и народности» (Губогло 1973: 92).

Говоря о тюркской антропонимии на территории Болгарии, М.Н. Губогло не выявляет особенности ее формирования на различных этапах истории страны. В частности, представляло бы интерес его мнение о том, есть ли отличия в антропонимах тюркских народов, проживающих в Северо-Восточной Болгарии в X—XIV вв., в рамках которых существовали Первое (до 1018 г.) и Второе Болгарское царство (1185—1396 гг.), от таковых, относящихся к XV—XVII вв., к периоду пятивекового османского господства в Болгарии. Кроме того, М.Н. Губогло не учитывает и то обстоятельство, что важным этническим компонентом в истории средневековой Болгарии были турки-болгары, поселившиеся на Балканах в VII в., будучи также кочевниками. И, как считает Стр. Димитров, совсем не факт, что все турки-болгары утратили и тюркский язык, и тюркские традиции к началу второго тысячелетия нашей эры, а их тюркское происхождение и прежняя тюркская этническая история не могли не наложиться на этногенез и в этнографических традициях переселившихся позже на Балканы новых тюркских кочевых племен и проявиться на этапе их последующего исторического развития. Если бы он это сделал, то не стал бы искать аналогии тюркским именам и прозвищам гагаузов только среди тюрков-мусульман в болгарских землях с XV века. Кроме того, автор не ограничился бы констатацией: «Среди гагаузских неофициальных имен конца XIX и начала XX века встречались имена, не похожие на традиционно христианские <...> В части подобных имен обнаруживались параллели (?) с бытующими у болгар именами дохристианского периода: Бойку, Диму, Добре, Мирчу, Стуян» (Губогло 1973: 88). Эти имена есть среди «старых переселенцев», как болгаро-язычных, так и тюркоязычных, и о них говорилось выше. И это, на наш взгляд, не параллели и даже не заимствования, а этническая или народностная (болгары — политоним!) идентичность, обнаруживаемая и в антропонимии болгар и гагаузов.

Среди бессарабских болгар, как и среди гагаузов, были широко распространены такие прозвища, ставшие в последствии фамилиями, как Абаджи/Абажи/Абаржи — «суконщик», Терзи — «портной», Хороз (Хорозов) — «петух», Кючюк/Кучук/Кичук — «маленький», Чобан/Чебан/Чебанов. Известны в среде болгар Молдовы и Украины имя Курти и фамилия Куртев. Нельзя отнести к исконно гагаузским такие фамилии, как Арабаджи, Абаджи, Бояджи, Гайдаржи, Дели, Демир, Кавалджи, Бузаджи. Эти фамилии в таком или несколько измененном виде распространены среди бес-

сарабских болгар. Некоторые из имен и фамилий, указанных в статье М.Н. Губогло, мы обнаруживаем и в списках глав семей «старых» и «новых» переселенцев: Димир, Желез, Терзи, Дели, Гайдаржи, Бостанарь, Панчу, Стоян, Кучук, Чебан, Вилчу и т.д. Но объяснение этому явлению среди болгар не может быть односторонним. По нашему мнению, такие имена и фамилии среди болгар Молдовы и Украины — это в том числе, а может, главным образом, и турецкое антропонимическое влияние. Мы не исключаем, что эти современные фамилии среди местных болгар могут относиться и к их предкам, тюркоязычным болгарам или болгарским гагаузам, как их называют В. А. Мошков и Л. Милетич, которые в свое время остались жить в колониях бессарабских болгар. В моем родном селе Гюльмян, ныне Яровое, что в Тарутинском районе Одесской области Украины, очень много фамилий тюркского происхождения, в основе которых турецкое начало. Предки моих односельчан — переселенцы 1830 г., они не относятся ни к «старым», ни к «новым» выходцам из-за Дуная, переселились из местности, где ни болгарских, ни греческих гагаузов не было. Тем не менее, их фамилии идентичны тем, которые встречаются довольно часто среди бессарабских гагаузов: Топал, Кара, Киосе, Узун, Абаржи, а также Кащи, Касыр, Бардук, Каба, Делик, Гербали и другие. Моя фамилия Грек, а среди моих предков по женской линии — гюльмянцы по фамилии Юрдечки, Сарайлы (трансформировалась в Сараин) и Тербаба. При этом в нашем селе гагаузов никогда не было. Это доказывает, что поиск тюркских этногенетических корней в средневековой Болгарии только среди узов, половцев и печенегов — довольно затруднительное занятие, которое натывается на множество препятствий — наслоений более позднего периода болгарской истории.

Обилие антропонимов болгарского, греческого, валашско-молдавского, турецкого происхождения среди современных гагаузов все же вынуждает М.Н. Губогло говорить о слабости тюркской гипотезы происхождения гагаузов. В этой статье он признает, что «неоднородный антропонимический материал гагаузов позволяет проследить этнокультурные параллели с рядом современных соседних народов — болгарскими, русскими, молдаванами, румынами, греками», что ему не удается «найти связующего звена между современными гагаузами и средневековыми кочевыми тюрками», что «современные гагаузы этнически неоднородны» (Губогло 1973: 84, 85, 92).

Конечно, автор говорит об антропонимических параллелях, а не об интерференции, он видит в именах и фамилиях гагаузов славянского происхождения вначале русский вариант и лишь затем — болгарский. В этой статье заметно стремление М.Н. Губогло не замечать тюрко-болгарское и славяно-болгарское присутствие в этнической и этнокультурной истории бессарабских гагаузов. В тех же случаях, когда этого не удастся сделать, автор, например, заявляет, что часть гагаузских фамилий «образовались вопреки правилам словообразования в тюркских языках. От различного рода гагаузских имен и прозвищ (?) произошли фамилии с окончаниями, характерными для болгарского языка: -ку, -чу, -у, -ов, -ев, например: Вылку, Вылчу, Ваньчу, Вольгу, Гребеньчу, Греков, Гроздев, Даньчу, Димов, Доньчу, Койчу, Кыньчу, Панку, Стуянчу и др.» (Губогло 1973: 90). Приведенные им примеры не могут быть отнесены к гагаузским именам и прозвищам, большинство из них — болгарские по происхождению. Кроме того, в болгарском языке нет буквы мягкий знак. Поэтому непонятно, что этим автор хотел сказать? Вероятно, его смущает то, что «точно определить генезис указанных фамилий пока трудно. Можно предположить, что носителями таких “болгаризированных” (?) фамилий являются болгары по происхождению, ассимилировавшиеся в гагаузской среде, но сохранившие свои прежние фамилии. Возможно, также, что гагаузы заимствовали (?) эти фамилии у соседей-болгар, не подвергнув их сколько-нибудь существенным изменениям. Не исключено также, что эти фамилии образовались от официальных и неофициальных и других собственных гагаузских (?) имен» (Губогло 1973: 90—91). Предполагая наличие ассимилировавшихся болгар в гагаузской среде, почему нельзя допустить присутствие ассимилированных гагаузов в болгарской среде на Балканах? Что, процесс ассимиляции был односторонним (гагаузы ассимилировали болгар), и нельзя допустить, что был и обратный процесс — болгары ассимилировали гагаузов? Здесь в Буджаке, взаимная ассимиляция, болгарскими — гагаузов и наоборот гагаузами — болгар, примеров можно найти сколько угодно.

Схожей с Губогло позиции придерживаются И.В. Дрон и С.С. Курогло: «Большой пласт гагаузских имен связан с болгарским ономастиком. Имена Бойку, Добри, Станка, Стуянка, Неда, Руса, Станчу и другие распространились в гагаузской среде задолго до их переселения в Бессарабию. Данный тезис подтверждается материалами фольклора (авторы

не уточняют происхождение фольклора, болгарский или гагаузский — И.Г.). Отдельные исторические песни, отражающие те или иные исторические события, могут быть отнесены к XVII—XVIII вв. В них уже встречаются имена Стуян, Бойку, Станка и другие, не связанные с христианством. Они широко употреблялись болгарами Северо-Восточной Болгарии, где проживали гагаузы до переселения в Россию» (Дрон, Курогло 1989: 104).

Не оспаривая данное предположение М.Н. Губогло, поскольку оно имело место в рамках истории буджакских болгар и гагаузов, тем не менее, необходимо признать, что автор не принимает в расчет некоторые очевидные исторические реалии. Во-первых, он игнорирует деление гагаузов в Болгарии на две группы, о которых говорят и К. Иречек, и Л. Милетич, и В.А. Мошков: болгарские гагаузы и приморские гагаузы. Во-вторых, М.Н. Губогло не согласен с утверждением этих и других исследователей, что в Дунайские княжества и в Бессарабию переселились главным образом болгарские гагаузы, для которых была характерна в основном болгарская система антропонимов, что и признают Дрон и Курогло. В-третьих, и Губогло, и Дрон с Курогло, исследуя гагаузскую антропонию, исходят из тюркской гипотезы этногенеза гагаузов, подкрепляя ее существованием якобы гагаузского Добруджанского деспотства с середины XIV в.

Но указанные авторы не учли, что в опубликованных документах сами тюркоязычные выходцы из-за Дуная, поселившиеся в Молдавском княжестве, в том числе и в «двухчасовой зоне» Пруто-Днестровского междуречья, называли себя болгарами. В прошениях, адресованных царским властям, «старые» и «новые» переселенцы идентифицировали себя следующим образом: «...нам запрещено собраться всем вообще с первыми болгарами и составить таковое общество на царской земле», «все болгары, перешедшие сюда еще во время первой войны с Турцией», «...испросить великую милость Вашу, дабы, сверх избранных по селениям для управления болгар из нас старшин», «преданнейшие к христианской любви, но безмолвные ныне чада Болгарии», «Трифон Айпат, Стоян Айпат со всем обществом болгарским», «...о позволении дабы все болгарские семейства, кои в прежние с турками войны поселились рассеянно в землях помещичьих», «все живущие на помещичьи земли болгары», «все болгары, равно и поселившиеся тут в первую с турками войну», «чтобы всех нас вообще болгар, в Бессарабии поселившихся». Интерес пред-

ставляют и подписи «болгар» под этими прошениями: Георге Бояджи, Добре Демироглу, Кара Яне, Мош Дойку, Руси Маджароглу, Петри Узун, Алекси Иваноглу, Иван Корчмарь и др. (Крыжановская, Руссев 1957: 293, 343, 344, 347, 506).

Таким образом, болгарские по происхождению имена и фамилии у тюркоязычных православных выходцев из-за Дуная не являются чем-то привнесенным в гагаузскую антропонимическую среду, а были ее составной и неотъемлемой частью еще на Балканах. Все это наглядно видно из вышеприведенного анализа антропонимов глав семей из двух списков «старых» и «новых» задунайских переселенцев.

Соглашаясь с мнением Стр. Димитрова о том, что национальное самосознание балканских народов пробудилось в XVIII столетии, мы с некоторыми оговорками можем отнести к этому веку и начальный этап зарождения у отдельных индивидов тюркоязычных болгар ощущения себя гагаузами, поскольку в его основе на Балканах лежал только православный религиозный фактор. Лишь он отделял православное тюркоязычное население от тюркоязычных турок-мусульман, и только он спасал их от этнического поглощения и религиозной ассимиляции османами-мусульманами. Поэтому, на наш взгляд, термин-понятие, или синтагма, гагауз не имел в то время этнического маркера. Кроме того, не исключено, что гагаузами, как «чужих», турки-мусульмане, как «другие», называли тех православных жителей Балкан, которые говорили на одном с ними тюркском языке, но держались другой веры. Следовательно, турки-мусульмане относились к ним как к «другим», «чужим»; не «мы», а «они». То есть, на наш взгляд, ставшее впоследствии этнонимом понятие гагауз не было самоназванием для тюркоязычного православного населения болгарских земель, так их называли турки-мусульмане. И нужно было время для того, чтобы это православное население привыкло к тому, что его так называют «другие». Это «привыкание» тюркоязычных православных христиан очень слабо проявлялось среди тех из них, кто со второй половины XVIII века переселялись в Дунайские княжества.

Эта наша точка зрения по отношению к этнониму гагауз отличается от позиции Страшимира Димитрова, изложенной в другой его статье «Още едно мнение за името “гагаузи” (Димитров 1996: 199—219). Болгарский историк относит зарождение этнонима гагауз к XI—XII вв. и связывает его с периодом Византийского владычества

в Болгарии после 1018 г. Тогда Византия создавала в завоеванной ею Болгарии обособленные военно-хозяйственные группы, посредством которых новое узо-куманское население Северо-Восточной Болгарии вписывалось в социально-экономическую и военно-политическую структуру империи. Именно тогда, считает Стр. Димитров, «титлата “хан” или “хаган” от синоним на суверен се е превърнала в название на една или друга военнотериториална общност от заселени тук узо-кумани. Една оглавявана от титулован предводител формация ще да е заслужила прозвището “хански огузи” или “хански узи”, т.е. “хакан-огуз” или “хакан-уз”, което пък в славяноезична среда се трансформирало в “гаган-огуз”, респ. “гаган-уз”. С течение на времето звукът “н” бил асимилиран и словосочетанието придобило формата “гагауз” (Димитров 1996: 212—213).

Но в этой же статье Стр. Димитров допускает и иное толкование времени появления понятия гагауз. Анализируя утверждение К. Иречека о том, что «името гагаузи, което е общо познато в цялата област от Адрианопол до Одесса, ми беше обрисувано (гагаузами Болгарии — И.Г.) като име от по-нов произход. То се счита почти като псувня, каквато съдба сполетява толкова много измиращи народности имена. Самите гагаузи се срамуват от него», Стр. Димитров не может не согласиться с мнением чешского ученого, поскольку тот сделал его на основе собранного им полевого материала. Он считает, что «сведения на К. Иречек, че этнонимът “гагаузи” имал оскорбително звучение и че самите гагаузи се “срамували” от него, без съмнение отразяват действителното състояние на нещата поне в пределите на българската етническа територия» (Димитров 1996: 200). Если это так, тогда встает вопрос, когда этот этноним приобрел оскорбительный смысл? Конечно же, в период османского господства в Болгарии. Но в таком случае нельзя ли допустить, что «гаган-уз» превратился в «гагауз» не благодаря исчезновению звука «н», а потому, что мусульманские турецкие чиновники, сознательно убрав звук «н», исказили название военизированной узо-куманской общности «гаган-уз» православного вероисповедания, заменив его оскорбляющим это население словом «гагауз»? В названии «гаган-уз» ведь нет ничего оскорбительного! Из сказанного вытекает, что оскорбительное слово «гагауз» не было самоназванием тюркоговорящего православного населения в доосманский период истории Болгарии, следовательно, оно не было этнонимом ни тогда, ни после, в османский пери-

од истории Болгарии: те, кого турки называли «гагаузами», не признавали себя «гагаузами», это их оскорбляло.

Таким образом, данное отрицательное отношение тюркоязычных православных жителей Балкан к оскорбительному для них слову «гагауз» сопровождало их эмиграцию в Молдавское княжество и в его Пруто-Днестровское междуречье, а также сохранилось на довольно продолжительный временной этап их проживания здесь. Вот почему, на наш взгляд, «старые» и «новые» переселенцы из тюркской языковой общины крайне редко употребляли здесь, в Бессарабии, слово *гагауз* в качестве фамилии, лишь в крайнем случае, как реакция на то, что часть молдавского населения Припутья называло их турчь ботезат. Во всех списках задунайских переселенцев 1818 г. Г.К. Кышлалы выявил всего 8 глав семей с фамилией-прозвищем *Гагауз* или его модификациями: в Еникиое — Тодор Гагауз, 60 лет; в Гайдарах — Диордий Гагауз, 40 лет; в Татар Копчаке — Тодор Гагауз, 40 лет; в Чадыр-Лунге — Константин Муржу, он же Мурза Гагауц; в Кубее — Танас Петроглу, 75 лет, по ревизской переписи 1821 г. проходит как Танас Петров Гагауз; в Рени — Николай Димитриев Кагауз, 48 лет, он из мещан, прибыл сюда в 1828 г.; в Комрате — Георгий Кристов Гагауз, 77 лет, прибыл сюда после переписи 1821 г.; наконец, в Кишиневе — Иван Харгауц, 40 лет, прибыл в Бессарабию в 1805 г. (НА РМ.Ф. 5. Оп. 2. Д. 439. Л. 68; Д. 442. Л. 44, 159, 167, 418, 432; Ф. 134. Оп. 2. Д. 45. Л. 350; Д. 774. Л. 350. Выражаем искреннюю благодарность Г.К. Кышлалы за предоставленную информацию). Наличие среди носителей прозвища-фамилии 77-летнего Георгия Кристова Гагауза, 75-летнего Танаса Петрова Гагауза и 60-летнего Тодора Гагауза свидетельствует о том, что слово гагауз имеет балканское происхождение. Оно пришло в Молдавское княжество из Болгарии вместе со «старыми» переселенцами, которые говорили на языке «тюркче».

В связи с фамилиями *Гагауз*, встречающимися среди выходцев из-за Дуная на территории Молдавского княжества и Буджака, появляется возможность исследовать само это явление, чтобы определить время его возникновения, его смысловое значение, что оно обозначало, кто и почему закрепил его за православными тюркоязычными жителями Болгарии.

Из указанных выше восьми глав семей выходцев из-за Дуная, у которых вторая часть антропонима указана *Гагауз*, *Кагауз*, *Харгауц*, *Гагауц*, двое из них на момент составления

«Списков» 1818 г. или переписи 1821 г. имели солидный возраст: Георгию Крестову Гагаузу из Комрата было 77 лет, а Танасу Петрову Гагаузу из Кубея на 1821 г. было 75 лет. Причем, последний по «Списку» 1818 г. проходит как Танас Петроглу. Выходит, что Георгий Гагауз родился в 1744 г., а Танас Гагауз — в 1743 г. Следовательно, на время их рождения их отцы, а возможно, и деды, либо считали себя гагаузами, либо за ними закрепилось уличное прозвище *Гагауз*. На наш взгляд, этот антропоним произошел от уличного прозвища. Мы затрудняемся ответить на вопрос о том, это прозвище было дано им в том селе, где они родились или оно закрепилось за ним в другом селе в Болгарии, куда семья по каким-то причинам переселилась. Независимо от этого, прозвище *Гагауз* за предками Георгия и Танаса устоялось к середине XVIII в., а стали применять его к ним не позже второй половины XVII века. Таким образом, можно считать, что термин *гагауз*, как уличное прозвище отдельных тюркоязычных семей или как прозвище для всех тех, кто на Балканах был православным и тюркоязычным, был известен в XVII веке. Если мы говорим о прозвище, данном большой массе людей не турецко-мусульманского происхождения и веры, то кто это мог сделать и когда? Либо славяно-болгары, либо османомусульмане. Славяно-болгары имели возможность назвать тюркоязычных болгарских сограждан *гагаузами* еще в XIII—XIV вв., но они к этому не прибегли, поскольку в известных источниках того времени это слово-этноним не обнаружено. К тому же слово это — тюркского происхождения, а не славянское. Следовательно, оно появляется после завоевания Болгарии турками-сельджуками или османами, и его предназначение в том, чтобы выделить в границах Османской империи тюркоязычное православное население как противоестественное для ее тюркского мира, который является мусульманским в религиозном отношении. Вероятно, это слово содержало оскорбительный смысл, раз тюркоязычные православные его не воспринимали и отвергали, что и зафиксировал К. Иречек в конце XIX века. Нельзя считать случайным тот факт, что Танас Петров Гагауз так записан по переписи 1821 г., а в «Списке задунайских переселенцев» 1818 г. он представлен как Танас Петроглу.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В документах сохранилось четыре варианта написания этой фамилии: *Гагауз*, *Кагауз*, *Харгауз* и *Гагауц*. Окончание *-ц* в последних двух словах указывает на придание молдавской специфики в их написании, что является

следствием продолжительного проживания их носителей среди молдаван. Что же касается корня слов *гага*, *кага*, *харга*, то они имеют балканское происхождение и носят на себе отпечаток региональности в их произношении, но, возможно, и в происхождении. То есть, *кагауз* и *харгауз* — это, на наш взгляд историка, а не филолога, скорее диалектные формы слова *гагауз*. Поскольку, как мы считаем, это слово употреблено «другими», «чужими», по отношению к тюркоязычным жителям Балкан православного вероисповедания, то поэтому оно тогда, до переселения их носителей в Молдавское княжество и в Буджак, не имело устойчивой формы в употреблении и в произношении, что и отразилось в его написании.

В связи со сказанным возникает еще один очень важный вопрос, ответ на который также надо искать на Балканах. Если переселившиеся в Молдавское княжество «старые» выходцы из-за Дуная знали, что «чужие», в данном случае, как мы предполагаем, османотурки, называют их гагаузами, а сами они считали себя то болгарами, то греками, то можно ли говорить, что они там, в Болгарии, на момент переселения имели двойное самосознание? Гагаузское, с одной стороны, болгарское или греческое, с другой. Двойное самосознание предполагает, что тот, кто идентифицирует себя на основе двух этнонимов, одинаково позитивно относится к одному и другому. В анализированных нами двух «Именных списках» этой одинаковости нет. Есть антропонимы *болгар*, *грек*, но нет антропонима *гагауз*. Носителями прозвища *гагауз* по «Списку задунайских переселенцев» 1818 г. были, как было отмечено выше, всего восемь глав семей. А этот «Список» насчитывает несколько тысяч глав переселенческих семей. Может ли быть двойное самосознание у гагауза, болгарина, молдаванина, грека, украинца, который не хочет, чтобы его называли так и сам себя не идентифицирует гагаузом, болгаринном, греком, молдаванином?

Антропонимы «старых» и «новых» задунайских переселенцев, отнесенные нами в тюркоязычную общину — это один из важных первоисточников, от которого необходимо отталкиваться при изучении неисследованной проблемы формирования бессарабской гагаузской общности. Историкам, этнографам, демографам предстоит ответить на вопрос, каким образом и в каких условиях прозвище *гагауз*, единично использованное в последней трети XVIII — начала XIX вв., через 100—150 лет стала этнонимом гагауз?

Славяно-болгары тоже идентифицировали себя болгарами, но местное молдавское насе-

ление зачастую называло их также «сырбул», «сырф», то есть серб. Возможно, таким термином с этнической окраской другого балканского народа со схожим славянским языком молдаване отличали одних болгар от других, говоривших на турецком языке. Следует также принять во внимание, что в Молдавском княжестве болгар еще с XIV—XV вв. называли сербами (Полевой 1979: 103—104, 106). Эта историческая традиция сохранилась и в XVIII — начале XIX века, с чем мы и встречаемся в рассматриваемом «Именном списке» Зворского. Среди глав семей «Именного списка болгарам, новым переселенцам» из болгарских земель антропоним-прозвище «сырбул», «сырф» не встречается.

В обоих «Именных списках» есть записи антропонимов глав семей, вторая часть которых содержит признаки, характерные для гагаузских фамилий, оканчивающихся на *-огло*, *-оглу*, но они составляют 4 — 10% глав семей от общего их количества. В отдельных поселениях этот процент был выше. Так, в «Списке задунайских переселенцев» по Комрату за 1818 г., который состоял из «старых» и «новых» переселенцев, из 44 глав семей у 20 фамилий оканчивались на *-огло*, *-оглу*. Это служит подтверждением тому, что в этих списках присутствуют главы семей, фамилии которых отличаются как от чисто болгарского варианта, так и от смешанного болгаро-тюрко-турецкого варианта. Если в записи глав семей славяно-болгар между двумя антропонимами вписывалось слово-определитель «сын», то в турецком и гагаузском варианте этот же признак родства заключен в *-огло*, *-оглу* и он либо объединен со второй частью антропонима главы семьи или его предка, либо записан отдельно от него. Две такие разные формы фиксации степени родства между отцом и сыном у славяно-болгар и у тех переселенцев, которые говорили на «тюркче», также могут свидетельствовать о том, что у последних происходил свой процесс образования фамилии, отличающийся как от болгарского, так и от восточнославянского антропонима.

Антропонимы глав семей, которые практически не встречаются среди ныне живущих болгар Молдовы и Украины, также могут указывать на то, что их носители, скорее всего, относятся лишь к «болгарам, говорящим на турецком языке». Этим главам семей, а также тем, у кого вторая часть антропонима имеет окончание *-огло*, *-оглу*, можно вычленивать из общей массы выходцев из-за Дуная, но на их базе нет возможности выявить реальную численность турецкоязычных выходцев из-за Дуная, поскольку в этом случае она будет заниженной.

Анализ списков глав семей «старых» и «новых» переселенцев по месту поселения в Буджаке после бегства от помещика Иона Бальша, свидетельствует о том, что на этом эмиграционном этапе обе языковые общины селились вместе, в одном и том же селе. Для них важно было оказаться на «казенной земле», получить там статус свободного, то есть не закрепощенного, крестьянина, землю для хозяйственной деятельности, определить свои социально-аграрные и весь комплекс других отношений непосредственно с государством, что они и сделали. То есть, на наш взгляд, происходила демографическая концентрация двух языковых общин выходцев из-за Дуная в Буджак. Для болгаро-славян этот процесс завершился после русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в первой трети XIX века. Для выходцев из-за Дуная, говоривших на «тюркче», он завершился до начала этой войны, в первую четверть этого столетия. Следовательно, у выходцев из-за Дуная, эмигрировавших сначала в Молдавское княжество, а затем переселившихся на казенные земли Буджака, за период последней трети XVIII — первой трети XIX в. не наблюдалось ни языковое, ни, тем более, этническое пограничье.

Наконец, обратим внимание на заглавие двух списков. «Именной список» Зворского озаглавлен так: «Именной список старожилым болгарам...», а второй — «Именной список болгарам, вышедшим во время предпоследней с турками войны...». Оба списка были составлены в 1839 году, сбор сведений шел в 1832—1833 годах, а отражают они антропонимическую и терминологическую реальность последней трети XVIII — начала XIX в.

В сборнике документов «Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского», составленном К.П. Крыжановской и Е.М. Руссевым, содержатся многочисленные определители идентичности, касающиеся выходцев из-за Дуная. Приведем те из них, которые принадлежат как им самим, так и тем, кто с ними непосредственно соприкасался:

— М.И. Кутузов: «обыватели христианского исповедания», «приглашения болгар, из-за Дуная переходящих», «склонять болгар, близ Руцука жительствовавших», «болгары», «из числа болгар», «пятисотенный болгарской команды», «Болгарское войско», «болгарами и другими переселенцами из-за Дуная», «обыватели христианского исповедания, а паче болгары», «задунайских болгар», «задунайские переселенцы»;

— А.Я. Коронелли: «жители... христианского исповедания, как-то: болгары, сербы и других наций народы», «болгар и других наций христиан», «задунайские переселенцы», «задунайские переселенцы, а наипаче болгары и сербы», «переселенцы в Бессарабии», «приходящим в Россию для поселения болгарам», «Болгарское войско из задунайских переселенцев»;

— И.Н. Инзов: «задунайские переселенцы», «о настоящем положении болгар и других задунайских переселенцев», «водворившиеся издавна болгары», «просьба болгар», «тем болгарам, кои в предпоследнюю войну... перешли в сию страну из-за Дуная», «о много-сложном сем деле о болгарях»;

— Д.П. Ватикиоти: «насчет переселения отсель в Бессарабию задунайских переселенцев болгар», «соглашение болгар на переселение», «задунайские переселенцы» (чаще всего), «болгар», «бессарабские задунайские переселенцы», «о производимом в болгарских поселениях денежном сборе», «лес, болгарями заготовленный», «принудить болгар», «переселенцы», «болгарские чиновники и болгары, служившие в прошедшую с турками войну в Войске Болгарском», «стражи из болгар», «старшины болгар», «калараша из болгар», «болгарских обществ», «а особливо из старых болгар, вышедших в первую с турками войну», «переселенцы из болгар», «задунайским бессарабским переселенцам», «кроме старых болгар, перешедших в прежнюю войну», «болгары, в прежнюю войну перешедшие в область сию», «болгары», «болгарским переселенцам», «у болгар», «о правах в отношении помещиков к болгарам», «болгары, как и греки, имеют привилегию», «греки селения Волканешт и в Хаджи Абдуле живущие»;

— А.П. Юшневский и Д.П. Ватикиоти: «задунайские переселенцы», «упомянутых болгар», «старшины болгарский поселений», «дунайские переселенцы», «общество задунайских переселенцев», «болгары рассудили переселиться», «причины перехода... скрываются не в поведении болгар», «самовольным переходам болгар», «задунайских болгар», «общества болгар Гречанского цынта селения Баурчи», «Хотарничанского цынта селения Чадыр болгарской нации переселенцев Янча Киороглу и Дмитрия Димова», «обиженные болгары»;

— А.П. Юшневский: «Сколько находится вышедших из-за Дуная... болгар», «обязанности сих болгар к помещикам», «утверждены ли за болгарями окончательно земли, первоначально им назначенные», «болгарами селений Пеленей Болгар и Пеленей Молдаван»,

«составления переписи задунайским переселенцам», «при переходе болгар на казенные земли», «сохраняя над болгарями непосредственное начальство»;

— Выходцы из-за Дуная: «чтобы всех нас вообще болгар, в Бессарабии поселившихся», «все болгарские семейства», «старшины задунайских переселенцев», «прошения некоторых из болгар, перешедших с помещичьих земель на казенные», «все живущие на помещичьи земли болгары», «избранных по селениям для управления болгар из нас старшин», «задунайские переселенцы», «все болгары, равно и поселившиеся тут в первую с турками войну».

Из всего многообразия определений выходцев из-за Дуная наиболее часто употребляется их идентификация как *болгары*, но используются также *болгары и других наций христиан; болгары, сербы и других наций народы; болгары и другие переселенцы из-за Дуная; задунайские переселенцы; бессарабские задунайские переселенцы; обыватели христианского исповедания*.

Д.П. Ватикиоти, кроме определения переселенцев как болгар, два раза использовал этнический маркер *греки, греки селения Волканешт и Хаджи Абдул*. На наш взгляд, так он назвал турецкоговорящих выходцев из-за Дуная, в частности, поселившихся в этих двух селениях. То есть, он имел в виду известных ныне гагаузов, которые самоопределяли себя как греки. Таким образом, некая часть тюркоязычных выходцев из-за Дуная называла себя греками, а не болгарями. Это так называемые хасыл-гагаузы, приморские гагаузы, которые, по утверждению В.А. Мошкова, находились под влиянием греков, о чем было сказано выше.

Но самое примечательное состоит в том, что в документах, исходящих от самих выходцев из-за Дуная, они сами называли себя чаще всего *болгарами*, и редко когда — *задунайскими переселенцами*. Особо следует сказать о том, что по отношению к «старым переселенцам», как и ими самими, используется исключительно маркер *болгары* (смотри маркеры И.Н. Инзова, Д.П. Ватикиоти и А.П. Юшневого, самих переселенцев). Причем, тюркоязычные выходцы из-за Дуная прибегали к нему не только в антропонимах, но и в топонимах. В литературе и по документам известно село Пеленей Болгар, основанное «старыми переселенцами». В Хрисовуле молдавского господаря Григория Александру Гика от декабря 1775 г. упоминается еще одно село, основанное задунайскими переселенцами: «...и в этом селище которое называ-

ется Минжир Верхний образовалось и село Болгар» (цит. по: Хайдарлы 2008: 483).

Теперь проанализируем антропонимы «старых переселенцев» жителей Пеленей Болгар, бежавших от Бальша и поселившихся в Болграде, Чишмикиое, Табаки, Сатунове, Вулканешты, Комрате, Каракурте, Бульбоки. Всего бежали 51 семья. У четырех глав семей вторая часть антропонима состояла из вариаций этнонима *болгар*: Кир болгарюл, Василий болгарю, Янаки болгарю и Яни болгарю. Глав семей, оба антропонима которых относятся к славяно-болгарскому именику, было немного: Никулч Стойко, Танасий Стойчул, Дима сын Кирула, Андрей сын Иванчу, Митрул волчул и Минчул вакарюл — всего шесть глав семей. Были и такие, у кого одна часть антропонима — славяно-болгарского происхождения, а другая — тюрко-турецкая: Кара Иван, Николай Карауца, Кара Диордий, Кара гица, Великул Карарь, Сары Иван, Иван Далы, Косте Топал, Никулче дулапчи, Панаит дениали — всего десять глав семей. Во многих вышеперечисленных антропонимах чувствуется молдавское правописание, но их корни указывают на славяно-болгарское или тюркское происхождение. Следующая группа антропонимов глав семей из села Пеленей Болгар — славяно-молдавская и тюрко-молдавская: Ион далиали, Кира Гуца, Койчо Кроиторул, Лупу Бербюрю, Опре Мошнягу. Большая часть антропонимов глав семей этого села относятся к группе славяно-тюрко-гагаузских: Стою арнаутолу, Филипп тосиоглу, Пеню трандафир оглу, Петре кожева греченолу, Танасий камоглу, Диордий камоглу или кукош, Димитрий караулоглу камоглу, Стою капсиман, Недельчул кюрюглу, Марин Хаджи Марин оглу, — всего также десять глав семей. Из 51-го антропонима глав семей мы указали здесь 34, остальные трудно поддаются дифференциации (борлак рызу, Михай Буджак, Кельпея, Илья табаклы, Драган, Гену гортань, Борбан зять курту и др.). Проведенный анализ не дает нам основания утверждать, что носителями антропонимов являются только славяноязычные или исключительно тюркоязычные выходцы из-за Дуная. Но все они причисляли себя к болгарам и в названии села включили этноним *Болгар*, чтобы отличать их Пеленей от Пеленей Молдаван, в котором также жили задунайские переселенцы, состоящие из двух языковых общин.

Сказанное подтверждает, что обе языковые общины «старых» и «новых» выходцев из-за Дуная еще до переселения в Дунайские княжества в подавляющем большинстве своем считали себя *болгарами* (лишь совсем незначительно было тех, кто относили себя к *гре-*

кам). Вместе с тем, если у славяноязычных выходцев из-за Дуная самоназвание *болгары* относится к этническому маркеру, то у тюркоязычных переселенцев все-таки самоназвание *болгары* — это политоним. Это принципиально важно для понимания объективных процессов разграничения между бессарабскими болгарскими и гагаузскими в конце XIX — первой половине XX в. Политоним *болгары*, возникший, на наш взгляд, в XII—XIV вв. для идентификации всего двуязычного населения Второго Болгарского царства, окончательно утвердился среди средневекового тюркоязычного православного населения Болгарии в период османского господства в болгарских землях, так как он выступал дополнительным к православной религии фактором-разграничителем между турками-мусульманами и турками-православными.

О том, что тюркоязычное население Болгарии еще в доосманский период ее истории называли *болгарами*, подтверждают источники. Страшимир Димитров ссылается на византийского книжника XI в. и современника «варварских» нашествий на Балканский полуостров Михаила Пселла, оставившего «одно похвальное слово о митрополите Иоанне», который был послан в качестве проповедника «при скитите, наричани по-рано номани, а след това преименувани на българии». И автор восклицает: «Какво по-ярко свидетелство за това, че отсядащите в нашите земи намади-скити скоро ставали българии и старите им етноними се заличавали» (Димитров 1996: 213).

Этот же источник комментирует и другой болгарский ученый-археолог, профессор Георгий Атанасов. Он с основанием относит «Български апокрифен летопис» к первой половине XIII в., когда уже существовал город Червен, упоминающийся в этом источнике. В нем записано о том, что пророк Исая «отлъчи третата част от куманите, наречени българии, и насели земята Карвунска», то есть он «отделил третью часть куманов, которых называли болгарами, и заселил землю Карвунскую» (Атанасов 2009: 20—23).

Другое доказательство общего для всего населения Болгарии названия и самоназвания Страшимир Димитров приводит, когда объясняет различия между «черными болгарами» и «белыми болгарами». Он справедливо полагает, что давно осевшие «жители на Дунавска България можели да разглеждат дошлите по-късно заселници като “северни”, т. е. като “черни българии”. Към тях те можели да отнесат всички прабългарски групи и общини, които изостанали от дружините на Аспарух и продължили да обитават сте-

пите на североизток от Прут. Към северните българи нашите прадеди можели да отнесат с основание и заселелите се през XI—XII в. в българската етническа територия и побългарили се печенези, узи и кумани. От всичко това следва, че името “черни българи” като обозначение за “гагаузите” трябва да се е оформило в средите на тюркоезичните аспарухови потомци, които знаели и използвали географското значение на прилагателното “черен” Това определение било възприето още през IX—X в. от византийската и руската историопис, както и от славянобългарското население, но само в неговото буквално, цвetoво значение» (Димитров 1996: 208).

Българският изследовател истории средновековой Болгарии приводит еще один аргумент, объясняющий существующее среди гагаузов изречение относительно того, что они — «истинные болгары». Этот аспект этнической истории гагаузов ученые до сих пор обходили стороной, поскольку ответ на него не мог удовлетворить сторонников тюркской гипотезы происхождения гагаузов. Страшимир Димитров пишет: «Условия за запазване и утвърждаване на групови и регионални имена на групи се съдържали в самата обективна обстановка в българската народност през XII—XIII в. Към тези векове вече била създадена единната българска народност, в която обаче е имало различни етнокултурни групи. Славяните в българската етническа територия вече се самосъзнавали като българи, определяли езика си и книжнината си като българска. Писмените паметници от края на XII в. и началото на XIII в. като “Сказание на Кирилл Философ как покръсти българите”, “Синодик на цар Борил” и др. вече представяли славянската писменост и книги като българска, за разлика от авторите от IX—X в., които определяли езика си като славянски, а за български считали езика на Аспаруховите, тюркоезичните българи. Щом славяните започнали да наричат своя език и себе си българи, пред тях възниквал проблем как да бъдат обозначени старите хуноезичните българи? Кой всъщност е “истинският” български език? Езикът на славянобългарската книжнина ли е истинският български език или пък този на неписмените и безкнижни тюркобългари?» (Димитров 1996: 214). И сам себе отговаря: «Благодарение на преобладаващата си численост и като носители на “българската” писменост и книжовност» славяне, принявшие этноним болгары «поемат ролята на “истинските българи”. Именно принадлежността на славянобългарската писмена култура решава в крайна сметка “спора” кои и какви са българите в полза на славяноезичните люде. За ста-

рите, историческите носители на етнонима “българи”, за тюркоезичните българи остава да се успокояват с фолклора си, че «ние сме истинските българи», “ние сме старите българи” («асъл булгар» или «ески булгар»), т. е. да се самоуспокояват с една непризнавана извън техния кръг истина» (Димитров 1996: 216).

Близкую к Стр. Димитрову позицию занимает и Георгий Атанасов. Правда, он ограничивает присутствие в этногенезе гагаузов двумя предшественниками, куманами и тюрками-болгарами: «При така очертаните демографски и етнокултурни процеси в крайморска Добруджа през VII—XIV в. и при положение, че гагаузите са старото тюркоезично християнско население, то те могат да бъдат потомци както на старите българи, така и на тюркоезичните кумани» (Атанасов 2009: 422). Но автор повече склоняется к тому, что «с по-голямо основание може да се твърди, че произходът на гагаузите е в по-тясна връзка с етногенетичните процеси в Добруджа, предизвикани от инфилтрирани през XIII в. кумани» (Атанасов 2009: 423). Если это так, тогда и Г. Атанасов признает, что болгарская народность до конца XIV века была славяноязычной и тюркоязычной, но при этом православной и под одним общим названием и самоназванием *болгары*. Однако, и Стр. Димитров, и Г. Атанасов, в отличие от меня, считают, что тюркоязычные жители средневековой Болгарии были носителями этнонима *болгары*. Но если учесть всю гамму их рассуждений по данной проблеме, то очевидно, что они имеют в виду политоним *болгары*. Во всяком случае, я пришел к выводу, что в средневековой Болгарии слово *болгары* было политонимом, либо топонимом (по названию страны), на основе прочтения работ этих двух исследователей.

Вместе с тем, единая болгарская народность в двух ее языковых составляющих во Втором Болгарском царстве и в период османского господства в Болгарии — это два совершенно разные исторические явления. В рамках самостоятельного болгарского государства две языковые общины, славянская и тюркская, прошли этап осознания себя болгарской народностью. Они остановились, из-за нехватки времени, перед следующим историческим процессом — формированием единой болгарской этнонации по типу слияния тюркок-болгар и южных славян в болгарскую этнонацию. В период многовекового османского господства в Болгарии продолжение этого процесса было невозможно в принципе. Но при всех насильственных ассимиляционных воздействиях османских властей на двуязычную православную болгарскую народность, они не смогли растворить ее в турецком языковом и духовно-

религиозном пространстве. Однако само это господство стало непреодолимой преградой на пути трансформации политонима *болгары* в этноним *болгары*. Не могли тюркоязычные болгары превратиться в славяноязычных в тех условиях. Тюркоязычным болгарам было легче адаптироваться в языковом отношении к функционирующему в Османской империи турецкому языку, в то время как славяноязычные болгары должны были отстаивать родной язык, с одной стороны, и осваивать господствующий турецкий язык, с другой. Объективно османское господство в Болгарии сыграло положительную роль в жизни тюркоговорящих болгар лишь в том смысле, что османские власти не могли покуситься на их родной язык общения. Вместе с тем, нельзя говорить, что османский период в истории тюркоязычных жителей Болгарии не оказал негативное влияние на достигнутый ими на прежнем этапе исторического развития уровень языковой консолидации. Прежде всего они не смогли сохранить само название своему языку и, как отметил Стр. Димитров, стали называть его *турецким языком*. Кроме того, по мнению специалистов-филологов, турецкий язык проник в язык тюркоязычных жителей Болгарии своей словарной составляющей. Это и многое другое, как известное исторической науке, так и неисследованное еще в истории тюркоязычной части болгарской народности, не является позитивным фактором их этнической истории на Балканах. То есть, в рамках Османской империи не могли возникнуть новые этнические формирования. Даже те, что присутствовали на Балканском полуострове до его завоевания турками-сельджуками, подвергались этническому уничтожению. Другое дело, что эту насильственную этническую и религиозную ассимиляцию Османской империи не удалось завершить.

Что касается того, что тюркоязычные жители завоеванной османами Болгарии называли себя болгарами, то хотя это их мало волновало, все же османский период их истории создавал предпосылки для размывания у них причастности к общей двуязычной болгарской народности в болгарских землях. Эмиграция же тюркоязычных переселенцев из-за Дуная в Молдавское княжество, а затем в Буджак обусловила их постепенную эволюцию в направлении, отдаляющем их от болгарской гражданской идентичности. Но это был достаточно продолжительный во времени процесс, который имел место уже за пределами Балканского полуострова.

Поэтому, когда царские власти в начале XIX в. стали официально называть всех

выходцев из-за Дуная болгарами, они ничего никому не навязывали, а учли реалии, т. е. посчитались с тем, как переселенцы сами себя называли. Но впоследствии они разделили их на две реально существовавшие языковые общины: «болгары, говорящие на славянском языке», и «болгары, говорящие на турецком языке». Тем самым, власти признали реализующуюся языковую концентрацию в Буджаке переселенцев, говоривших на турецком/тюркче языке.

И в литературе 30—40-х гг. XIX века по отношению к колонистам — «задунайским переселенцам» используется маркер болгары (Венелин, Скальковский, Варадинов, Априлов, Велицын, Задерацкий). Но и тогда этот маркер не имел всех признаков общего для всех колонистов-переселенцев этнонима, поскольку среди них были, кроме болгар, также греки, албанцы, молдаване.

Что касается самих гагаузов, то, несмотря на то, что они продолжали относить себя к болгарам, именно тогда (1837 г.) в архивных документах (И. Толстой) впервые отложилось официальное их название гагаузы как субэтнос болгар. Этой же позиции придерживается и П. Кеппен в первой половине 50-х гг. XIX века. Таким образом, вся совокупность архивных документов и литературных источников свидетельствует о том, что тогда «старые» и «новые» задунайские переселенцы-колонисты, независимо от языка общения, идентифицировали себя как болгары, и так их называли и другие этносы Бессарабии.

Тем не менее, именно во второй трети XIX столетия завершился этап языковой консолидации тюркоязычных выходцев из-за Дуная. Анализ списков глав семей «старых» и «новых» переселенцев приоткрывает завесу над тем, что происходило с болгарскими, говорившими на турецком языке, принужденными кырджалийскими смутами, религиозным преследованием и русско-турецкими войнами эмигрировать из болгарских земель. В последней трети XVIII — первой четверти XIX вв. они прошли два этапа своей новой истории за пределами Балкан — эмиграцию из-за Дуная и территориальную концентрацию в Буджаке. Последний этап объективно включал в себе и их частичную консолидацию по языковому признаку в рамках «Бессарабского болгарского водворения». Но эти два этапа гагаузы проходили вместе, рядом, нераздельно с «болгарскими, говорящими на славянском языке». Тюркоязычных выходцев из-за Дуная и их потомков ожидали впереди следующие этапы их сложной этнической истории в Буджаке: полная

языковая консолидация на основе турецкого языка/тюркче, отказ от этнонима *болгары*, трансформация термина *гагауз* в этноним *гагауз*, замена названия турецкий язык/тюркче на гагаузский язык/гагаузче. На это ушло еще более 100 лет. О том, что этот процесс был продолжительным по времени, свидетельствуют статистические данные по ряду поселений, которые теперь считаются моногагаузскими. Так, в первом десятилетии XX столетия жителями Казаякли были 3400 гагаузов и 240 болгар, жителями Татар-Копчака — 4575 гагаузов и 75 болгар, Комрата — 6200 гагаузов, 3100 болгар и 300 евреев, Бешалма — 1900 гагаузов и 930 болгар, Курчи — 1770 гагаузов и 980 болгар, Старо-Троян — 1054 гагауза, 405 болгарина, 124 молдаванина, 87 — великороссов и малороссов. Присутствие жителей гагаузов сохранилось и в тех селах, которые принято относить к болгарским по составу населения. Характерно и то, что во вновь возникших селах во второй половине XIX века состав населения также включал болгар и гагаузов: в Кайраклии — 615 гагаузов и 840 болгар, Болгарийки — 810 гагаузов и 975 болгар, Кальчево — 625 гагаузов и 1750 болгар и т.д. (Берг 1919: 42—45, 54—59).

Если говорить об этногенезе гагаузской общности в Бессарабии на всем протяжении этнической истории гагаузов, то к балканским этническим компонентам их происхождения (узы, печенеги, куманы, турки-болгары, славяно-болгары) необходимо добавить и бессарабские: снова славяно-болгары, молдаване, русские, украинцы. Но, благодаря языковой специфике бессарабских гагаузов и компактности их проживания в Буджаке, многообразие иноэтнического присутствия в гагаузской общности не приводило к ее размыванию. Во всяком случае, до сих пор не приводило.

Анализ антропонимов двух «Именных списков болгар» — «старых» и «новых» задунайских переселенцев позволяет высказать предположение, относящееся к «болгарам, говорящим на турецком языке»:

— те главы семей, у кого обе части антропонима основаны на славяно-болгарском именнике, были этническими болгарами либо их предки были таковыми. Однако в силу исторических обстоятельств многовекового османского господства в Болгарии часть из них утратила владение родным языком. Это предположение, на мой взгляд, также может служить объяснением, почему именно среди гагаузов распространено утверждение, что они — «истинные болгары»;

— одна часть тех глав семей, у кого вторая часть антропонима имеет тюрко-турецкое происхождение, также могут иметь славяно-болгарские корни, но их языковая и антропонимическая ассимиляция тюрко-турецкого характера была более продолжительной по времени. Другая же часть этих глав семей может представлять собой потомков давнишнего симбиоза неославянившихся протоболгар и племен тюркских кочевников, принявших православие еще до завоевания Болгарии османами;

— часть тех глав семей, второй компонент антропонима которых приобрел черты тюрко-гагаузского характера еще на Балканах, могут быть отнесены к тем жителям болгарских земель, которых в силу определенных исторических обстоятельств языкового и религиозного характера, стали называть там гагаузами, не вкладывая в него вообще этнический смысл.

Суть этого предположения состоит в том, что приведенная здесь антропонимическая информация дает основание говорить о том, что гагаузский феномен не имеет тюркское этническое начало в чистом виде. В их этногенезе могли участвовать различные этнические группы населения Балкан, в том числе и славяно-болгары, и тюрко-болгары, принявшие православную веру. Что означает: на начальном этапе этногенеза гагаузов на Балканах (XV — первая половина XVIII в.) решающее значение имел не этнический, а религиозный фактор.

Выводы

1. Государственная система Первого и Второго болгарских царств, а с 865 г. и православная религия обусловили этническое смешение тюрко-болгарского и славянского населения, приведшее к образованию новой славяно-болгарской народности на Балканах, а также этнографическую интеграцию той части тюркоязычной общины, которая оставалась вне процесса этнического смешения славян и тюрков, хотя болгарское государство наложи-

ло самоназвание «болгары». Однако для тюркоязычного населения болгарских царств оно не было этнонимом, а содержало все признаки политонима или топонима.

Вместе с тем многовековое сосуществование двух языковых общин на одной территории не могло сохранить между ними этнокультурную изолированность каждой из них. Православие, отодвинувшее процесс этнической приоритетности на второй план, обеспе-

чивало совместное проживание двух групп болгар, славяноязычных и тюркоязычных, установление кровнородственных связей, выработку единых этнографических традиций, а также формирование общих антропонимов.

2. Завоевав в конце XIV в. раздробленную Болгарию, турки-османы застали покоренный народ разговаривающим на славяно-болгарском и тюркском наречии. Многовековое турецкое господство обусловило проникновение в среду славяноязычных и тюркоязычных болгар языковых и этнографических элементов господствующей нации. Но в свою очередь славяноязычное и тюркоязычное население болгарских земель, опираясь на православие, стремилось сохранить — и сберечь — свою культурную и этнографическую идентичность.

3. Тюркоязычное население болгарских земель, поработанное турками-османами, испытывало особую неприязнь со стороны завоевателей из-за приверженности православию. Оно, чтобы не быть поглощенным османо-мусульманским миром, дистанцировалось от него как православной верой, так и демонстрацией своей принадлежности к другому территориальному, этнографическому и этнокультурному пространству, изначально не принадлежащему Османской империи, а лишь ею завоеванному.

4. В XV—XVIII вв. происходил процесс интерференции турецкого языка в славяно-болгарскую среду. Что касается ее тюркоязычных сограждан, то турецко-османские языковые заимствования привели к тому, что они забыли название своего языка, заменив его на «тюркче» — «турецкий язык».

5. Болгароязычное и тюркоязычное население болгарских земель не избежало воздействия османо-турецкого господства и на свои антропонимы. В славяно-болгарской среде это влияние отразилось на третьем компоненте, на самой фамилии, посредством превращения в таковую уличного прозвища, «прякула», профессии или какой-либо другого отличительного признака человека. В православную же тюркоязычную среду проникли окончания *-огло*, *-оглу*, обозначающие «сын», которые, как правило, присоединялись к третьей части болгарского антропонима.

6. Очевидно, что в Пруто-Днестровское междуречье, а затем в Буджак переселились «задунайские переселенцы» двух языковых общин — славяноязычной и тюркоязычной. Имея общие историческое прошлое, религию, этнографическую и антропонимическую идентичность, а также владение славяно-

болгарами турецким языком, тюркоязычные и болгароязычные «задунайские переселенцы» Буджака не поселялись отдельно друг от друга, а зачастую совместно участвовали в основании новых поселений. Общность антропонимии и владение славяно-болгарами турецким языком не позволяют определить численность каждой языковой общности. На момент заселения Буджака языковой принцип концентрации населения во вновь образованных колониях не действовал в полном объеме.

Вместе с тем первичная концентрация тюркоязычных «задунайских переселенцев» имела место, главным образом в колониях Верхне-Буджакского округа. Здесь они преобладали над всеми прочими языковыми группами задунайских переселенцев (болгары, греки, молдаване). Именно эта первичная концентрация обусловила в дальнейшем языковую консолидацию тюркоязычного населения Буджака, ставшую базовой основой формирования гагаузской общности в Бессарабии.

7. Этногенез гагаузов является продолжением этнической истории тюркоязычного, в том числе и тюрко-болгарского, населения Болгарии VII—XIV вв. В период османского господства в Болгарии происходил этногенез православных гагаузов. На наш взгляд, именно тогда появилось понятие «гагауз». Это был привнесенный извне термин для обозначения тюркоязычного православного населения, отличающегося от османо-мусульманского верой. Наименование имело для тюркоязычного православного населения оскорбительный характер, что признают не только ученые (К. Иречек), но и сами его носители. Это также лежит в основе того, что тюркоязычные переселенцы называли себя болгарами либо греками, но не гагаузами. В период османского господства в Болгарии в этногенезе гагаузов участвовало все сохранившееся тюркоязычное православное население, а также славяно-болгары, имевшие в этногенезе тюркский компонент в его болгарской и куманской составляющей. При этом очевидно, что не тюркоязычное население болгарских земель ослаблялось, а славяно-болгары в его среде ассимилировались.

Тюркоязычным выходцам из-за Дуная понадобилось нелегкое решение об изменении политической и религиозной среды обитания, а также длительное проживание в Буджаке, чтобы слово-понятие «гагауз» освободилось от его негативной интерпретации и приобрело к концу XIX — началу XX вв. позитивный этнический смысл и содержание.

Литература

- Атанасов Г. 2009. *Добруджанското деспотство*. Велико Търново.
- Атанасов Щ. 1958. *Селските въстания в България в края на XVIII в. и създаването на българската земска войска*. София.
- Берг Л. С. 1919. *Население Бессарабии*. Петроград.
- Булгар С. 2008. *История города Комрата*. Кишинев.
- Гайдаржи Г. А., Тукан Б. П., Колца Е. К., Покровская Л. А. 1973. Гагаузско-русско-молдавский словарь. Москва.
- Грек И. Ф. 1976. О проектах планов устройства выходов из-за Дуная на положении казачьих войск на юге России в конце XVIII — начале XIX в. *Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук* (3), 46—54.
- Грек И. 2003. *Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. — 1995 г.* (Библиографический указатель литературы). Кишинев.
- Грек И., Червенков Н. 1994. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. София.
- Гросул Г., Даниленко Р. 1962. Документы об участии волонтеров Дунайских княжеств и Балканского полуострова в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. *Труды ЦГА МССР*. Т. 1. Кишинев, 120—136.
- Губогло М. Н. 1973. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник *Советская тюркология* (2). Баку, 84—92.
- Димитров Стр. 1995. Гагаузкит проблем. В: *БСП*. Т. 4. Велико Търново, 147—168.
- Димитров Стр. 1996. Още едно мнение за името «гагаузи». В: *БСП*. Т. 5. Велико Търново, 199—219.
- Дойнов С. 1979. *Българското националноосвободително движение 1806—1812*. София.
- Дрон И. В. 1992. *Гагаузские географические названия*. Кишинев.
- Дрон И. В., Курогло С. С. *Современная гагаузская топонимия и антропонимия*. Кишинев.
- Занетов Г. 1902. *Българското население в средните векове*. Руссе.
- Казаков Н. И. 1955. М. И. Кутузов и национально-освободительное движение народов Балкан в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В: *Полководец Кутузов*. Москва, 141—174.
- Кара Н. В. 1999. Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века. В: *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины*. Кишинев, 239—245.
- Каранастас-Радова О. К. 2001. *Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII — первая четверть XIX вв.)*. Кишинев.
- Квилинкова Е. Н. 2007. *Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности*. Кишинев.
- Колесник В. 2001. *Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь*. Одесса.
- Конобеев В. Д. 1958. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. В: *Из истории русско-болгарских отношений*. Москва, 194—291.
- Крыжановская К. П., Руссев Е. М. (сост.). 1957. *Устройство задунайских переселенцев и деятельность А. П. Юшневского*. Сб. док. Кишинев.
- Крыжановская К. П., Руссев Е. М. 1961. О некоторых формах классовой борьбы задунайских переселенцев в Бессарабии в первые десятилетия XIX века. *Изв. МФ АН СССР*(2), 27—37.
- Мещерюк И. И. 1950. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 10-х гг. XIX столетия. *Учен. зап. КГУ. Гуманитарные науки*, 73—87.
- Мещерюк И. И. 1953. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века. *Изв. МФ АН СССР* (3—4), 65—97.
- Мещерюк И. И. *Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг.* Кишинев.
- Милетич Л. 1902. *Старото българско население в Североизточна България*. София.
- Мошков В. А. 2005. *Турецкие племена на Балканском полуострове*. Кишинев.
- Никогло Д. 2004. Система питания гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев.
- Пиндикова Г. 2006. *Българските земи от древността до наши дни в атласи, карти, гравюри и книги от колекцията на д-р Симеон Симов*. София.
- Полевой Л. Л. 1979. *Очерки исторической географии Молдавии XIII—XIV вв.* Кишинев.
- Скальковский А. 1848. *Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае*. Одесса.
- Сорочяну Е. С. 2006. *Гагаузская календарная обрядность*. Кишинев.
- Стати В. *Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование*. Кишинев.
- Хайдарлы Д. 2007. Юг Пруто-Днестровского междуречья в XVIII — начале XIX вв.: этно-миграционные аспекты. В: *Курсом развивающейся Молдовы 2*. Москва, 480—496.
- Хайдарлы Д. И. 2008. *Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. Этнодемографические и исторические аспекты*. Кишинев.

Статья поступила в номер 11 октября 2010 г.

Ivan Grek (Kishinev, Moldova). Doctor of history.
Ivan Grek (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie.
Грек Иван Федорович (Кишинев, Молдова). Доктор истории.
E-mail: ivangrec39@mail.ru